

ЗАЛА 19

ШКАФЪ

ПОЛКА

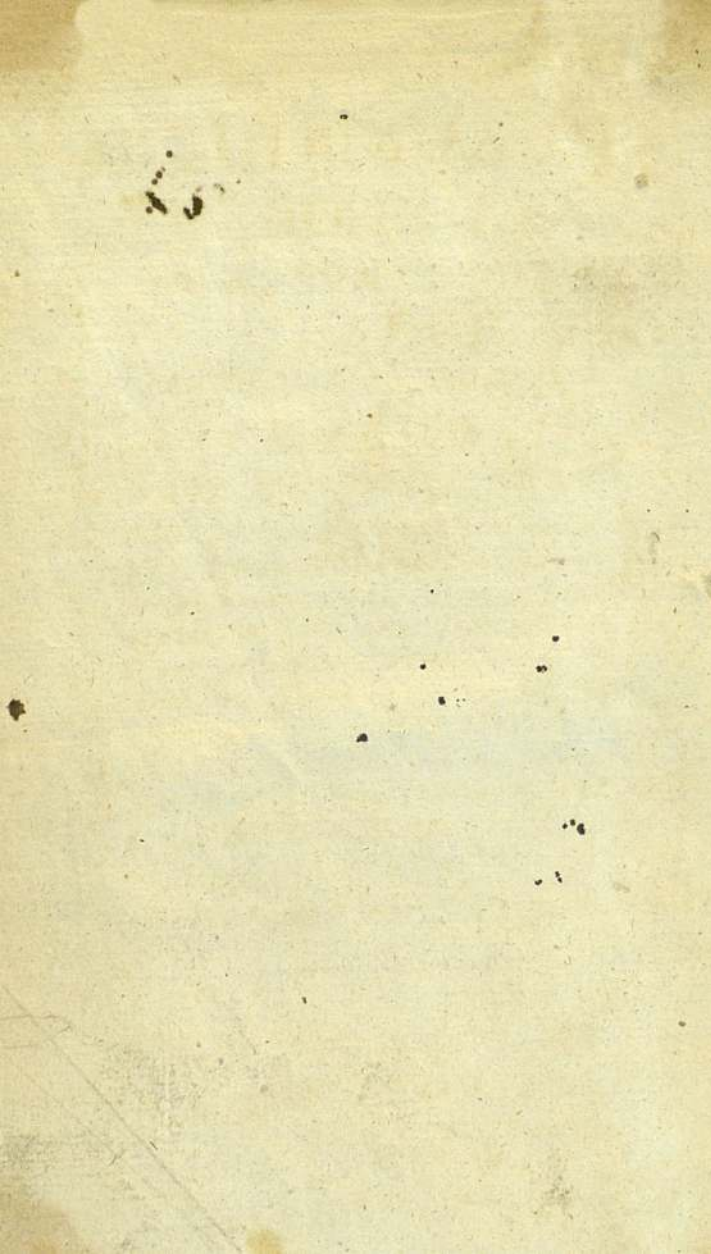
№

12
5
8.9

2. (2.)

7-54

ПОКОЯЩІЙСЯ
ТРУДОЛЮБЕЦЪ,
ПЕРІОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

СЛУЖАЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ

ВЕЧЕРНІЯ ЗАРИ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

Богословскія, Философическія, Нра-
поучительныя, Историческія, и
всякаго рода какъ пажныя, такъ
и забащныя матеріи, къ пользѣ
и удопольстцію любопытныхъ
читателей, состоящія изъ по-
линныхъ сочиненій на Россійскомъ
языкѣ и переподобъ съ луч-
шихъ иностранныхъ писателей
въ стихахъ и прозѣ.

— — — Sibi quis
Speret, idem frustra sudet, frustra que laborat.

НОР.

ЧАСТЬ II.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1784 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Матерій находящихся по II. части.

строк.

I. Размышленіе на первую главу бытія. - - - -	1
II. О исшорін Моисеевой. - - -	6
III. Разговоръ Сократа съ Эваго- ромъ. - - - -	25
IV. О мнимомъ усердіи въ Религіи.	48
V. Оды духовныя. 1. 2. - - -	56
VI. Молитва ушренняя. - - -	58
VII. Вечерняя пѣснь къ Творцу. -	—
VIII. Гласъ Бога къ человѣку. -	60
IX. На злобу. - - - -	64
X. Человѣкъ на единѣ разсуждаю- щій о неудоборѣшимыхъ Пнев- матологическихъ, Психологи- ческихъ и Онтологическихъ задачахъ. - - - -	65
XI. Бильфельдово размышленіе о тщешныхъ наукахъ и худо- жествахъ. - - - -	74
XII. О Крокодилахъ. - - - -	96
XIII. Ода <u>премя.</u> - - - -	110
X	XIV.

XIV.	Гимнъ богинѣ счастья.	-	113
XV.	Рондо.		
	1. Изъ Эклезіаста.	-	116
	2. Опчаянный человекъ.	-	117
	3. Рокъ.	- -	119
XVI.	Аршанъ или истинный государь совѣтникъ.	- -	121
XVII.	Общія примѣчанія о путешествіяхъ.	- -	125 ✓
XVIII.	Первыя человѣческія чувствованія, ощущаемыя при удаленіи отъ своего отечества.	-	134
XIV.	О употребленіи времени.	-	140
XX.	Дамонъ и Тирсисъ Пастушеская повѣсть.	- -	148
XXI.	О любви и различныхъ родахъ любовниковъ.	- -	153 ✓
XXII.	Письмо Индѣйца о нравахъ Европейцовъ.	- -	161
XXIII.	Пѣснь уединенію.	-	164
XXIV.	Для дѣшей.	- -	—
	1. Страніе дѣшей угрождашь своимъ родителямъ.	- -	166
	2. Повѣсть о дѣвицѣ Буянѣ.		168
XXV.	Анекдоты.	- -	175
	1. Смертный одръ.	-	—
	2. Состраданіе.	- -	179

3. Счастливей Пилиг-			
римъ.	-	-	187
4. Великодушіе.	-	-	194
5. Забавной разговоръ.	-	-	—
XXVI. Новая Логика.	-	-	196
XXVII. Спихотворенія.	-	-	215
I. Анакреонтическая ода.			—
II. Баллашъ.	-	-	218
III. Деревенская жизнь.	-	-	219
IV. Припчи.	-	-	221
1. Пустынникъ и мѣд-			
пѣдъ.	-	-	—
2. Лисица съ орломъ.	-	-	225
V. Басня.	-	-	227
VI. Идиллія.	-	-	229
VII. Эпиграммы.	-	-	230
1. Женская болтливость.			—
2. Клятца красавицамъ.			131
3. Ложный слухъ.	-	-	—
4. Любопь.	-	-	—
5. Немилина краса.	-	-	—
6. Кашель.	-	-	222
7. Особливая прелесть.			—
8. Мужъ къ женѣ.	-	-	—
9. Къ прежней любовницѣ.			—
10. Безпечному.	-	-	133
11. Коротко да ясно.	-	-	—

12.	Къ Намалепанной кра-	-	-	-	—
	саицѣ.	-	-	-	—
13.	Зоилу.	-	-	-	—
14.	Неизпѣстный сочи-	-	-	-	235
	нитель.	-	-	-	—
15.	На Диапла Медика.	-	-	-	—
16.	Стряпчій къ Истцу.	-	-	-	—
17.	Боярская щедрость.	-	-	-	—
VIII.	Эпитафїи.	-	-	-	235
1.	Добродѣтельному.	-	-	-	—
2.	Богатому дворянину.	-	-	-	—
3.	Коню.	-	-	-	236
4.	Безъименному мер-	-	-	-	—
	тпецу.	-	-	-	—
5.	Обиралому.	-	-	-	—
6.	Метафизику	-	-	-	236
IX.	Загадки.	-	-	-	—
1.	-	-	-	-	—
2.	-	-	-	-	238
3.	-	-	-	-	239
4.	-	-	-	-	—
5.	-	-	-	-	—
XXVIII.	О мїрѣ , Началѣ его и древно-	-	-	-	-
	сти.	-	-	-	240
XXIX.	Лѣшо.	-	-	-	260

ПОКОЯЩІЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦЪ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

I.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

На первую главу вытїя.

Коль слабы шѣ умы, которые заемлюшѣ
Ошѣ низкихѣ средствѣ крылѣ, и пушѣ
(шуда прїемлюшѣ,
Гдѣ кроется судебѣ ужасна глубина!
О коль шрудна для нихѣ столь важная страна!
О гласѣ Пророческій, гласѣ Богомѣ вдох-
(новенный!
Ты силенѣ слабый духѣ мой шѣбномѣ ошягченный
Воздвигнушѣ сѣ дряхлаго шѣлеснаго одра,
Гдѣ присно льстишѣ ему волшебныхѣ мечшѣ
(игра.
Твоя едина мощѣ сіе ярмо свергаетшѣ
И подаешѣ крылѣ, да возникнешѣ и произаетшѣ
Исчезшую шу даль предвѣчности свяшой,
Когда *трилучный слѣтѣ* сіялѣ самнмѣ собой,
Свой невечерній блескѣ по безднѣ разливая.
Ты зришь, мой духѣ! — но что шы зришь
(изнемогающая?)

Ужѣ ли ты предсталъ предъ сильно Божество,
Кого пренецешъ все дрожаще естество!

Гдѣ вѣки? Воспомни! — гдѣ тошъ вѣкъ тебѣ
(родившій,

Ошколѣ ты возникъ надъ рядомъ ихъ паривши?
Безмолвствуй! — или славь шого, кого уз-

(рѣлъ —
Неизмѣриму ты пучину здѣсь обрѣлъ.

Се тошъ *Всесильный*, кои вѣ себѣ пред-
(созерцаешъ

Все то, что вдругъ предъ нимъ явишься по-
(добаешъ

Священный страхъ къ себѣ безмолство при-
(гласилъ

И присіяющій престолъ съ нимъ окружилъ.
Зри, духъ мой! — се уже явился онъ ужасенъ!

И се безплошныхъ ликъ ницъ палъ предъ нимъ
(безгласенъ!

Богъ образы черпашъ несозданныхъ шварей,
И умозришь уже движеніе вещей.

Лишь зарево сіе дѣлъ Божихъ просіяло,
То вдругъ изъ *ничего* бышь *нѣчто* начинало.

О! како возмогло шoliko чудо бышь?
Возможноль брешному хощъ слабо извѣснись,

Какъ произникло то явленье велелѣпно?
Возможнольсь чѣмъ сравнись шо дѣло боголѣпно?

Сравнимъ ли мы сіе явленье шой мечшъ,
Что производитъ умъ вѣ безмолвной шемношъ?

Нѣшъ. Смѣло допустись шого намъ не воз-
(можно,

Пустая бо мечта ешь существо ничшожно
Не

Но чтоже оное создано вещество,
 Что изъ ничтожества изпоргло Божество?
 Тамъ тварей сѣмена распки свои пускали,
 И оныя распки имъ плодъ приготавливали.
 Зачала всѣхъ вещей не зная мѣстъ своихъ
 Вооружалися прошивъ себя самихъ.
 Гдѣ горѣносный огонь волнуяся краснѣетъ,
 Тамъ жидкая вода занявши мѣсто рдѣетъ.
 Гдѣ вержешся бугромъ земля, и гдѣ лежишъ,
 Тамъ воздухъ вихремъ рветъ ее, и въ без-
 (дну мчитъ.

Сей между ними споръ до полъ продолжался,
 Доколь Духъ зиждущій по нихъ не проспи-
 (рался.

Природа вемлетъ гласъ — и вещи, спавши
 (въ чинъ,
 Съ согласіемъ поютъ причину всѣхъ причинъ,
 Что живошворной ихъ улыбкой оживляла,
 Что имъ движеніе извѣстно даровала.

Тогда смѣнившій шѣму открылся чистый
 (свѣтъ.

Вода раздѣлена, и свой законъ беретъ.
 Одна простерлася надъ швердію высокой,
 Другая разлилась во пропасти глубокой;
 Сія спеклася въ сонмъ, сей сонмъ разверзъ
 (свой зѣвъ,
 И силу Вышняго гласилъ чрезъ шумный ревъ.
 Равнины злачныя производили сушу.
 Ихъ зеленіе являло нѣку душу.

Здѣсь горы, тамо долѣ; здѣсь лѣсѣ, а шамѣ поля.
 Здѣсь кашинся рѣка, а шамѣ ревушѣ моря;
 Твердыни здѣсь, а шамѣ подземность опвер-
 (залась

Тьма смертная погдажѣ изѣ оной пропоргалась
 И возвѣщала шѣмѣ о слезныхъ шѣхъ часахѣ,
 Какѣ споря съ жизнью смерть преобращишѣ
 (насѣ вѣ прахѣ.

Внезапу Божій перстѣ возжегѣ на небѣ си-
 (немѣ
 Огни вездѣ, куда свой бранный взорѣ ни
 (кинемѣ.

Лишь было первое движенье сихъ шѣлесѣ,
 Ударилѣ часѣ! — гдѣжѣ онѣ? — погда еще
 (исчезѣ.

А время — сколь оно вѣ даль быспро побѣжало!
 И кажется, погдажѣ плачевно повпоряло,
 Что мы всегда его перья будемѣ жить,
 Забывѣ, что промыслѣ вдругѣ прервешѣ живош-
 (ну нишѣ?

Безпечный смертный! зри! — се времени начало!
 Зри! — Вѣчно ли оно печенье возпріало!

Пары согрѣшныя лучами вѣ выспрь шекли,
 Знаменовали бракѣ и неба и земли,
 Крылашы сонмища вѣясь подѣ небесами
 Воспѣли разными пѣснь Богу голосами.
 Рысшая дикій звѣрь вѣ веселіи позналѣ,
 Что вѣ шемныхъ рощахѣ жить ему Богѣ указалѣ.
 Рогашый шамѣ елень изѣ персти извлеченный
 Сѣ крушыхъ холмовѣ скакалѣ сѣ весельемѣ вѣ
 (лѣсѣ зеленый.

Къ восторгу Ангеловъ живошворитъ Богъ
 (прахъ,
 Прахъ двинулся, — и сей во многихъ споль
 (вѣкахъ,
 Чшо бышь должны по немъ, свою жизнь заклю-
 (чившій
 Сей первый возпрянулъ, духъ горній оцупивши,
 И на востокъ средь ушѣхъ себя узрѣлъ.
 Внущите, коль премудръ изъ перси онъ из-
 (шелъ?
 Съ какимъ онъ чувствіемъ зрѣлъ шворческу
 (державу,
 Но племена — ахъ! всѣль зряшъ Божию вѣ
 (немъ славу?
 О пы премирный духъ, чшо всю живошво-
 (рилъ
 Природу дѣйствіемъ своихъ всемоцныхъ силъ,
 Излей свой шеплый лучъ вѣ умъ мракомъ по-
 (кровенный,
 Дерзнувшій днесь предстать предъ швой пре-
 (столъ священный.
 Онъ слабъ — споспѣшествуй, дабы внимаши
 могъ
 Гласъ шихій вѣ еспествѣ, сколь мудръ не-
 (ликій Богъ.

С. Б.

II.

О ИСТОРИИ МОИСЕЕВОЙ,

Происхожденіи міра, состояніи людей прежде потопа, самомъ потопѣ и началѣ идогослуженія.

Моисей есть древнѣйшій изъ всѣхъ писателей, которыхъ мы имѣемъ. Труды его суть начальныя книги вѣхаго завѣша. Они предполагаются другимъ книгамъ сего завѣша, которыхъ не прежде разумѣшь можно, пока не будемъ знать того, что содержатъ въ себѣ пять книгъ Моисеевыхъ.

Сей мужъ, знаменитѣйшій въ древности, въ сочиненіяхъ своихъ можетъ разсмашириваемъ бытъ съ двухъ весьма важныхъ и нашимъ изслѣдованіямъ полезныхъ сторонъ. Онъ есть Историкъ, который касается происхожденія человѣческаго рода и особенно имѣетъ предметомъ повѣсповованъ важнѣйшія приключенія Религіи древнихъ людей съ пособіями, которыя имѣли они къ доспизженію знаній, служившихъ руководствомъ къ оной. Онъ есть законодатель гораздо доспопамятнѣйшій, нежели шѣ, о которыхъ другіе Историки упоминаютъ. Сей законодатель есть вмѣстѣ и учитель народа, который онъ собралъ и котораго былъ онъ вождемъ. Главнымъ предметомъ его законовъ и его полишики есть Религія

и отвлеченіе своего народа отъ ложнаго Бого-
служенія и языческаго шѣхѣ, съ копорыми
онѣ жилѣ, или у копорыхѣ еще живѣ дол-
женствовалѣ, дабы показатѣ ему великой
предметѣ Религіи, предписатѣ ему его дол-
жности и предложитѣ побудительныя причи-
ны къ исполненію оныхѣ.

Моисей родился въ Египтѣ между Изра-
ильянами, копорые происходя изъ одного
семейства по прошествіи двухъ вѣковъ сдѣ-
лались весьма многочисленнымъ народомъ. Онѣ
сохраненѣ достопамятными обстоятельствоми
и воспитанѣ съ крайнимъ раченіемъ.
Обученѣ былѣ знаніямъ Египтянѣ, копорые
тогда въ семѣ превосходили многихъ другихъ
народовъ. Народѣ, надѣ копорымъ онѣ по-
слѣ посланенѣ былѣ начальникомъ, жив-
ши въ срединѣ Египта, заимствовалѣ обы-
чай и вкусѣ земли сея. Особенно спозналѣ онѣ
идолопоклонство шамѣ утвердившееся, и
къ сему служенію часто показывалѣ знаки
отличной своей склонности. Моисей дол-
женствовалѣ народѣ Израильской вывести изъ
Египта и ити съ нимѣ въ ту землю, въ
копорой жительствоваали его предки.

Я не намѣренѣ здѣсь упоминать о чу-
десахѣ, послужившихѣ къ освобожденію Из-
раильянѣ изъ порабощенія Египту и ко вве-
денію ихѣ въ ту землю, въ копорой они

обипашь долженшвогали. Моисей, во время пребыванія ихъ въ степи, далъ имъ законы, кошорые долженшвогали наблюдать какъ они шакъ и ихъ пошомки.

Великимъ его предметомъ, какъ мы уже упомянули, было основаніе истиннаго познанія и Богослуженія между Израильскимъ народомъ. Къ сему - то относяся даваемыя ему имъ ученія, излагаемыя имъ для него законы и усшроеинный порядокъ къ управленію симъ народомъ.

Основаніе всего его ученія состоишть въ познаніи Высочайшаго существа, яко единаго хранишеля міра. По чему онъ для снисканія о шомъ правильнаго понятія въ первой своей книгѣ возвращаешся къ самому происхожденію міра и человѣческаго рѣда. Онъ не теряешся, шакъ какъ многіе древніе, Философы, въ догадкахъ о образѣ и способѣ, какимъ созданъ былъ міръ и какой видъ воспріялъ. Онъ восходитъ къ первой причинѣ, научая, что все сошворено дѣйствіемъ воли шворца. Рече: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ,*

А понеже люди не держались сего предшавленія, шо впали въ самыя грубѣйшія заблужденія; поелику они хошѣли изъяснишь шо, чего швореніе никогда постигнушь не

возможеть; по великіе между ними Философы болѣе умножили неабныхъ мнѣній, и вмѣстѣ того, чѣмобѣ бысть Религіи полезными, сдѣлались еще ей и вредными. Тщеславная гордость все познашь, служила соблазномъ умамъ упражняющимся въ изящныхъ наукахъ, и была причиною тому, что они не осмались при Истории сотворенія и продолженія міра, копорая однакожъ можеть подашь величайшія понятія о Высочайшемъ существѣ и привести въ состояніе при почианіи его различать твореніе отъ Творца. Желаніе все видѣть, чувствовашъ, что глазамъ представляется обольстило проспой народъ такъ какъ и просвѣщеннѣйшихъ людей, и привело ихъ къ тому, что они первой причины искали въ чувственныхъ предметахъ, оставаясь при дѣйствіяхъ могущества оныхъ, вмѣстѣ того, чѣмобѣ разумомъ своимъ доходишь до самой причины.

Солнце обратило ихъ на себя своею красою и плодотворными своими лучами. Сіяніе его свѣта, дѣйствіе теплоты, жизнь и радость, копорыя оно при восхожденіи своемъ, кажется, разливаешъ по всей природѣ, возбудили въ людяхъ къ себѣ вниманіе. Оно живо начершало въ нихъ представленіе о первой причинѣ; они обращаясь къ сему солнцу чаяли найши въ немъ чувственнымъ образомъ первую причину и вскорѣ пошомъ ихъ

Богочитаніе оспановилось на дѣйствіи оной, чрезъ что и потеряли изъ виду причину всего шворенія. Они мало помалу обрацались къ другимъ предметамъ ; на мѣсто Религіи, всшупило суевѣріе и они въ желаніи благополучія, не относились болѣе къ единому существу, которое онаго есть источникъ. Дѣйствія благости сего существа содѣлались предметами Богочитанія. Они вмѣсто того, чтобъ приблизить людей къ Богу, служили имъ паче къ забвенію его ; вошъ сколь развращенымъ учинилось употребленіе Религіи!

Сіе - то есть первое начало идолослуженія, перемѣнявшагося между различными народами земли по качеству многихъ обстоятельствъ, которыхъ описаніе было бы не возможно да и щещно. Оно въ первыхъ временахъ не столь было грубо, но въ послѣдствіи у нѣхъ самыхъ народовъ, которыхъ мы почитаемъ просвѣщеннѣйшими, какъ то у Египтянъ, Грековъ и Римлянъ учинилось чрезвычайно нелѣпымъ. Есть народы, оставшіеся при такихъ предметахъ, которые, какъ кажется, менѣе удаляютъ разумъ отъ представленія первой причины ; и шакъ сказашъ, менѣе отвлекаютъ отъ должнаго ей благоговѣнія ; ш : е : народы приняшіе за Боговъ солнце или звѣзды, которые суть источникъ свѣта. Сіи предметы казались имъ вѣчными и они поражены были ихъ

ихъ сіяніемъ , красою и пользою. Однако весьма многіе народы , какъ я уже выше упомянулъ , оказывали Божескія почести такимъ предметамъ , копорые ни мало не могли пльнить ихъ своимъ Величествомъ и великолѣпіемъ ; но являлись слабыми пвореніями , подверженными плѣнію. Все было обогшворено: люди , звѣри , растѣнія и самыя добродѣтели и пороки съ безчисленными другими обстоятельствомами человѣческой жизни. Не довольно было обожать сіи предметы , списаны были съ нихъ изображенія , изваяны кумиры , копорымъ приносимо было служеніе , приличествующее одному Богу ,

Зло , о копоромъ я говорю , сдѣлалось повсемѣстнымъ. Идолослуженіе въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ , ранѣе или позже , однако вездѣ распространилось. Я не утверждаю , чтобъ первая причина была совершенно забыта ; но скажу еще , что между людьми повсемѣстность идолослуженія съ многоразличными переменами , копорыя изобрѣшашмы были ихъ суевѣріемъ и заблужденіями , суть безсмертныя знаки шѣхъ незагладимыхъ впечатлѣній , копорыя произведены въ душахъ ихъ предметами , чувствованіями и размышленіемъ , возбуждающимъ представленіе о первой причинѣ. Сіе представленіе могло бышь пошечнено , но никогда не могло изчезиушь ; оно могло обращено бышь

быть къ ложнымъ предметамъ, но никогда не допустило человѣка до того, чтобъ быть безъ предмета обожанія и безъ чувствованія зависимости.

Я не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ частныхъ людяхъ, которые, какъ кажутся, отрицали первую причину. Сии особенные примѣры, хошябъ были и дѣйствительны; однако въ разсужденіи всеобщаго согласія всѣхъ народовъ, неважны. Къ тому жъ мы имѣемъ всякую причину сомнѣваться и въ дѣйствительности оныхъ. Они вѣроятнымъ образомъ суть только дѣйствіемъ суевы, гордости и ложной оспрошы мнимыхъ Философовъ; и можетъ быть часто корень свой имѣли въ развращенности человѣка, ищущаго удалить представленіе о Великомъ существѣ, о которомъ не смѣетъ онъ помыслить безъ боязни.

Естьлибъ представленіе о семъ существѣ не было ошъ природы впечатлѣно въ сердцѣ cadaго, и естьлибы оно въ немъ могло быть заглажено: то мы бы цѣлыя народы видѣли безъ Богослуженія и безъ Бога столь же естественно, какъ мы видимъ теперь представленіе ихъ о Творцѣ обезображено ихъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. Мы бы нашли болѣе такихъ народовъ, которые не признаютъ ни одного Бога, нежели такихъ, которые принимаютъ какого нибудь и изъ самаго послѣдняго рода людей.

Легко доказать можно, что миджество ложныхъ боговъ никакимъ образомъ не уничтожало предсавленія о Высочайшемъ существѣ; что сіе Высочайшее существо признано Богомъ боговъ и Творцемъ человѣковъ не только отъ просвѣщенныхъ мужей языческава, но и отъ самой толпы народной, и что предсавленіе о семъ существѣ было главнымъ основаніемъ ихъ Религіи.

Сіи примѣчанія, которыя я почелъ за нужное сдѣлать здѣсь объ идолослуженіи, распространившемся между столь многими народами, показывающіе еще намъ, сколько люди самимъ себѣ преданные, или пренебрегающіе удобныя средства, способны ввергаться въ заблужденія и помрачать превосходнѣйшія познанія, чрезъ которыя разумъ ихъ просвѣщенію можетъ. Мы можемъ похвалиться счастьемъ, что живемъ въ такія времена и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди не подвержены болѣе такому печальному слѣдствію своей слабости. Мы должны удивляться, что между столь многими народами почти всякой человѣкъ, и самый простѣйшей, получилъ предсавленіе въ своемъ разумѣ о Творцѣ неба и земли такое, какого въ другіе времена и въ другихъ мѣстахъ не получали и самые просвѣщеннѣйшіе люди. Мы всегда удивляться будемъ тому, что

они

они вліяніе добродѣтели на благополучіе гораздо сильнѣе чувствующи, и что представленіе о безсмертіи и по сіе время еще подкрѣпляетъ и ободряетъ добродѣтельныхъ души, кошябъ неспособны онѣ были и къ великому напряженію силъ своихъ. Мы видимъ, что человекъ всегда себѣ равенъ, и что его разумъ неполучилъ верховнѣйшихъ силъ, какъ шокмо такихъ, кошорыя онѣ имѣлъ въ древнѣйшія времена. Мы видимъ, что онѣ имѣетъ одинаковыя слабости и спрашн, и что порокъ можетъ распространиться и побѣдитъ добродѣтель: однако мы видимъ также и то, что знанія, кошорыми мы пользуемся, всегда блистающъ и болѣе возрастающъ, нежели приходящъ въ упадокъ, вмѣсто того, что у славныхъ народовъ древности, когда науки, художества и вкусъ спановились совершеннѣйшими, тогда грубѣйшее идолослуженіе всегда державствовало, да и болѣе еще усиливалось.

Не нужно мнѣ приводить вамъ здѣсь причину шѣхъ счастливыхъ обстоятельствъ, въ кошорыхъ мы находимся. Изъ сего усматриваете вы дѣйствіе чрезѣсшественныхъ знаній, кошорыя мы имѣемъ къ нашему счастью; вы увидите, что чѣмъ болѣе вникнули вы въ Исторію знаній человѣческихъ, шѣмъ болѣе имѣете причину думать, сколь нужно человеку въ ешественныхъ его силахъ

лахъ подкрѣплену бышь чрезвычайными пособіями.

Изъ всего шеперь мною сказаннаго вы удобно судить можете, сколь многія шрудности долженствовало преодолѣть Моисей въ шомъ только, чтообъ собрать Израильской народъ, вывести его изъ Египта, и сохранить у него попомковъ его служеніе истинному Богу; онъ чувствовалъ, что шакое предпріятіе есть выше силъ его, для шого по раземотрѣніи всего могъ сказать: *Кто есмь азъ?* (*) и посему по самому долженствовало онъ предшавить Израильшянамъ могущество Господа и Бога опцевъ ихъ, яко единый предметъ ихъ упованія.

И шакъ для утвержденія сего упованія въ душахъ ихъ, онъ описывалъ имъ Господа и Бога опцевъ ихъ, яко Творца неба и земли, и для сей же самой цѣли, какъ мы уже выше упомянули, обратился онъ къ самому происхожденію мира и человѣческаго рода.

Объ Исторіи первыхъ людей не предасть онъ намъ обстоятельнаго извѣстія. Онъ показываетъ намъ только грѣхопаденіе первыхъ нашихъ прародителей, научая насъ,
что

(*) 2. кн. Моис. III. II.

что развратъ не упустишь распространиться между частію ихъ потомковъ.

Добродѣтель и Религія сохраняемы были нѣсколько времени между чадами Сиѳовыми, которые пошому и назывались чадами Божіими; а порокъ соединясь съ невѣріемъ распространился вообще между прочими людьми. Наконецъ соединились чада Божіи съ дѣшными человѣческими, и равнымъ образомъ развратились: *зловы челоуѣкоу множишася на земли, и псякъ помышляетъ въ сердцѣ своемъ прилѣжно на злая по пся дни. Всяка плоть растли путь свой на земли* (*).

Мы имѣемъ причину думать, что сіи послѣднія слова клоняся не шолько на поврежденіе сердца, но и на поврежденіе богослуженія, и идолопоклоншво, которое утвердилось и распространилось между жинелями перваго свѣша, и слово, которое переведено чрезъ *путь*, значитъ шакже и Религію, ученіе, нравы и дѣйствія (**).

Моисей передаетъ намъ пошомъ Исторію о потоуѣ, который пошребилъ всѣхъ людей до одинаго семейсва, избавившагося отъ смер-

(*) 1. Кн. Моис. VI. 5. 12.

(**) См. Ам. VIII. 14. Л. Псал. LXVII.

смерти особеннымъ Божиимъ покровительствомъ. Онъ даетъ знать, что добродѣтели Ноева ему сіе покровительство Всемогущаго исходатайствовала. При семъ великомъ обстоятельстве представляеть онъ Бога такъ, какъ онъ себя Ною особеннымъ образомъ открываетъ, и нужное внушаетъ въ него познаніе. Почему Моисей научаетъ насъ своимъ повѣствованіемъ также и тому, что Богу угодно было сообщать себя первымъ людямъ. Онъ показываетъ, что Богъ являлся его первымъ попомъ, такъ какъ и другимъ, жившимъ со времени его до попопа. Сіе весьма краткое повѣствованіе научаетъ насъ въ семъ случаѣ весьма многому, и можешь служить намъ доказательствомъ, что Ной, по исходѣ своемъ изъ ковчега, былъ въ состояніи оставить своимъ попомъ такое наставленіе, которое могло простираеться на естественныя познанія разума о высочайшемъ предметѣ Религіи. Самой попомъ былъ весьма достопамятнымъ знаменіемъ, могущимъ возбудить представленіе о единомъ Творцѣ природы, и показать людямъ, что Онъ пребывалъ отъ нихъ добродѣтели и чистаго сердца, и что они безпрещаннымъ исполненіемъ данныхъ имъ отъ Него заповѣдей вкусятъ всѣ шѣ блага, которыя предуготовлены имъ его мудростію и человеколюбіемъ.

Почему Исторія о пошопѣ и о сотвореніи, копорую Моисей повѣствуетъ Израильщянамъ, была весьма способна сдѣлать въ нихъ такія впечатлѣнія, копорыя служили бы къ опроверженію идолопоклонства, и къ произвольному пріятію истиннаго Богослуженія, копорое онъ устанавливалъ между ними.

Сіи великія истинны, предлагаемыя Моисеемъ въ первой книгѣ его Исторіи о сотвореніи, о всемірномъ пошопѣ и о нѣкопорыхъ другихъ произшествіяхъ важныхъ, случившихся между сими обѣими великими эпохами чрезъ тысяча шесть сотъ пятьдесятъ шесть лѣтъ, могли Израильщянамъ быть извѣстны посредствомъ удобно сохраняемаго изустнаго преданія; покрайней мѣрѣ могли они видѣть, что Моисей весьма удобно и весьма естественнo могъ имѣть извѣстіе о всѣхъ повѣстваемыхъ имъ приключеніяхъ. Что мною здѣсь сказано о изустномъ преданіи, посредствомъ копорого Моисей и Израильщяне могли знать Исторію первобытнаго міра, основывается на продолжительной жизни людей предъ нш поѣ, и предковъ Израильщянъ жившихъ до нихъ ошъ Ноя, хотя она уже не столь долго продолжалась, какъ жизнь обитателей первобытнаго міра. Сія продолжительная жизнь людей въ первыхъ временахъ, о копорыхъ Моисей сообщаетъ намъ извѣстіе, утверждается также различными

ными древними писателями Финикіянъ, Египтянъ, Грековъ, и Римлянъ. Маусаилъ, жившій 969 лѣтъ, былъ современникъ Адаму 245, а Ною 600 лѣтъ. Почему Ной чрезъ единое только изустное преданіе могъ имѣть весьма удобно извѣстіе, что ошъ Адама до него приключилось. Сіе свѣдѣніе, соединенное съ извѣстіемъ о попоѣ и приключеніяхъ, возпослѣдовавшихъ съ его времени до Моисея, могло къ сему послѣднему перейти чрезъ весьма достоверное преданіе, попой причинъ, что Отецъ Моисеевъ былъ еще современникъ Іосифу сыну Іаковлю и внукамъ Авраамовымъ. Авраамъ родился за 100 лѣтъ до кончины Ноевой, и попому могъ получить обо всемъ знанія ошъ него или ошъ его дѣтей, жившихъ еще съ людьми сто лѣтъ прежде попопа, обо всемъ, говорю, что имъ извѣстно было о попоѣ и о преждебывшихъ временахъ.

Преданіе, дошедшее до Моисея и Израильянъ, могло весьма удобно содержащіяся въ немъ приключенія учинить извѣстными также и другимъ народамъ и писателямъ; и по пому могло оно удобно и у сихъ народовъ безъ помощи Моисеевыхъ книгъ удерживать шѣ представленія, копорыя находясь въ ихъ писателяхъ о происхожденіи міра, о попоѣ и о состояніи человѣческаго рода между сими Эпохами. Я приведу здѣсь только нѣкоторыя изъ оныхъ.

Орфей говоришь: что небеса въ нача-
лѣ сотворены Богомъ; и что въ не-
бесахъ нестройность, смѣшаніе и глубокая мрач-
ность обдержали всѣ части, и все на-
ходящееся подъ небесами въ себѣ скры-
пали. Анаксагоръ, учитель Сократовъ го-
воритъ: что нещи хотя и всѣ въ од-
номъ Сліяніи (in einer Masse) сотворены;
одако надобно при томъ принимать ра-
зумное дѣятельное Существо, предше-
щее все въ порядокъ; (*) и Аристо-
тель утверждаетъ, что всѣ нещи дол-
гое время состояли вмѣстѣ въ одномъ
сліяніи; однако присопокупилось потомъ
къ нимъ существо разумное и дѣятель-
ное, которое все пришло въ движеніе и
одно бытіе отъ другаго отлучило (**)
онъ принимаетъ также, что древнее преда-
ніе переходило ко всѣмъ людямъ посредствомъ
ихъ Отцевъ.

Описаніе, которое дѣлаетъ Овидій (***)
о сотвореніи міра, о пошопѣ и о состояніи
людей прежде пошопы, имѣетъ чрезвычайное
сходство съ описаніемъ Моисеовымъ, такъ
что сіе заставляетъ насъ непременно дога-
дываться, что преданіе, на которомъ онъ
основываясь написалъ стихотвореніе свое,
перво-

(*) Plutarch. de placitis Philos. l. I. c. 7.

(**) Aristotel. de Mundo. c. VI. (***) Metam. l. I.

первоначально происходитъ отъ Моисея. Сіежь самое, какъ уже выше мною упомянушо, можно сказать и о мнѣніяхъ яѣкошорыхъ другихъ древнихъ писателей. Естественнo, что шѣмъ, которые на воспокѣ искали познаній о происхожденіи міра и вообще о религии и философіи, Моисеевы книги были извѣсны. Кажется, что Платонъ, искашій наснавленія въ Египтѣ и Финикіи, приобрѣлъ уже напередъ отъ Іудеевъ знанія изъ преданія почерпнушыя. Онъ въ своей книгѣ законовъ говоритъ: *Богъ обѣмлющій дланію своего начала, средину и конецъ всѣхъ существъ, всегда шестпуетъ*, какъ повѣшуетъ намъ древнее преданіе, *сообразно естеству своему, по прямой чертѣ; прасудіе, которое его сопрощаетъ, всегда готово карать преступниковъ Божественнаго закона, и потому желающій содѣлаться блаженнымъ, долженъ шестпуетъ его держаться и послѣдовать стезямъ его съ кротостію и смиреніемъ.* Изъ сего видно, что красный лучъ свѣта, который распространился между Греками, возсіалъ на нихъ съ востока.

Средоточіе сего свѣта должно быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Ной по выходѣ своемъ изъ ковчега осановился, и гдѣ жительствоваали его потомки, у которыхъ познанія, находившіяся въ то время, когда онъ научалъ

дѣшей, своихъ, въ силѣ и уваженіи; сохранены были въ чистотѣ и цѣлоспи. Сей мужъ, который, по объявленію Моисеову, обрѣлъ благодать предъ Господомъ, яко предъ его пріаедна предъ собою, сей мужъ пріаедень и сопершень сый въ родѣ споемъ сто лѣтъ прежде попопа предостерегалъ тщешно людей отъ бѣдствій имъ угрожающихъ; онъ все сдѣлалъ, что отъ него зависѣло, для обращенія ихъ къ истинной Религіи и добродѣтели, и онъ при входѣ своемъ въ ковчегъ долженствовалъ пораженъ быть великою печалію, размышляя о наступающей ужасной перемѣнѣ. О сколь сердце его должноствовало подвигнуться жалостію отъ послѣднихъ взоровъ, которые онъ, при заключеніи себя въ ковчегъ, обращалъ на землю и на несчастныхъ ея жителей! Вы можете себѣ представить, любезные дѣти, что въ душѣ Ноевой чрезъ цѣлой годъ, въ которой онъ на водахъ жилъ, среди бурь и непогодъ пощѣ сопровождавшихъ происходило. Коликимъ сѣшваніемъ, благодарностію, обѣщаніи и моленіемъ наполнялся онъ безпреспанно! Вообразите себѣ, какъ онъ дни проводилъ съ дѣтьми своими, которые съ нимъ въ сію ужасную минушу дѣлили особенную милость Творца міра. Помыслите, какъ онъ рассказывалъ имъ о преждебывшемъ его снисхожденіи, какъ онъ представлялъ имъ насоящую его благодать, и какъ онъ увѣщевалъ ихъ

учи

учиняшь себя достойными той благодати, которой они еще впредь о нѣмъ него ожидали. Начерпайте въ умахъ вашихъ, какъ онѣ живо изображалъ имѣ величество сего Существа и какъ онѣ приводилъ имѣ на память происхождение міра, ими населяемаго, научая ихъ, что и они сотворены безконечнымъ его могуществомъ, и симъ самымъ могуществомъ, котораго дѣйствія они тогда споль поразительно спознали. Онѣ бесѣдовалъ съ ними о святости сего Бога, котораго развращенность ихъ Праотцевъ и современниковъ оскорбила, и о правосудіи, которое наконецъ по долгомъ шerpѣннѣи вознамѣрилось пошребить ихъ водою. Какія долженствововали происходить въ немѣ движенія, когда онѣ по исходѣ ихъ изъ ковчега находился подѣ шихимъ и яснымъ небомъ, когда онѣ вокругъ себя узрѣлъ паки красующуюся природу, которая ошѣ него чрезѣ цѣлой годѣ скрывается была водою, когда онѣ усмотрѣлъ, что она паки получила шощѣ блистательный видѣ, которой прежде его душу шоль часто наполнялъ сладчайшею радостію, а шеперь для грядущихъ временъ обѣщаетъ всѣ дары ея. Однакожѣ въ то самое время сердце его пронзенно было печалію, потому что среди сихъ прекрасныхъ предметовъ природы не находилъ онѣ болѣе людей, съ которыми онѣ шоль долго сими дарами наслаждался, и что онѣ видѣлъ шолько ненаселенную и можеть бышь многими

такими предметами наполненную землю, которые приводили ему на память несчастныхъ ея жителей. Онъ спѣшилъ собрать свое семейство къ воздвигнутому имъ олшарю, и принесъ Богу жертву, сопровождая ея своими обѣдами, моленіемъ и живѣйшими выраженіями благодарности. Онъ просилъ его взять въ свое покровительство сіе семейство, которое Онъ благоспѣю своею избавилъ отъ смерти.

Сколь велика была его радость, когда онъ отъ Господа своего получилъ увѣреніе, что молитва его была услышана; *не приложу къ тому прокляти землю за дѣла челоѣческія, ниже поразити псякую плоть живущихъ* (*); что порядокъ естества, пребудетъ непремѣннымъ и красоты его съ безчисленными дарами не подвергнутся болѣе истребленію; что *по пся дни земли сѣянна и жатца, зима и зной, лѣто и весна, день и ночь не престанутъ!*

Всѣ таковыя представленія, почерпнутыя изъ Исторіи о пошопѣ, которыя Моисей впечаталъ въ памяти Израильскія, могли весьма уудбно склонить ихъ къ тому, чтобъ отвергнуть идолослуженіе, къ которому прилпленія опасался онъ со стороны ихъ; и вкоренишь

(*) 1. Кн. Моис. VIII. 21.

нишь въ нихъ великія мысли, могущія ихъ побудить къ принятію истиннаго Богослуженія, которое онѣ возстановлялъ между ними. Они чувствованіями, которыя возбуждаетъ повѣствованіе сей исторіи, должны были естественнымъ образомъ почувствовать необходимость, въ которыхъ они находились, должны были естественнымъ образомъ почувствовать необходимость возбудить въ душахъ ихъ. Они при выходѣ изъ рабобы Египта спознали особенныя знаменія благости и могущества Творца міра, проповѣдуемаго имъ Моисеемъ. Они въ сихъ минутахъ и въ пустынѣ ощущали убѣдительныя опыты его присутствія и помощи; они поощряемы были Вождемъ своимъ съ нимъ соединиться, признавъ его благость, и заслуживать оную горящимъ къ нему усердіемъ.

III.

РАЗГОВОРЪ

СОКРАТА СЪ ЭВАГОРОМЪ

О необходимости обращать мысли свои къ Богу и о произтекающемъ отъ того удовольствіи.

Сократъ: что ты читаешь любезный мой Эвагоръ?

Эвагоръ: я читаю весьма изрядную повѣсть, которую не знаю почишаешь ли за Исторію или за басню.

Сокр. гдѣ ты ее взялъ.

Эпагор. я ее нашелъ на дорогѣ; конечно ктонибудь ее выронилъ. Я уже началъ ее чашать, однакожъ не понимаю съ кикимъ намѣреніемъ она писана. Я прочту ее съ тобою, и ты мнѣ скажешь объ ней свое мнѣніе.

Сокр. Хорошо, но для сего надобно намъ сыскать уединенное мѣсто. Вотъ здѣсь подъ деревомъ. Это мѣсто хорошее. Начинай чашать.

Эпагоръ. Читаешъ, Одинъ молодой человекъ по имени Филошей, воспитанъ былъ въ Эпирѣ, не имѣя ни малаго свѣдѣнія о своихъ родителяхъ. Любопытство его умножилось съ лѣтами, по долгихъ вопросахъ, узналъ онъ наконецъ, что онъ нечаяннымъ случаемъ выброшенъ былъ на берегъ, съ своею кормилицею, которая уже умерла; что отецъ его былъ знашнаго рода, и назывался Ураній; но неизвѣстно было изъ какой онъ былъ земли и въ живыхъ ли еще находился. У него была на рукѣ золошая перевязь, на которой съ именемъ Уранія написаны были сіи два слова: *думий* и *ищи*. Сіе опкрытіе воспламенило въ немъ еще большее желаніе узнать свое происхожденіе, и однимъ вечеромъ онъ съ другомъ своимъ Эфрономъ, который захотѣлъ быть ему товарищемъ, отправился на Коринескомъ кораблѣ
пря-

прямо въ Коринѣ. Проискавши тамъ бесполезно, вознамѣрился онъ объѣхать все городъ и пристани въ Греціи. Цѣлой годъ прошелъ въ семъ исканіи, и наконецъ прѣхавши въ Фокиду онъ рѣшился спросить о томъ Дельфійскаго Оракула, который ему отвѣщивалъ, что онъ найдетъ все то, чего ищетъ, въ той землѣ, гдѣ все жили брашья. Сей отвѣтъ былъ для него очень пруденъ, и онъ не получивъ отъ сего ни малаго понятія. Покусившись еще переплыть Егейское море, и пробѣжавъ Азіатскія провинціи, Филошей не нашелъ тамъ ни отца своего Уранія, ни брашства, о которомъ предсказывалъ ему оракулъ: онъ видѣлъ напросивъ того во всехъ мѣстахъ людей раздѣленныхъ корыстію, завистливыхъ, злыхъ и всегда готовыхъ вредить другъ другу. Ахъ, сказалъ Филошей, какъ сіи мѣста опшвинны отъ шѣхъ, которыхъ я ищу! но дабы ничего не пренебечь, онъ захотѣлъ еще видѣть Оракію, гдѣ находились нѣкошорые оштатки законовъ и наставленій премудраго Орфея. И для сего сѣлъ онъ на корабль, который отправился въ Босфоръ. Но едва вошли они въ сей проливъ, какъ сильный южный вѣтръ, препяшствуя имъ пристать къ берегу, погналъ ихъ корабль въ Эвксинское море, гдѣ онъ сѣлъ на мѣль неподалеку отъ перваго устья рѣки Дуная. Каждой въ семъ несчастіи искалъ своего спасенія; но наши два

путе,

путешественника были щасливѣе ихъ: ибо они схвативши каждой по доскѣ и нѣсколько сѣбснаго заласу, пуспились по волнамъ, которыя вѣ пять или шесть часовъ выбросили ихъ на прекрасной берегъ. Обсушившись на солнцѣ и воздавши благодареніе Богу, первое ихъ стараніе было узнать обитаема ли сія земля. На ней примѣшны были слѣды хлѣбопашества и нѣкоторыя пропинки. Но Эвфронъ утверждалъ, что сіи знаки не доказываютъ еще ничего, и что это можетъ быть игра случая или природы. Пойдемъ подалѣ, сказалъ Филошей; что я вижу: тригольники и фигуры Геометрическія начертанныя на пескѣ! теперь ты не будешь сомнѣваться, чтобъ сіи знаки не были человѣческія. Я соглашаюсь, сказалъ Евфронъ, шѣмъ больше, что начинаю видѣть на первой споронѣ обработанныя поля, а на лѣвой роци сѣ прочищенными дорогами. Смопри шакже на сей холмъ обремененный виноградными кустами коихъ вѣшви возвышаются до Ульмовыхъ вершинъ. Смопри на сію долину и на луга искусвомъ орошаемая, и на садъ, который не уступаетъ Алкиноевымъ. Все здѣсь показываетъ изобиліе искусства; но я не вижу еще домовъ. Приблнжся сюда, сказалъ Филошей, и ты увидишь сквозь сіи дерева нѣсколько хижинъ, посреди которыхъ возвышается древнее зданіе, которое почестъ можно за храмъ. Какое величество и какая вмѣстѣ проспота!

когда

Когда они такимъ образомъ разговаривали, то увидѣли множество пастуховъ, которые приближаясь къ нимъ плясали и воспѣвали похвальные пѣсни, имѣя главы увѣнчаны цвѣтами и съ такимъ видомъ веселія и согласія, который возвѣщалъ благополучную жизнь. Ахъ жители! скажите намъ, сказалъ Евфронъ, одному изъ нихъ, какъ называется сіе веселое мѣсто, гдѣ все являешъ безпорочное веселіе? — О чужеспранцы! кто бы вы ни были, оповѣщивалъ старшій изъ нихъ, вы видите здѣсь землю Адельфскую, гдѣ всѣ живущъ какъ братья и откуда самъ Дикургъ почерпнулъ наилучшіе свои законы. Сего дня празднуемъ мы день рожденія Владѣтеля сихъ мѣстъ съ радостію, которую вы можете примѣнить, потому что мы его опеческимъ стараніямъ должны всѣмъ благополучіемъ нашея жизни. — Гдѣ его жилище, и какъ онъ называется? Спросилъ Евфронъ, Вы видите его домъ, оповѣщивалъ пастухъ, а называется онъ Ураній. — Ураній! что я слышу, вскричалъ Филошей. Продолжай, добрый старичокъ, сказалъ Евфронъ, скажи намъ, что дѣлаешъ Ураній для учиненія васъ счастливыми. — законы имѣ учрежденные, оповѣщивалъ пастухъ, суть просты и крапки, но всѣ справедливы и полезны; и дабы превзойти въ премудрости Философовъ, то должно только слѣдовать его законамъ. Онъ насъ всѣхъ любилъ какъ своихъ

ихъ дѣшей; стараешься о нашихъ нуждахъ; исправляешь насъ съ кротостію; умѣряешь наши спраси; повелѣваетъ намъ любить премудрость и добродѣтель; велишь жить въ тишинѣ, и радуешься, видя насъ въ согласіи. Все, что вы видите, есть его учрежденіе и дѣла рукъ его: онъ однимъ взглядомъ видишь все и однимъ словомъ приводишь все въ порядокъ, всякъ его любишь и почитаешь какъ отца. Сіе по есть предметомъ той пѣсни, которую мы воспѣваемъ. Вы узнаете благополучіе шѣхъ, которые съ нимъ живутъ, когда будучи иностранцы, будете отъ него ласково приняты. Я васъ къ нему опведу. — Пойдемъ, сказалъ Филошей, удвоимъ наши шаги, наконецъ (ибо я больше о семъ не сомнѣваюсь) нашелъ я того, кого долго искалъ. О Родитель мой, любезнѣйшій Родитель! коль велика должна быть моя радость, когда я узнаю себя и найду по спокойствію, которое долго отъ меня скрывалось! нашедши въ тебѣ вмѣстѣ виновника моего рожденія, и разумнаго покровителя, друга, благодѣтеля и пушеводителя! вотъ мое отечество; нѣтъ для меня другаго, о щастливая встрѣча! о пріятное жилище! нѣтъ ничего спокойнѣе сихъ мѣстъ, въ которыхъ царствуетъ мой родитель. . . .

Здѣсь Элагоръ перестаетъ читать.

Сохр. За чѣмъ ты останавливаешься на такомъ прекрасномъ мѣстѣ?

Элаг.

Эпат. Для того что сполько было написано ; кѣ несчастію нашему оно передрано въ семѣ мѣсѣ и не лзя иначе знать конца сея Исторіи , какѣ развѣ догадкою. Чшо касается до меня , я думаю , чшо сіе приключеніе клонится кѣ шому , чшо они узнаютѣ другѣ друга , и чшо молодой Филошей ничего больше нежелалѣ проводя счастливо все время своея жизни.

Сокр. Я думаю , чшо въ самомѣ дѣлѣ было шакѣ какѣ ты говоришь. И естли хочешь , чшобѣ Исторія была окончена , шо мнѣ кажется , чшо ты самѣ можешь сдѣлать ей прибавленіе.

Эпат. эшо правда , естлибѣ шолько знать , чшо эшо выдумка , но можетѣ бышэ эшо истинная повѣстѣ.

Сокр. истинная или выдуманная , нужнѣе всего видѣшэ , содержишѣ ли она какое нибудѣ наставленіе. Естлижѣ эшо аллегорія , шо должна заключать въ себѣ какую нибудѣ истинну.

Эпат. Какіяжѣ истинны , Сократѣ , примѣчаешь ты здѣсь ?

Сокр. Поищемѣ ихѣ ! скажи мнѣ прежде ободряешь ли ты Филошеевы чувствованія ?

Эпат. Хвалю , любезный Сократѣ , для шого чшо нѣшѣ ничего свойственнѣе , какѣ
желаетѣ

желаніе узнатьъ своихъ Родителей , и нѣтъ ничего справедливѣе какъ чувствовать радость , нашедши своего Отца. Это другой Телеманъ , описанный Гомеромъ въ Одиссеѣ.

Сокр. Ты не былъ въ такомъ состояніи Эвагоръ , потому что ты былъ воспитанъ въ объятіяхъ своихъ Родителей.

Эпаг. Правда я за сіе долженъ воздавать Богу благодареніе.

Сокр. Ипакъ ты понимаешь , что Родители твои не были первые виновники твоей жизни , и что должно восходить до главной причины , сотворившей человѣческой родъ , и которая есть источникъ всякаго смысла.

Эпаг. Въ самомъ дѣлѣ ; разсужденія , которыя я отъ себя часто слыхалъ часто доказываютъ , что человѣкъ есть твореніе Божіе , такъ какъ и всякая часть вселенной.

Сокр. Сего перваго виновника всѣхъ существъ не называемъ ли мы нашимъ отцемъ ?

Эпаг. Подлинно такъ мы его разумемъ въ смыслѣ справедливомъ и высокомъ.

Сокр. Но что ты скажешь о тѣхъ которые не стараются его знать ?

Эпаг. Это , я думаю , есть знакъ чрезвычайнаго безумія или подлаго и неблагодарнаго сердца. Нашъ Филофей не такого свойства.

Сокр.

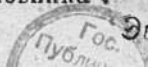
Сокр. Но ты, Эвагоръ, когда желаешь узнать своего небеснаго отца, гдѣ будешь его искать, и въ какихъ мѣстахъ, думаешь ты, онъ обитаетъ?

Эпат. Верховнѣйшее существо не можетъ заключаться въ одномъ мѣстѣ, оно наполняетъ небо и землю.

Сокр. Инакъ мы можемъ его познать не искавши далеко. Сія лазоревые своды, сіе блестящее солнце, сіи моря, острова, горы, долины и все прочее есть его твореніе и держава. Инакъ мы видимъ его дѣла, живемъ въ его домѣ и пользуемся его благами. Не сей ли есть тотъ почтеннѣйшій отецъ, истинный Ураній, котораго должны мы искать?

Эпат. Вотъ ключъ Аллегоріи! Я начинаю уже думать, что тотъ, который ее столь хорошо изъясняетъ, можетъ быть ее и сочинилъ, и это уже не первой разъ, что употребляешь ты подобныя средства для возбужденія любопытства въ молодыхъ людяхъ. Ты уемѣхаешься Сократъ. — Ахъ! Я теперь вижу все.

Сокр. Что намъ нужды, Эвагоръ, къмѣ бы сія повѣсть, сочинена ни была дѣло теперь идетъ о томъ, какъ бы вывести изъ нее чтонибудь полезное. Не усладительнымъ ли кажешься тебѣ узнавать такимъ образомъ во всей природѣ десницу ея виновника?

Эпиг. Это такоеже удовольствіе, какъ и то, которое вкушалъ Филошей нашедши своего родителя.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ, Эвагоръ, познание Бога есть самое лучшее, какое только пріобрѣсть можно. Оно располагаетъ нашими понятіями, заставляя насъ искать ключа системы міра, и слѣдовательно есть самое лучшее правило, какое только можно найти въ Философіи. Но оно большія еще имѣетъ выгоды.

Эпиг. Какія, Сократъ?

Сокр. Оно украшаетъ нашу душу, усмиряетъ наши страсти и исправляетъ наши нравы.

Эпиг. Какъ это можетъ спастись!

Сокр. Не считаешь ли ты весьма полезнымъ имѣть всегда предъ очами лучшіе примѣры?

Эпиг. Безъ сомнѣнія, ибо ничто такъ не побуждаетъ насъ искать совершенства, и ничто намъ такъ не помогаетъ къ достиженію онаго.

Сокр. Но разсматривая человѣческой роды ты вездѣ найдешь множество несовершенствъ и пороковъ.

Эпиг. Это весьма справедливо.

Сокр. Но не бываетъ ли сіе при возвышеніи нашемъ къ Богу?

Эпиг. Нѣтъ, я тогда имѣю понятіе о существѣ чистѣйшемъ, праведнѣйшемъ и величайшемъ.

Сокр.

Сокр. Сомнѣваешься ли ты, что весьма хорошо и полезно человѣку слѣдовать сему великому примѣру?

Эпиг. Такъ это истинное мужество, но человѣкъ къ сему неспособенъ.

Сокр. Справедливо, что человѣкъ не можетъ сравниться съ столь превосходнымъ примѣромъ; однакожъ онъ долженъ всегда себѣ его предшавлять, дабы имѣть понятіе о высочайшемъ благѣ; и много такихъ случаевъ, гдѣ сіе понятіе можетъ побудить его къ похвальнымъ дѣламъ.

Эпиг. Въ какихъ на примѣрѣ случаяхъ?

Сокр. Еслили государь или судія захочетъ подражать Богу, то вдругъ онъ почувствуетъ, съ какою справедливостію, премудростію и безпристрастіемъ долженъ онъ наблюдать правосудіе. Онъ долженъ самъ себѣ говорить: какъ бы Богъ управлялъ людьми, еслилибъ онъ управлялъ ими непосредственно и явно? Инакъ шѣ, кощеры на землѣ на его, мѣстѣ должны управлять такимъ же образомъ. — Вошѣ крашкое, но превосходное нравоученіе! — Скажи мнѣ еще, Эвагоръ, еслилибъ ты всегда былъ при почтенномъ человѣкѣ, осмѣлился ли бы ты дѣлать или говорить при немъ чтонибудь худое или непристойное?

Эпиг. Нѣтъ, Сократъ, я часто сіе испыталъ, на примѣрѣ одно швое присущствіе внушаетъ мнѣ скромность.

Сокр. Скольже должны мы бысть воздержны мыслями въ присущствіи Бога, который вездѣ находясь, не перяетъ насъ никогда изъ виду? Какъ можемъ чинить обманъ, ложь, безчестный поступокъ, неблагодарность или гордость въ глазахъ чистѣйшаго существа, когда не лзя не навлечь на себя чрезъ сіе негодованія?

Эпат. Ты весьма меня пронулъ своими разсужденіями, любезный Сократъ; но сіе размышленіе, естли его никогда не оставяшь, не подвергнешъ ли насъ величайшему спраху? Когда ты внушилъ мнѣ, что думаю о Богѣ есть весьма пріятное дѣло; то какъ же это согласить?

Сокр. Ты весьма учтиво говоришь, Эвагоръ, будто мое присущствіе внушаетъ тебѣ скромность; однакоже и я непримѣчаю, чтобъ оно было тебѣ непріятно.

Эпат. Подлинно такъ, Сократъ, оно мнѣ пріятно и полезно, и мнѣ весьма будетъ досадно, естли я онаго лишусь. И такъ я примѣчаю теперь, что бысть скромну изъ почшенія и благодарности не есть принужденность, но напрошивъ того самое пріятнѣйшее согласіе. Мы опасаемся всегда причинить неудовольствіе шѣмъ, которыхъ больше любимъ.

Сокр. Ты хорошо разсуждаешь, Эвагоръ, и должно еще припомъ знать, что естли пріятно думать о существѣ заключающемъ въ

въ себѣ всѣ совершенства ; то еще пріятнѣе называть сіе существо своимъ опцемъ ; примѣчая повсюду его благошворящую руку ; полагаешься на его благость и премудрость , которая все къ лучшему устрояетъ , и наконецъ надѣяешься , что естли мы спанемъ подражать его добродѣтелямъ , то онъ сдѣлаетъ насъ участниками своего блаженства. О любезный Эвагоръ , какъ сія мысль пріятна ! Какъ она утѣшительна во всѣхъ несчастіяхъ жизни ! Ты миѣ говаривалъ иногда , что находишь во миѣ веселой и спокойной духъ

Эпат. Правда ; я часто удивлялся сему спокойствію , и сему веселому и постоянному виду , который поставляетъ тебя выше всѣхъ приключеній и дѣлаетъ тебя довольнѣе тѣхъ людей , коихъ обыкновенно называютъ веселыми и счастливыми.

Сокр. Естли я имѣю нѣкоторую степень сей *несказанной* выгоды , то знай , Эвагоръ , что я долженъ ею тѣмъ размышленіямъ , которыя ты отъ меня теперь слышишь ; сіи то суть мои любезнѣйшія мысли , мое увеселеніе и мое сокровище.

Эпат. Ты меня возбуждаешь , говоря такимъ образомъ . Намъ не досаждаетъ только удовольствія видѣшь и слышать сего небеснаго опца.

Сокр. Нѣшѣ, Эвагорѣ, и сего удовольствія мы не лишены: онѣ есть духѣ вездѣ сый, и такѣ можетѣ знать наши мысли и открывать намѣ свои.

Эпаг. Я увѣренѣ, что онѣ знаетѣ совершенно все происходящее вѣ нашей душѣ, но какѣ мы его можемѣ слышать?

Сокр. Когда ты читаешь книгу, то не кажешся ли себѣ будто писатель самѣ съ тобою разговариваетѣ? Не понимаешь ли ты его мнѣній? Не узнаешь ли его намѣреній? Однимѣ словомѣ, нѣшѣ ли какого нибудь разговора между имѣ и тобою?

Эпаг. Правда, что есть.

Сокр. И такѣ, Эвагорѣ, природа есть великая книга, вѣ которой верховная премудрость говоритѣ весьма ясно, помощію зрѣлища хоща безгласнаго, о предметахѣ ею созданныхѣ и о порядкѣ вѣ оныхѣ уставленномѣ. Но еще больше сего; гласѣ ея слышенѣ бываетѣ во внутренности нашей.

Эпаг. Какѣ это?

Сокр. Не правда ли, что мы о истиннѣ такѣ ясныя имѣемѣ понятія, что естли услышимѣ что нибудь ей противное, то чувствуемѣ къ тому отвращеніе; а естли напросивѣ того говорятѣ намѣ о вещахѣ сходствующихѣ съ сими ясными понятіями, то духѣ нашѣ охотно на то соглашается.

Эпаг. Такѣ; это я думаю то, что философы называютѣ первыми началами, на

копорыхъ основывающія наши разсужденія въ наукахъ или знаніяхъ.

Сокр. А въ разсужденіи поступокъ жизни, не имѣемъ ли мы также правилъ или началъ, показующихъ намъ, что добро или зло, что справедливо и что несправедливо?

Эпат. Такъ, отсюда то производится и правоученіе, отсюда происходитъ также и то, что человекъ самъ себя или похваляетъ или оуждаетъ, и дѣлаетъ себѣ выговоры, помѣръ того какъ онъ слѣдовалъ симъ правиламъ, или преступалъ оныя.

Сокр. Отъ насъ ли, Эвагоръ, зависитъ перемѣнить или и совершенно изгнать изъ нашего ума сіи первыя понятія объ истинѣ, или правосудіи?

Эпат. Я сего не думаю, да и не можно думать на примѣръ, что существо ограниченное ниже существа безконечнаго; что неблагодарность достойна хулы; что большее благо предпочиташь должно меньшему; что должно съ другими поступашь такъ, какъ мы хотимъ, чтобъ съ нами поступали. Сіи супъ неоспоримыя аксіомы принимаемыя во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Сокр. Но откуда происходитъ сіе разумное разсужденіе, и сіе нравственное побужденіе?

Эпиг. Отъ насъ самихъ, отъ нашего разума.

Сокр. Очень хорошо; но кто намъ далъ сей разумъ, и кто начерпалъ въ нашемъ умѣ сіи неизгладимыя понятія, копорыя служатъ основаніемъ всѣмъ нашимъ размышленіямъ?

Эпиг. Я вижу, что виновникъ нашего пребыванія долженъ быть шопъ же самой, копорый споль хорошо успроилъ сію вселенную.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ, Эвагоръ, шо высочайшее существо, копорое вліяло въ насъ сіе внутреннее управленіе, и копорое говоритъ намъ сими шайными увѣреніями нашего разума. Вошъ шопъ разумъ, копорый служилъ мнѣ *путеподителемъ*, и копорый служилъ бы равно и всѣмъ людямъ, еспьлибъ они хотѣли съ нимъ совѣтоваться. Можешъ быть благоспъ Божія повелишъ нѣкогда ему говорить намъ явно, и употребляшъ человѣчскій языкъ, дабы мы могли его слушать. Но во ожиданіи исполненія сего спанемъ чинашъ великую книгу природы, опвершую разумомъ предъ нашими очами, и послушаемъ также шайнаго гласа своего сѣрдца, копорое естъ какъ бы вѣрный исполкователь его желаній.

Эпиг. Безъ сомнѣнія должно, но я бы желалъ, чшобъ сіе было чувспвишельно.

Сокр. Оно довольно чувспвишельно для внимательнаго духа.

Эпиг.

Эпиг. Но какъ можно пріобрѣсть сіе вниманіе, какъ учинишь присутствующими и общими шѣ прекрасныя мысли, о коихъ ты шеперь говоришь?

Сокр. Внимательный умъ, столь нужный ко всякой вещи, въ какой кпо хочешъ успѣль, пріобрѣщается всегдашнимъ вообще поспешенно возбуждаемымъ и ежедневно подкрѣпляемымъ упражненіемъ. Но когда говоришься особливо о понятіи нравочисельныхъ истинъ, то должно убѣгать шума спрасшей, роскошной и развращенной жизни; должно привыкать заранѣе входить въ самага себя, и останавливаться на ясныхъ мысляхъ, копорыя представляешъ намъ разумъ; должно наипаче совѣщываться съ ними о всемъ, что мы чувствуемъ и что видимъ; должно разсмащивать порядокъ и связь вещей, и искать въ нихъ начала и конца; однимъ словомъ должно упражняться въ отдѣленіи части духовной отъ материальной. На примѣръ...

Эпиг. Хорошо, сіи то примѣры мнѣ надобны; и чрезъ сіе то, Сократъ, дѣлаешься ты полезнымъ всѣмъ людямъ.

Сокр. И такъ я полагаю шеперь, будто ты находишься въ пустынѣ, удаленъ отъ предметовъ сильно поражающихъ наши чувства, и въ совершенномъ спокойствіи шѣла и духа: сіе состояніе, Эвагоръ, покажешя тебѣ можетъ быть неспособ-

нымъ къ приведенію на память виновника всѣхъ вещей. Однакожъ не выходя изъ самаго себя, и устремля все свое вниманіе на себя, самаго ты не можешьли не примѣшишь, что внушенность твоего тѣла находишься въ безпрестанномъ движеніи, и что разумъ твой имѣетъ множество понятій. Кромѣ сего, сіи движенія и понятія произвольныя и происходящія безъ помощи какой нибудь дѣйствующей силы, подающъ тебѣ случай возвышашься къ тому, который устроилъ такимъ образомъ твою душу и тѣло.

Эпиг. Но уединеніе, Сократъ, а особливо ночное безмолвіе внушаетъ нѣкой тайной страхъ, который, какъ мнѣ кажется, препятствуетъ предаваться такимъ размышленіямъ.

Сокр. Правда, что это первое дѣйствіе, которое производитъ мракъ и уединеніе надъ душою молодыхъ людей. Ночью свойственнѣе къ разогнанію сего впечатлѣнія страха и къ приведенію насъ въ безопасность той мысли, что есть всеобщій хранитель, который всегда при насъ находишься, всегда насъ оберегаетъ, и который такъ устроилъ всѣ вещи, что ничто не можешь нарушить подчиненности существъ, ни порядка учрежденнаго имъ во вселенной?

Эпиг. Я чувствую сію истинну, Сократъ, и мнѣ кажется, что надежда ея внушаемая должна еще умножиться, когда мы подумаемъ, что можемъ достать себѣ покровительство и особливую Божию любовь, еслили признаемъ его благодаренія и нашу покорность, еслили будемъ просить прощенія въ своихъ прешупленіяхъ, прибѣгая къ его благости, еслили наша воля всегда покорена будетъ его волѣ, и еслили мы пребудемъ шверды въ добродѣтельныхъ мысляхъ. Вотъ, я думаю, единое богослуженіе, которое ему пріятно, и которое лучше и стоить больше жершвы изъ сна воловъ.

Сокр. Подлинно такъ, Эвагоръ, Богъ, чистѣйшій духъ не благоволилъ о жершвоприношеніяхъ матеріальныхъ, развѣ тогда, когда они изъясляютъ чувствованія сѣрдца. И такъ всякой разъ, когда мы о немъ помышляемъ съ почтительною радостію, воздаемъ ему честь приличную его свойству. И для того я тебѣ говаривалъ, что должно искашь къ тому всякихъ случаевъ.

Эпиг. Непочитаешь ли ты, Сократъ, за случай приводящій на мысль намъ Бога, вида полевыхъ предметовъ? Когда я прогуливаясь по полю, или когда открывъ окно вижу пространныя мѣстоположеніе плодородныхъ луговъ изобилующихъ веселыми рощами и деревьями, которыя предвозвѣщаютъ про-

процвѣщающую землю; луга содержащія въ безпрестанномъ свѣжемъ воздухѣ ключевую воду, кошорая ихъ въ разныхъ мѣстахъ орошаетъ, или долину окруженную горами, коихъ верхи шеряются въ облакахъ: шо нахожу, что сіи природныя прелести съ перваго взгляда приводящъ мнѣ на мысль виновника и создателя оныхъ.

Сокр. Подлинно такъ, Эвагоръ, сіи-шо предметы представляются чаще нашимъ глазамъ; но мысль о Богѣ представляется шакже и въ шумѣ между людьми и между суетами градскими, не меньше какъ и въ уединеніи и въ деревнѣ.

Элаг. Какъ это?

Сокр. Когда ты видишь въ публичномъ мѣстѣ великое сборище людей; Сенаторовъ идущихъ въ Ареопагъ; купцовъ бдущихъ изъ Смирны, Пелузіи или Балеарскихъ острововъ; художниковъ всякаго ремесла, иностранцовъ всякой земли; сіе зрѣлище, предвозвѣщающее шощасъ человѣческое искусство, не возвышаетъ ли разума нашего посредствомъ множества природныхъ понятій къ Богу; ибо должно примѣчать склонность, кошорую онъ вложилъ въ насъ къ обществу, даръ слѡва, коимъ оно связываетъ разность имѣній, коими Богъ обогатилъ землю, и разныя дарованія, коими онъ одарилъ людей, дабы всѣ они, имѣя другъ въ другъ нужду,

по-

подавали взаимную помощь шѣмъ, чего одному изъ нихъ недостаешь.

Эпат. Сіи размышленія кажутся миѣ весьма справедливыми, и я ихъ никогда не забуду, какъ скоро только представишься моему взору подобное зрѣлище.

Сокр. Но думаешь ли ты, Эвагоръ, что и самые черстоги государей бывають однакожъ способны къ произведенію ихъ въ справедливомъ и примѣчательномъ разумѣ?

Эпат. Я сему не удивляюсь, Сократъ; ибо ты во всемъ находишь какую нибудь истинну и благо: но желалъ бы я; чшобъ ты послужилъ миѣ путеводинелемъ и въ семъ предлагаемомъ шобою случаѣ.

Сокр. Вообрази себѣ церемонію при дворѣ великаго Государя. Ты увидишь точный порядокъ во всемъ убранствѣ и великолѣпніи. Достоинства, восходящія поспешенно отъ самаго нижняго чина даже до монарха, различаются по своимъ мѣстамъ и дѣйствіямъ; каждый поступаетъ сообразно шому, что ему должность его предписываетъ, и всѣ сообразуются съ великою цѣлію; но сіе частное распоряженіе не доводитъ ли тебя, Эвагоръ, до распоряженія гораздо лучшаго и до порядка гораздо превосходнѣйшаго, какой царствуетъ въ человѣческомъ обществѣ и во всей природѣ? Подчиненность учрежденная

ная во дворѣ подобна степенямъ восхожденія между людьми, и границамъ предписаннымъ каждому сословію; сихъ границъ ни государь, ниже подданный не можешь прешупить, не наруша общаго порядка и не сдѣлавшись возмущителемъ противъ владѣтеля всей вселенной. Но что ты думаешь, Эвагоръ, о удовольствіяхъ? Не можно ли также найши и въ нихъ дороги ведущей къ Богу?

Эпаг. Такъ Сократъ, мнѣ кажется, что и на великомъ пиршествѣ и въ великолѣпный праздникъ можно сыскашь что нибудь такое, что приводитъ насъ къ симъ высокимъ мыслямъ. Если различная пища и вкусное вино услаждаютъ мой вкусъ, если звукъ музыки прельщаетъ мой слухъ; или если веселость гостей мнѣ нравится; то я скажу: откуда происходятъ сіи пріятныя чувствованія? Тотъ, кто сотворилъ всѣ вещи, есть также создатель и удовольствій; онъ то сообразилъ столь хорошо сіи предметы съ нашими органами; и покуда я буду употреблять ихъ умеренно, то всегда увѣренъ буду, что найду въ нихъ источникъ многихъ пріятностей.

Сокр. Такъ, Эвагоръ, и посреди великолѣпія и удовольствій, если кто умѣетъ размышлять, можешь всегда удивляться премудрости и познавать благость сотворшаго

го вселенную; всякхе удовольствіе несовершенно, естли nebudeтъ происѣкати изъ перваго источника, ошкуда оно изходитъ. Сей по испинны многіе люди не знающъ, и отъ сего по и производитъ, что ихъ удовольствія превращающся обыкновенно въ скуку.

Эпат. Вотъ какъ всякой представляющійся намъ предметъ можетъ возводити насъ къ нашему великому благодѣтелю.

Сокр. Такъ, изъ всѣхъ мыслей, сія естъ самая высокая и пріятная, какой только можетъ занимать нашъ разумъ. Миѣ кажется Эвагоръ, что ты любишь Аллегорическія исторіи.

Эпат. Признаюсь, и миѣ кажется, что онъ весьма изоцряющъ разумъ; и ты какъ будто угадалъ, что предложилъ миѣ одну изъ оныхъ.

Сокр. И такъ, Эвагоръ, сія вселенная естъ также Аллегорическая картина. Старайся проникнуть оной цѣль, возвышаясь къ Богу, который скрывается подъ сею завѣсою, и открывая намѣренія Ошца, который скоро показывается ищущимъ его. Сія по сердечная вѣра и испинная философія едина способна къ очищенію нашихъ желаній, къ успокоенію душевныхъ волненій и къ учиненію человѣка счастливымъ и разумнымъ.

Эпигоръ. Я вижу, что по истинная премудрость: *думай и ищи.* Не думай, Сократъ, чтобъ я когданибудь позабылъ сіи два слова, равно какъ и полезное прибавленіе, которое ты къ нимъ приобщилъ.

IV.

О мнимомъ усердіи къ религіи.

Ничто столько необманчиво въ человѣкѣ, какъ неосновательная ревность и усердіе его въ вѣрѣ, или, какъ по просто называютъ *нубожность*, (хотя сего имени прямо приписать сему и не можно.) Многія спрасти кроются подъ сею личиною, и многія злости въ немъ имѣютъ свои сѣмена. Зло сіе столько распространилось въ человѣчествѣ, что за благодареніе бы всему роду человѣческому почестъ можно было, естли бы кто мнимую сію святость исключилъ изъ числа добродѣтелей. Сколько излишнее такое ревнованіе вредно и пагубно, всякому по извѣстно; словомъ, оно безрасудно и беззаконно, да и не можно думать иначе, когда разсудишь, что оно съ равнымъ свирѣпствомъ дѣйствуетъ какъ во всѣхъ религіяхъ вообще, сколько бы онѣ ни были противоположены одна другой, такъ и въ каждой въ особливости.

Иудейскіе Раввины говорятъ, что первое смертоубійство произошло отъ раздора въ богослуженіи первыхъ человѣковъ; и есѣли бы мы имѣли полную испорію такого ревнованія со дней *Каина* до нашихъ временъ: то бы увидѣли ее наполненною многими убивственными и кровопролитными зрѣлищами. Какою же почтешъ здравомыслящій человѣкъ вину поликихъ бѣдспвій? Можетъ ли онъ предаться мрачному сему волненію души, когда оно утверждается на скользкихъ путяхъ единого мнѣнія и неопытнаго умозрительства.

Откроемъ внутренность суевѣрною набожностію зараженнаго сердца; пощимся испытать всѣ сокровенные сгибы его, и мы вѣрно найдемъ, что сего мнимаго усердія къ вѣрѣ причиною есѣ или *гордость*, или *хорыстолюбіе* или *злость*.

Во первыхъ, что касается до *гордости*, человѣкъ, различествующій съ другимъ во мнѣніяхъ вѣры, поставляетъ себя выше его въ своихъ разсужденіяхъ и во многомъ почитаетъ себя разумнѣйшимъ. Сіе по есѣ поводомъ гордому человѣку къ тому, что онъ называетъ усердіемъ къ закону. Справедливость сего усмотрѣшь можно изъ жизни и поступковъ самыхъ ревностнѣйшихъ защитниковъ православія. Въ жизни ихъ часто случается видѣшь такіе примѣры, что

они не гнушаются имѣть тѣснѣйшаго дружества съ самыми развратнѣйшими и порочнѣйшими людьми, только бы они согласовались съ ними въ помятыхъ ихъ о вѣрѣ: напротивъ того съ противниками ихъ мнѣній, сколь бы свѣтла и непорочна жизнь ихъ ни была, многіе и сообщенія имѣть не хотяшъ. Упорные наши раскольники не могутъ ничего сѣбѣсть, или выпить съ нами безъ зазрѣнія совѣсти; также многіе наши простолюдимы за великое беззаконіе пошавляющъ бытъ вмѣстѣ и участвовашъ въ дѣлахъ съ иновѣрцами, какъ-то особливо съ Армянами, Турками и даже съ Люшеранами и Римско Каполиками, хотя впрочемъ и въ самыхъ преступленіяхъ своимъ единовѣрцамъ сообщниками бытъ часто не опрекаюся. — Вотъ причина, для чего порочный правовѣрецъ предпочишаешся добродѣтельнѣйшему, доспойнѣйшему человѣку и дѣяшельностию своею подкрѣпляющему имя Христіянина, хотя первый и далеко опстоитъ опъ совершенствѣ послѣдняго! — Опъ чегожъ сіе происходитъ; какъ не опъ привязанности къ собственнымъ своимъ мнѣніямъ, а сія привязанность не ешьли явный знакъ тайной гордости, надменности самимъ собою? Всякой, хотябъ и поступалъ такимъ образомъ, внутренно признаешъ сію истинну, и ешьли спросишь причину такихъ поступковъ, то въ опвѣтъ на сіе надлежитъ прибѣгнуть къ обыкновенному

тому извѣспиѣйшему изреченію иравоучи-
телей.

Vide meliora proboque, deteriora sequor. (*)
OVID.

Естьли бы усердіе наше къ Религіи было истинно, то бы мы болѣе ожесточались на грѣшника, нежели на ерепика; многіе случаи могутъ оправдать послѣдняго предъ верховнымъ судіею, но перваго оправдать ничшо не можешъ.

Другая причина такого фанатизма есть *корыстолюбіе*. Спрасть сія подобна пламенику, воспаляющему въ человѣкѣ огонь зависти, злобы и ненависти; кошораго мрачное сіяніе представляется глазамъ его свѣтомъ набожности. По сей-то причинѣ никто сполько не усердствуетъ распространенію огнемъ и мечемъ православія, какъ-тошъ, кошорый находить въ томъ собственную свою пользу. Испанцы не принялись бы съ такою ревностію обращать Американцевъ на путь истинны, если бы золошо ихъ не воспламенило въ нихъ сего священнаго усердія къ вѣрѣ Христіанской. Я хочу распространить значеніе слова, *корыстолюбіе*, въ отношеніи его какъ къ душевному нашему спасенію и блаженству, такъ и ко временному счастью. Человѣкѣ радуешя, видя приращеніе числа согласующихся съ нимъ въ особенныхъ его мнѣніяхъ, и посему всякой новообращенной ино-

(*) Вижу лучшее и похваляю, но послѣдую худшему.

вѣрецъ служивъ ему къ дальнѣйшему убѣжденію во истиннѣ своей вѣры. Мысль сія глубоко вкореняется въ его душѣ, и онъ, находя мнѣнія свои не только согласными съ собственнымъ своимъ разсудкомъ, но видя ихъ припомъ пріемлемыми и ошъ другихъ за справедливыя, считаешъ оныя за несомнѣнныя истинны. Утвердясь въ сихъ своихъ началахъ, онъ готовъ выводити изъ оныхъ дальнѣйшія разсужденія — Спрасть его возбуждается, онъ ей предается, дѣйствія ея приписываешъ добродѣтели, и такъ дѣлаешъ заключенія о своемъ ревнованіи. — Сіе видѣшь можно въ обыкновенныхъ расположеніяхъ Атеиста, который мнѣнія свои утверждаешъ и разсѣваешъ съ такимъ же жаромъ, какъ и шопъ, который думаешъ, что онъ дѣйствуешъ изъ усердія къ распросраненію славы Божіей.

Злость есть претій источникъ, откуда мнимая набожность берешъ свое начало. Часто и добродѣтельный человекъ имѣешъ сѣмя ея въ своемъ сердцѣ, и хотя оно бываешъ подавлено силою вѣры; но когда находишъ какой либо предлогъ къ возобновленію своему, который показывается ему несходственнымъ съ должностями Христіанина; тогда всѣ препоны рушатся и фурія сія начинаешъ въ немъ свирѣпствовать. Тогда ревность къ религіи дѣлаешся для него услаждені-

жденіемъ; послѣдованіемъ оной думаетъ онъ благоугодить Богу; и шакъ благопріятствувъ, ешъ онъ спремленію мспительнаго шемпера-менша. По сей по причинѣ мы находимъ, что многіе величайшія опустошенія и крово-пролишя, какія шолько случались въ свѣшѣ, на-чало свое имѣли ошъ сего безразсуднаго усердія.

Лесно для меня видѣшъ ревность къ добру въ молодомъ человѣкѣ, особливо когда усердіе его имѣешъ источникъ свой изъ воз-растающей нравшвенности и ревнованія къ блаженству рода человѣческаго; шогда я ви-жу въ немъ будущаго Героя, шолпа опече-сшва, благошворителя вселенныя: но когда я нахожу въ рукахъ его мечъ, пламя, дру-гія спрашныя орудія; когда я слышу звукъ цѣпей и спонъ въ наполненныхъ шемницахъ; когда онъ раззоряешъ цѣлыя семейства, опу-сшошаешъ зѣмли и жжешъ шѣло для спасенія души; шогда я не могу не произнесшъ одно-го изъ сихъ, что (какъ бы онъ ни помыш-лялъ о правобрїи и душеспасенїи) или въра его пущая, или православїе бесполезное.

Разсуждая о ложныхъ ревнишеляхъ закона я не могу удержашься, шшобъ не упомянушь о спрашныхъ оныхъ чудовищахъ, которыя опо-рочивающъ человѣчешво. Я разумѣю здѣсь шѣхъ, которыхъ обыкновенно называемъ мы

Апеисшами. Сколько бы кто ни представлялъ, что сіи люди не заражены блужденіемъ пагубнаго пущосвяштва, что они способству ютъ къ искорененію суевѣрія, и по единствен но имѣющъ своимъ предметомъ, и что они нужны въ мірѣ къ возбужденію невѣжеству ющихъ постигаютъ умомъ сущности и бытія высочайшаго существа и углубляться въ исти ны доказывающія оное: но у меня всегда останешся въ виду невѣріе распространяемое съ такою твердостью, яростью, свирѣп ствомъ и усердіемъ, какъ будто бы спасеніе цѣлаго человѣческаго рода отъ того зависи ло; и о семъ родѣ усердія что я долженъ думать, кромѣ того, что глупости его и безрасудства никакими красками изобразить не можно? Кратко сказать, пагубное усердіе Апеисша, еспли по возможно, гнуснѣе и бѣдственнѣе самаго Апеизма.

Говоря о безумной ревности невѣрующихъ и Апеисшовъ, надлежитъ замѣнить, что они также наполнены, особливомъ только обра зомъ, духомъ лжесвятости или суевѣрія. Утвер ждаясь на мнѣніяхъ исполненныхъ противорѣчія и невозможности, малѣйшее затрудненіе въ ясномъ разумѣніи какого либо члена вѣры почи тающъ они довольно важнымъ къ опроверженію онаго. Мнѣнія сходственныя съ здравымъ раз судкомъ и основанныя на понятіи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, служащія безпрекословно къ

возвыше-

возвышенію благосостоянія обществъ и частныхъ особъ, опмещушъ они какъ бы заблужденія и предрасудки, и системы воздвигнушыя на ихъ мѣстѣ при всемъ своемъ безобразіи и нелѣпости пребудушъ безразсуднѣйшей легковѣрности къ принятію ихъ. Я охотно бы спросилъ когонибудь изъ оныхъ ревностныхъ распросранишелей невѣрія, пріемля всѣ главнѣйшія положенія Апейзма какъ что: случайное и вѣчное міробытіе, мысленность вещества, смертность души, случайный сославъ шѣла, движимость матеріи и пому подобное, и сославивъ изъ нихъ особый Символъ вѣры, славнѣйшихъ Апейстовъ; я охотно бы спросилъ ихъ, говорю, гдѣ больше пребудетъ вѣры: къ принятію ихъ ли Символа, или Символа вѣры? Ихъ ли положенія вразумительнѣе и вѣроятнѣе, или каждой Догмашъ и каждое слово Религіи? — Пускай кто разсудитъ на примѣрѣ о міробытіи и по ихъ миѣнію и по ученію Религіи, и скажетъ безприсрачно, что вразумительнѣе и вѣроятнѣе? Наконецъ скажу я, что не увѣрившись на истиннѣ замѣняшъ ее меньше еще вѣроятія достойными выдумками не значитъ обьяснять вещь, чего ищутъ всѣ Господавольнодумцы и чего они въ замыслахъ своихъ никогда не находятъ; а всего сего причиною стъ сіе суешное усердіе!

V.

ОДЫ ДУХОВНЫЯ.

I.

Изъ псалма 12.

Доколѣ буду я забвенъ
 въ бѣдахъ, о Боже мой, Тобою?
 Доколѣ будешь отвращенъ
 отъ жалобъ приносимыхъ мною?
 Доколѣ вопіяшь шепча,
 когда всечасно сердце рвется;
 Доколѣ врагъ мой вознесется,
 всегда въ напастяхъ для меня?

Я прежни милоспи твои
 въ бѣдахъ шолкихъ призываю,
 да не рекутъ враги мои,
 что я напрасно уповаю!
 Спаси въ напастн мой животъ,
 въ слезахъ обрадуй и въ печали,
 чтобы враги мои познали,
 что ты Господь, и Богъ щедротъ.

Ты страшенъ всѣмъ моимъ врагамъ,
 на мя что въ злобѣ жеспочашся,
 будь мнѣ отъ нихъ защищникъ самъ;
 тобой ихъ съши сокрушашся.

Твою я милость воспою,
 Прославлю данный судь Тобою,
 Что ты всемошною рукою
 Изъ рукъ враговъ спасъ жизнь мою.

2.

Изъ псалма 22.

Господь меня спасетъ,
 Отъ злоси отвращая,
 Отъ самыхъ дѣшскихъ лѣтъ
 Въ путь правды наславляя,
 Съ млекоу законъ свой влилъ
 Въ меня еще въ младенствѣ,
 И жить мнѣ въ благоденствѣ
 Весь вѣкъ опредѣлилъ.

Я съ Господомъ моимъ
 Пойду безъ страха всюду,
 Не убоюсь съ нимъ
 И смѣлъ съ врагами буду;
 Хотя смершнй мнѣ предѣлъ
 Опредѣленъ врагами,
 Падуть всѣ предъ ногами;
 Мой щитъ пребудетъ щѣлъ!

VI.

МОЛИТВА УТРЕННЯЯ.

Отъ сна воставѣ къ Тебѣ, Владыко, прибѣгаю
 И шепчю къ Тебѣ молитвы возсылаю,
 Во всяко время мнѣ, о Боже, помогай,
 Отъ всякой мерзости и злоси избавляй;
 Ты самъ меня спаси, введи мя въ царство вѣчно,
 Сподоби зрѣть швое лице мнѣ безконечно!
 Ты Богъ мой, шы меня на свѣшъ сей сотворилъ
 И благодатию своею оградилъ,
 Ты благъ податель всѣхъ, на Тя я уповаю,
 Тебѣ единому хвалу я воспѣваю;
 Съ Тобою нынѣ, впредь, во вѣкъ и навсегда
 Не прикоснется мнѣ ни злота, ни бѣда.

VII.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ КЪ ТВОРЦУ.

Услыши гласъ и пѣснь мою,
 О Ты Великій Вседержитель!
 Тебя на семъ лугу пою,
 Тебя благословлю Зидишель!

За грусть и счастливый конецъ
 Благодарю я равношрно;
 Мнѣ сердце нѣжно далъ Творецъ,
 Благодареніе безмѣрно!

Что я ни зрю въ моихъ глазахъ,
 Омъ рукъ своихъ все происходишь.
 О Боже! Ты во всѣхъ концахъ,
 И все отца въ Тебѣ находишь.

Ты слышенъ въ бурѣ, Боже, мнѣ,
 Въ безмолвныхъ зрю Тебя долинахъ,
 Я зрю тебя внутри и внѣ,
 Вездѣ, въ кустахъ, въ горахъ, въ лощинахъ.

Источникъ шепчетъ мнѣ въ струѣ,
 Какъ внизъ съ утеса упадаешь,
 Что бытие его въ Тебѣ,
 Что жизнь Тобой онъ получаетъ.

Когда вечерній вѣспрѣ хладитъ
 Омъ солнца воздухъ раскаленный,
 Какъ паръ на всѣ цвѣшны валишь
 Прохладной влагой упоенный,

Какъ листъ шумитъ Тебѣ въ лѣсахъ;
 Твою вѣщаетъ шѣмъ онъ славу.
 О Боже! Дивенъ въ чудесахъ,
 Во всемъ я зрю Твою державу.

VIII.

Г Л А С Ъ Б О Г А

К ъ ч е л о в ѣ к у .

Во Сыне мой! Учись знать самого себя!
 Коль славы моя прельщаетъ свѣтъ тебя,
 Коль сладость ты вкусишь духовную алкаешь,
 И свыше благодать вліяну ощущаешь,
 Отверзи глубину ты сердца своего,
 И силу прими вдохновенья моего!

Воздай ты благости моей благодаренье,
 За споль великое къ тебѣ благоговоренье.

Она плоды въ тебѣ щедротъ своихъ пворитъ,
 Усердіемъ ко мнѣ горѣшь тебѣ велитъ

И къ подвигамъ тебя духовнымъ поощряетъ;
 На правый путь тебя заблудша наставляетъ,

Да тяжестью своею къ земному непадешь!
 Ты самъ собой пушей споль прудныхъ непрей-
 (дешь!)

Не щаніемъ своимъ ты благость получаешь;
 Но благостью моею, спаранье ощущаешь.

Любовь моя къ Тебѣ родитъ въ Тебѣ любовь,
 Я тяжестъ рву твоихъ еспешвенныхъ оковъ,

Духовной силою Тебя вооружаю,
 Смирніемъ Тебя сердечнымъ ополчаю!

О сыне, сыне мой! Не рѣдко огонь горитъ,
 Но пламя всегда стущенный дымъ явитъ.

Подобно человекъ себя воспламеняетъ,
 Небесныхъ благъ вкусишь желаніемъ алкаешь;
 Но слабостей плоскихъ не можешь побѣдить!

Не можетъ онъ спрасей своихъ свободенъ быти:

Онъ блага своего снискаши не умѣетъ,
Надежду на себя онъ швердую имѣетъ.

И чая самъ собой узрѣшь небесный свѣтъ;
Единый видишь мракъ, и къ безднѣ онъ гря-
(дешъ.

О сыне мой! Проси того, что мнѣ любезно!
Тебѣ любезное бываетъ бесполезно:

Молитвы, что лишѣ ко мнѣ душа швоя,
И воздыханія швои внимаю я.

Ужè свободы шы духовныя желаешь,
Въ небесной мой чертогъ шы духомъ прелетаешь:

Жилище вѣчности прельщаетъ ужь шебя,
Въ опечествѣ своемъ желаешь зрѣть себя:

Но удержи свое сердечное стремленье!
Твой часъ не на сшупилъ вкусишь по насла-
(жденье,

Тебя еще шруды и брани въ свѣтѣ ждушъ,
И искушенія еще къ тебѣ грядущъ.

Плошскія спрасши всѣ противъ тебя воспита-
(нутъ

И силы вражіи передъ тобой предстанутъ;
Сберутся вокругъ тебя мірскія суешы;

Болѣзни нападутъ напасши и шруды,
Пошлется и тебѣ въ часъ нѣкій ушѣшенье,
Но полной радости не дасся насыщенье.

Крѣпись, будь мужественъ, ладычешувуй
(собой,

Да будетъ въ подвигѣ надежда семъ съ побой.

Прошивное сноситъ тебѣ пошребна сила,
Которабъ всѣ бѣды шерпѣнымъ побѣдила.

Воспоргъ воспоргомъ шамъ, мой сынъ, ты при-
 (умножишь
 лишенемъ благъ себя во вѣкѣ не воспревожишь.
 Тебя свободнымъ бышь я шамо научу,
 Вѣнецъ безсмертія, мой сынъ, тебѣ вручу.
 Тамъ истиина моя и правда обнажися,
 И сила вражія паденьемъ сокрушися.
 Прольется на тебя источникъ благъ моихъ;
 Насыпишь сердце ты вкушая сладость ихъ.
 За прешерпѣнное получишь воздаянье,
 Тамъ всякое швое исполнися желанье.
 За скорбь швою тебя весельемъ награжду,
 За униженіе прешолъ сооружу.
 За послушаніе я власть швою прославлю,
 И славы вѣчныя участникомъ поставлю.
 Смиреніе швое какъ Крииъ шамъ процвѣшетъ,
 И покаяніе шамъ плодъ свой принесетъ.
 Покорная глава шамъ будешъ увѣчанна,
 И будешъ навсегда смерть жизнию попрайна!
 О сей-шо жизни ты всечасно помышлай,
 Для вѣчной временну терпѣньемъ жизнь смирай,
 Не щисся на земли ты славой наслаждашься,
 Послушенъ вышшимъ будь, умѣй уничижашься;
 Властипшелямъ своимъ ты покоряй себя,
 Смирайся и предъ шѣмъ, кто ниже и тебя,
 И волѣ равнаго смиренно покоряйся.
 О сыне. Смершнаго примѣромъ не прельщайся!
 Меня единого примѣромъ ты имѣй,
 Терпи, что я шерпѣль, позоръ сносишь умѣй!
 Моимъ спраданиемъ моей достигни славы,
 Со мною вознесись въ чертогъ моей державы,
 Да

Да въ сердцѣ свой престолѣ поставивъ ушебя ;
 Прославлю жизнью и смерщию себя.

IX.

Н А З Л О Б У .

О злоба ! Люба злоба !
 Ты ждешь меня до гроба
 И хочешь мя скосить.

Всѣ ближніе на мя и сродники воспали ,
 И ядѣ въ себѣ къ моей погибели пишали :
 Но я уже привыкъ несчастіе сносить .
 Коли меня , рази , о злоба , уязвляй ,
 И люшой смерщию карай !

На Бога я свою надежду полагаю ;
 Святаго промысла его я ожидаю ;
 Я злобы не страшусь ,
 Въ напастяхъ не крушусь ,
 Я зрю на свѣшѣ все превращено
 Течешъ , проходишъ не возвращено .
 Сей день несчастливъ я , на завтра я блаженъ ;
 И завтра можешъ быть мой врагъ уничтоженъ .

X.

Ч Е Л О В Ъ К Ъ

Наединѣ разсуждающій о неудоборѣшимыхъ Пнепматологическихъ, Психологическихъ и Онтологическихъ задачахъ.

Ужѣ много времени прошло, какъ я спружуся надъ чпеніемъ Психологіи, желая учинить естественный опытъ о душѣ: но каждый шагъ употребляемый мною при семъ случаѣ, кажется опдалаетъ меня опъ моего предмета. Я спараюсь найти Аксиомы; но вмѣсто ихъ попадающа мнѣ однѣ сомнѣнія; я желаю шествовашъ по ровному пупи; но мнѣ вспрѣчаюся пропасни, опъ измѣренія глубины копорыхъ содрогающа всѣ мои чувства. — Сіи задачи, копорыя намѣренъ я шеперь предложитъ, для меня совершенно нерѣшимы; и я часшо сердечно признаюсь въ невѣденіи моемъ. — Пусть Философы имѣющіе больше смѣлоспи, нежели я, провождающъ меня безъ магнишой спрѣлы въ небесныя Мешафизическія земли; но я увѣренъ, что ни Локкъ, ни Маллебраншъ не согласаша бытъ моими пушеводителями.

Случай не можетъ бытъ первымъ началомъ; шо не необходимы ли вещи по себѣ?

Всѣ великія явленія не могутъ ли сравняться съ шѣми Іероглифами, которые въ разныя времена находили на Египетскихъ монументахъ? — Здѣсь я вижу рѣку, шамъ змія пожирающаго свой хвостъ, на другомъ мѣстѣ человѣка съ собачьею головою — Но сія рѣка сплосится ли къ Нилу? Сей змій предспавляетъ ли Высочайшее Существо. Сіе чудовище есть ли богъ Анубисъ? единые только современники Гермесовы могутъ истолковать намъ смыслъ таинственныхъ сихъ начертаній, такъ какъ причину бытія всѣхъ вещей одно Верховнѣйшее Существо.

Онтологія не есть ли въ разсужденіи ограниченныхъ понятій, каковы наши, наука о дѣйствіяхъ безъ показанія причинъ оныхъ?

Душа, говорятъ Философы, есть существо; но что есть существо? Незнающіе при семъ вопросѣ молчатъ, а разумные сами себѣ прошиворѣчатъ, и молчаніе однихъ не яснѣе пустословія другихъ.

Невѣдѣніе наше, или что все одно, темныя наши понятія о существѣ вещей, можетъ быть происходятъ отъ того, что мы по большей части взаимодействуемъ понятія свои отъ однихъ чувствъ: и шакъ возможно ли, что бы и то существо, которому отъ природы больше дано чувствъ, нежели человѣку, могло когда либо проникнуть про-

ходы

ходы и скважины огромной машины, кошой одни только дѣйствія намъ видны?

Можетъ ли Метафизикъ изслѣдовать ужасное разспояніе между вещественною (reali) сущностію вещей, и между именною (nominali)?

Можно ли доказать посредствомъ разума, что есть чистые духи; И ежели они сущесвууютъ, то имѣютъ ли преимущество предъ смѣшанными сущесвами?

Что значить чистое или духовное протяженіе принятое Кларкомъ и Невпономъ? Ученые ли сіи мужи противорѣчатъ сами себѣ, или чинашели не понимающъ ихъ словъ?

Когда Картезий утверждаетъ, что мы имѣемъ о разумѣ яснѣйшее понятіе, нежели о какомъ другомъ сущесствѣ, то не видно ли изъ сего, что онъ хотѣлъ дать знать, яко бы у него несравненно болѣе разума, нежели у его чинашелей?

Всѣ ли существа имѣютъ внутреннее чувствованіе своего бытія?

Что означаетъ названіе души, данное началу насъ одушевляющему? Ибо когда видимъ мы планеты описывающія обширные круги, то сіе печеніе называемъ мы

движеніемъ ; когда видимъ вѣ низъ падающій камень , по сіе явленіе называемъ пляжеспью : но естѣ ли хопя одно изъ вещеспвенныхъ сущеспвѣ , которое бы могло называшься душою , движеніемъ и пляжеспью ?

Чпобѣ познашь душу , по не нужно ли взирать на нее безъ дѣйствія чувствѣ , и безъ попрясенія органическихъ жилокѣ ? Но можешѣ ли разумѣ понимать больше о душѣ челоѣческой разлученной сѣ тѣломѣ , нежели о морѣ безъ воды , и о часахъ безъ пружины ?

Можешѣ ли составить душа безъ тѣла или тѣло безъ души полное понятіе о челоѣкѣ ?

Филонѣ и Авиценна приписывали звѣздамѣ разумную душу ; Сеимѣ Томасѣ поспавлялѣ вѣ нихъ душу чувспвенную : но должно ли изъ сего заключить , что еспество челоѣческое не различеспвуетѣ отъ еспества планешѣ ?

Одинѣ философѣ утверждаетѣ , что ваша душа имѣешѣ поже еспество , какое и Богѣ ; другіе думали , яко бы она имѣешѣ свойство высочайшихъ духовѣ ; а многіе метафизики смѣшивали нашу душу сѣ душею міра . Но не простѣе ли сказаць , что челоѣкѣ имѣешѣ душу , подобно какѣ Богѣ имѣ-

имѣетъ свой высочайшій разумъ, или какъ роза имѣетъ начало, изъ котораго она возрастаетъ?

Можно ли больше понимать о рожденіи душъ, какъ и о ихъ существѣ?

Тертуліанъ производитъ наши души по прямой линіи отъ Адама; также и изобрѣтатель монаховъ своими доказательствами утверждаетъ мысль о семъ древъ произхожденія: но сіе мнѣніе не простирается ли только до такой степени правдоподобія, какое Лютеранскаго закона богословы принимаютъ за догматъ ихъ вѣры, что душа рождается отъ души?

Ежели душа не существуетъ въ такъ называемомъ сѣмьеникѣ прежде своего опшуду изхожденія, то можно ли понять дѣйствіе соединенія шѣла съ душою? Должно ли полагать, что есть спранспвующія души по нѣкопору протспраншву, которыми одушевляющя шѣла?

Духъ будучи въ семъ сѣмьеникѣ имѣлъ ли внутреннее понятіе о своемъ бытіи?

Для чего духъ не можетъ представить себѣ происхожденія своего понятія съ того времени, какъ онъ находился въ семъ сѣмьеникѣ, даже до того, когда онъ началъ чувствоватъ и на послѣдокъ когда онъ началъ разсуждатъ?

Какъ челоѣкъ переходитъ изъ состоянiя, въ которомъ имѣешь только способность чувствовашь, и мыслишь въ то состоянiе, въ коемъ свободно чувствуешь и мыслишь?

По какому особливому Механизму (составу) существо безъ простиженiя можетъ быть соединено съ существомъ имѣющимъ простиженiе?

Какое есть свойство дѣйствiя души надъ тѣломъ? Мы довольно чувствуемъ, что есть въ челоѣкѣ существо дѣйствующее, но какъ сіе дѣйствующее дѣйствуетъ? Наши высокопарныя умозрѣнiя не всегда ли занимающа испытанiемъ дѣйствiя не постигая причинъ?

Почему душевныя способности, которыя не сотворены изъ вещества, возрастаютъ по мѣрѣ чувствъ тѣлесныхъ, которыя не суть духъ?

Какъ душа дѣйствуетъ во внутренности челоѣка, и какое бываетъ отраженiе матерiи на духъ? Что значитъ движенiе, души нашей когда оно существо безъ простиженiя?

Согласно ли съ здравымъ разсудкомъ сказать, что такiя-то качества необходимо принадлежатъ къ духу, потому, что ихъ не можно относить къ свойствамъ вещества?

Разсуждая такимъ образомъ о матеріи, имѣемъ ли мы ясное понятіе о ея свойствахъ? Что значимъ пропяхеніе? Когда древность опредѣляетъ ее сими словами: части въ частей (partes extra partes) говоря, что пропяхеніе есть пропяхеніе, то сіе показываешь ли опмѣнно просвѣщенный ихъ разумъ?

Есть ли какое таинственное отношеніе между дѣйствіями души и дѣйствіемъ вещества? Ежели оно существуетъ; то можешь ли Материальной циркуль измѣришь оно?

Какое естество живыхъ оныхъ духовъ, которыхъ нѣла не можно расмотрѣшь самими исправнѣйшими нашими микроскопами: мы посредствомъ движенія оныхъ усмаприваемъ, что оно имѣетъ великое сходство съ Электрическою жидкостію, въ которой есть много силы къ возмущенію способностей нашей души. Сія особенная матерія, больше ли намъ извѣстна, какъ и тончайшая матерія, или матерія *слепая*?

Могущъ ли какіе нибудь Психологи вообразить себѣ нѣкоторое въ движеніи жилкъ соспавленіе, согласующееся съ пятью чувствами, которыхъ раздѣляются по волѣ души; какъ семь солнечныхъ цвѣтовъ по словамъ Невтона.

Кто можетъ мнѣ исполковать, для чего мои чувства меньше меня обманываютъ, нежели мой разумъ? Я розу не принимаю за алмазъ; но всякой день малыя причины признаю за великія: а по сему мнѣ кажется, что больше находится истинны въ самихъ предметахъ, нежели въ моемъ разумѣ, который ихъ сравниваетъ.

Какое сходство между понятіями, которыя душа моя заимствуетъ отъ чувствъ, и между понятіями, которыя отъ другаго начала происходятъ? Для чего механизмъ каждаго чувства не имѣетъ особенныхъ правилъ? Мы видимъ безконечную разность между благовоиємъ розы и блестящими въ призмѣ Невпоновой цвѣтами; однако моя душа можетъ вдругъ наслаждаться обоими сими чувствами; она соединяетъ два сіи чувства неразрывно.

Какъ дѣйствуетъ солнечный свѣтъ на сѣточку (retina) глаза? Какимъ образомъ сѣточка движетъ Оптическую (зрительную) жилку, и какъ зрительная жилка трогаетъ душу?

Находятся ли органическія часпицы? И ежели онѣ находятся; то какую власть имѣетъ душа надъ сими чувствительными атомами?

Возможно ли въришь, чшобы воля и разумъ были двѣ сходственныя способности, и ихъ дѣйствія между собою подобны?

Гдѣ шѣ предѣлы, которые различающѣ въ человѣкѣ свободное и несвободное дѣйствіе?

Я свободенъ: но для чего мои глаза повинуются моей волѣ, а кровь не повинуется?

Мысль Локкова, что *необходимость искать своего благополучія есть основаніе свободы*, не можетъ ли быть новою для всякаго человѣка?

Сказываютъ, что понятіе есть орудіе душевное; но можно ли имѣть ясное понятіе объ орудіи, когда оно не имѣетъ существа?

Движеніе одной органической жилочки раждаетъ понятіе: но что значитъ органическая жилочка? Не составлена ли она изъ другихъ жилочекъ до безконечности раздѣляющихся? Или не сотворена ли она изъ спихійной часпицы?

Можемъ ли мы имѣть ясное понятіе о управленіяхъ души? Понимаемъ ли мы, какъ она дѣлается красною при взглядѣ на алой цвѣшъ, и какъ содрогается мускулъ, когда допрогивается до него какое нибудь благовоніе?

Гдѣ жилище души спрашиваютъ у философовъ? Не сердце ли? Не средоточіе ли овальное (мѣлочной узелъ)? Не должно ли съ Карпезіемъ помѣщать ее въ желѣзѣ пинеальной (in glandula pineali), съ Вилиссомъ въ началѣ медуллы продолговатой, или съ Бѣргавомъ въ мягкомъ существѣ мозга? Но духовный человекъ не равно ли станеть удивляться глупости опившова, какъ и запросова? Для чего скажеть онъ, думаяшъ они, яко бы душа заключена въ шлѣ, подобно какъ существо могущее бытъ содержимо въ сосудѣ. Помѣщать душу въ малѣйшихъ мозговыхъ сосудахъ, есть заблужденіе столь же грубое, какъ и думать, что она обитаетъ въ солидѣ.

✓ Чрезъ Анапомію мнѣ кажется познали мы, что мозгъ есть единое средоточіе, гдѣ усматривается сплетеніе жилокъ чувствительныхъ, или понимающихъ; но чрезъ умозрѣніе о душѣ развѣ больше мы успѣли? Какой философъ можетъ намъ исполковать исторію дѣйствій мыслящаго начала, которое въ немъ находится; а хотя бы онъ и былъ въ состояніи сіе сдѣлать, что можеть ли сія Анапомія принаровлена бытъ къ общей Системѣ существъ?

Наше разсужденіе не далѣе простираетсѣ своимъ помятіемъ и о будущемъ состояніи

ніи души, какъ о ея началѣ и существѣ. Ибо намъ говорятъ философы, что она бессмертна; а болѣе ничего. —

Въ изслѣдованіи сихъ задачъ можешь развѣ воспоржествовать *Богословія* и *религія*, а не древняя и новѣйшая философія.

XI.

БИЛЬФЕЛДОВО РАЗСУЖДЕНІЕ

Отщетенныхъ наукахъ и художествахъ.

Когда я разсуждаю о гордыхъ желаніяхъ человѣческаго духа, то часно самъ себя говаривалъ: *смятеніе разсудка, незнаніе и заблужденіе суть общій жребій слабаго человѣческаго ума. Чтوبъ познестись на равную съ Творцемъ пысоту, всякъ желалъ много разумѣть, а я того еще болѣе быть всемогущимъ.*

Въ самомъ дѣлѣ кажется, что сіи два положенія приняты можно за подлинный источникъ всѣхъ химерическихъ познаній и всѣхъ суешныхъ наукъ. Желаніе быти знающимъ во всемъ, или по малой мѣрѣ такимъ казаться, подало поводъ къ *сцерьхъ-естественному таганію сокровенныхъ пещей* и ко всѣмъ другимъ знаніямъ, кошорыя опъ
того

шого происходяшѣ. Желаніежѣ бытъ сильнымъ и спрашнымъ, или по крайней мѣрѣ такимъ казаться, въ самомъ дѣлѣ побудило выдумать сверхъ-естественную Магію, и всѣ соединенныя съ оною суешныя знанія. Такимъ образомъ заславляешѣ насъ думашъ о семъ здравой разумѣ; однако послушаемъ, что намъ говоришѣ о томъ Испорія.

Древніе Азіатскіе народы купно всѣ чувствовали дѣйствіе жара своего климата, особливожѣ Халдеи были величайшіе враги и бѣднѣйшіе. Философы во всемъ извѣстномъ свѣтѣ. Они конечно видѣли, что въ свѣтѣ есть зло, котораго произведенія не хотѣли приписатьъ благому Богу: но того не усмотрѣли, что понятія о добромъ и худомъ, или о благѣ и злѣ суть только отношительныя, то есть, понятія сравненія и противоположенія, какъ на примѣрѣ *пеликъ* и *малъ*, что никакое добро, въ чемъ бы оно ни состояло, бытъ не можешѣ, еслии дѣйствительно не будетѣ противоположеннаго ему зла, что сіе самое слѣдуешѣ изъ естества и существа всѣхъ вещей. По чему выдумали они два начальныя существа, изъ которыхъ одно было началомъ всякаго блага, кое они *Оромацесомъ*, то есть божествомъ или Богомъ назвали; другомужѣ приписали произведеніе всякаго зла, кое они *Ариманиемъ*, то есть злымъ духомъ, или дьяволомъ наименовали.

новали. Но при семъ они не примѣчали что присовокупляя божеству другое кроме его самодѣйствующее и зиждущее существо, они озлобляли оное въ тысящу разъ больше, нежели когда бы вѣрили, что Богъ произвелъ необходимое и не избѣжное зло, но есть, такое худо, котораго понятіе равнымъ образомъ не иноебъ было, какъ шокмо опносительное; хотя и такое мнѣніе было бы весьма неосновательно и величеству Божію оскорбительно.

Но какъ бы то ни было; какъ скоро Ари-маній, или злый духъ былъ найденъ, то по обыкновенію сшараго свѣта, и по свойству горячихъ мѣхъ земель изъ корысполюбія не опустили его сдѣлашь вскорѣ дѣйствующею особою. Такое ученіе пало не на безплодную землю. Всѣ жрецы (исключая прежнихъ Христіанскихъ) во всякое время были горды и корысполюбивы. Они сшарались шолько о шомъ, чтобъ быть въ великомъ почшеніи, присвоишь себѣ чрезвычайную власть и собирашь великія богатства. По чему вѣра въ діаволовъ для *Халдейскихъ* и языческихъ жрецовъ была такъ сказашъ превеликій кладъ, и громада служившая подпорою знашной ихъ власти и скорого возвышенія. Безъ злыхъ духовъ лишились бы они всѣхъ своихъ доходовъ. И такъ для шого не шокмо держались они ревностно сего ученія,

нiя, но и выводили изъ него весьма замысловатыя и полезныя для себя слѣдствiя.

Весь востокъ, потомъ весь западъ, а наконецъ и весь извѣстный свѣтъ исполнился вскорѣ сего ученiя. А какъ тогда думали по земному, и по однимъ только естественнымъ понятiямъ; по разсуждали также, что должно было какъ хорошему, такъ и худому началу, имѣть извѣстное мѣсто и придворный свой шпашъ. По сему одному изъ нихъ назначили небо, которое по ихъ мнѣнiю было надъ нами, и опредѣлили ему небесный придворный шпашъ; а другому опредѣлили адъ, который, какъ думали, былъ внизу подъ нами, и опредѣлили ему адскiй шпашъ. Изъ сего произошли всѣ языческiе боги, полубоги, демоны и духи разнаго рода, различной степени и различнаго состоянiя.

Но того было еще не довольно; сiе самое ученiе оспалось бы весьма безплоднымъ, ежелибъ при томъ не принята была прямая, непосредственная и особенная связь между адскимъ дворомъ и людьми на землѣ живущими. Но какъ ни одинъ изъ смертныхъ посредствомъ своихъ чувствъ не могъ понять сего союза, по сдѣлана изъ того пошленная наука, которая какъ бы по нѣкоему праву до самаго пришествiя *Христова* оставалась
вѣ

въ рукахъ у священниковъ, священницъ, волхвовъ, предсказателей, гадашелей разнаго рода, у жрецовъ при капищахъ и прорицалищахъ у пустынниковъ, ложныхъ пророковъ и у другихъ тому подобныхъ людей. То заподлинно извѣстно, что свѣтъ Евангелія большею часнiю разогналъ сію шемношу; но понеже труднѣе, нежели какъ по думаютъ, сѣмя суевѣрiя изъ человѣческихъ сердецъ испребить съ корнемъ, (хотя имъ представлiяющъ истинну и самымъ яснымъ образомъ, а особливо когда шакому заблужденiю вѣрили ужѣ почти съ начала свѣша); то и нынѣ осшались еще въ насъ нѣкошорыя слѣды сего языческаго суевѣрiя, а особливо бредни послѣдующихъ временъ, кошорыя сумозбродами и обманщиками приведены въ систему наукъ; хотя къ похвалѣ осьмагонадесять вѣка признашья должно, что шолико очищенная Христiанская Богословiя и Философiя, кошорыя со дня на день разпространяющся болѣе, равнымъ образомъ много вспомошествовали къ искорененiю сего вздора, и онѣ нынѣ такъ не въ употребленiи, что ужѣ и единое напоминовенiе мнимыхъ шакихъ наукъ и знанiй производитъ смѣхъ въ разумныхъ людяхъ. Никогда не было бы намъ нужды упоминать здѣсь обѣ оныхъ, и выводитъ ихъ изъ мрака наружу, ешьлибъ сіе не учинено было съ шѣмъ шокмо намѣренiемъ, чтобъ молодымъ нашимъ чишашелямъ

сооб-

сообщить имена и обманы оныхъ. Почему мы и показываемъ одни только преткновения, копорыя человѣческому разуму безъ предводителя пагубны бытъ могутъ.

Такимъ образомъ къ приуготовленію сверхъ естественныхъ наукъ въ свѣтѣ есть еще остатки.

I. *Астрологія*, гадательной науки, копорая учитъ разсуждать о дѣйствіяхъ и силъ звѣздъ, и изъ положенія планетъ, такъ какъ изъ различныхъ ихъ спеченій, предсказывать будущія приключенія. Она раздѣляется на *естественную Астрологію* или *Метеорологію*. то есть, предсказаніе естественныхъ дѣйствій: какъ - то ненастья, или ясной погоды, вѣтровъ, града, снѣга, мороза и бури. Въ семъ состоить часно искусство нашихъ календарьщиковъ, и изъ единого сравненія предсказаній ихъ съ погодою, какая случается ежедневно; разумный человѣкъ можетъ скоро измѣрить точность и цѣну сей Астрологіи. Другая часть оной называется *Астрологія судебная* (*Astrologia iudiciaria*) или просто судебная вымышленная наука, копорая въ тысячу кратъ неосновательнѣе, безумнѣе, и лживѣе, нежели первая; ибо она съ начала была знашною наукою шокмо полковашелей сновъ, а пошомъ сдѣлалась наукою мошенниковъ; ка-
кой

гѢ 2. о Иудейской войнѣ. Чистая Каббала есть ни что иное, какъ Иудейское Акроаматическое богословіе, соснующее въ прямомъ изъясненіи пророческихъ обѣщаній, которое предаваемо было попомству чрезъ изустныя повѣствованія предковъ, и котораго записывать никому не дозволялось.

II. Пророчества изъ созвѣдія или Ороскопія, кошую составляютъ звѣздочеты, основывающіяся на начертаніи или небесной шемѣ, содержащей въ себѣ двенадцать такъ называемыхъ домовъ, въ кошихъ въ данное какое время, какъ на примѣрѣ во время человѣческаго рожденія замѣчаютъ положеніе неба и звѣздъ, для предсказанія по онымъ о его жизни и счастіи. Кратко сказать, Ороскопія есть означеніе положенія звѣздъ и планетъ во время чьего нибудь рожденія. Но какъ между такими созвѣдіями и людьми не можно сыскать не токмо оцупишельнаго, но ниже возможнаго какого нибудь отношенія; по равнымъ образомъ и всѣ начала, полагаемыя за основаніе при выводимыхъ изъ нихъ предсказаніяхъ, суть самопроизвольны, ложны, сумозбродны, смѣха и наказанія достойны.

III. Суешное и опасное искусство *Аугуровъ* у древнихъ Римлянъ соснужало въ примѣчаніи лешанія, крика и клеванія птицъ, особливо освященныхъ.

IV. А искусство *Гаруспиховъ* столь же обманчивое, состояло въ разсмащиваніи внутренностей и кишекъ, приносимыхъ на жертву животныхъ, и все сіе чинено было для предсказанія великихъ приключеній, судьбы республики и добраго, или худаго окончанія какого либо предпріятія.

V. *Аэромантия* есть искусство гадать по воздуху. Она также пусшая наука, которую имѣемъ мы отъ язычниковъ и которую разумъ и Христіанство ошмешаютъ, яко ложную и неосновательную.

VI. *Пиромантия* есть предузнаніе будущаго, взятое изъ наблюденія пламени, когда примѣчаютъ въ которую сторону оно наклоняется; или когда нѣчто сгораемое, или пузырь съ мочею, или другое что нибудь бросаютъ въ оное, и думаютъ, что изъ того вывести можно нѣкое предзнаменованіе.

VII. *Гидромантия* есть предсказаніе будущаго посредствомъ воды. По объявленію *Варроону* изобрѣшена она *Персами*, и потомъ введена *Пифагоромъ* и *Нумою Помпилиемъ*, копорымъ людямъ дивимся мы еще и понынѣ.

VIII. Наконецъ *Геомантия* есть предсказаніе будущаго, помощію прорѣзанныхъ

на землѣ линей, или посредствомъ малыхъ почекъ на бумагѣ, или на другомъ чемъ нечаянно написанныхъ, по кошорымъ, (если сдѣлаются пошомъ изъ нихъ линей, и изъ соединенія линей произойдутъ нечаянно нѣкошорыя фигуры,) также рассуждаютъ о будущемъ: равнымъ образомъ сюда причислишь можно пошъ смѣшной вздоръ, когда предсказываютъ будущее по представляющимся фигурамъ на *кофейной гушѣ*, или гадаютъ по *картамъ* и тысячью другими глупыми способами, и симъ предсказаніямъ вѣряшъ. Легковѣрныежъ люди, или обманцики употребляли во зло и всѣ четыре стихіи для шого шолько, чшобъ обманывать себѣ подобныхъ.

IX. *Хиромантія* естъ искусство угадывать по рукамъ не шолько склонности людей, но и будущую ихъ судьбу. Глупцы, обманцики, или насмѣшники, упражняющіеся въ семъ искусствѣ, полагаютъ, будпо часши руки и различныя оной линей имѣютъ нѣкое взаимное отношеніе ко внутреннимъ частямъ челошѣка, одиѣ изъ нихъ къ сердцу, другія къ легкому, а иныя къ селезенкѣ, и шакъ даље. На сихъ ложныхъ и другихъ безчисленныхъ спольже глупыхъ положеніяхъ основаны начала *Хироманшіи*. Хотя о ней различные авшоры: какъ шо *Робертъ Флудъ* Агличанинъ, *Артемидоръ де ла Шамбръ*, *Іоаниъ*
Аль

Авъ Индагине и многіе другіе писали пространныя разсужденія.

Х. *Физиогномія* учитъ узнавать словеніе, свойство, разумъ и склонности всякаго человѣка по его лицу и наружному виду. Ее считашъ должно спольже суешною наукою, какъ и *Хироманшію* не смотря на то, что *Аристотель* и по немъ много другихъ ученыхъ людей писали о ней особливья сочиненія.

Во вторыхъ, для снисканія большей силы и страшной власпи надъ другими, шакожъ для произведенія чего нибудь чрезъестественнаго изобрѣшены :

1) *Магія*. Имя сей науки съ начала принималось въ хорошемъ разумѣ и о значало искусство посредствомъ нѣкоторыхъ естественныхъ шаинствъ, по крайней мѣрѣ шакихъ, копорья простому народу были непоняшны, производитъ чудныя и удивительныя дѣла. *Маги* были тогда еще чешныя люди, копорые шаинства природы старались испышывать чрезъ правильныя средства, и самую Магію соединяли съ Математикою, съ Медициною и съ Богословіею. Самъ *Моисей*, *Даніиль*, *Аполлонъ Тіаней* и *Елима* сопрошивлявшійся святому Павлу, *Египетскіе* и *Вавилонскіе мудрецы*, *мудрецы съ цостока приходящіе въ Іе-*

русалимъ искашь новорожденного Царя *Иудейскаго* и безчисленные другіе славыя люди въ древности всѣ вообще были *Маги*. Но пошомъ принялись сіи *Маги* за *Аспрологію*, предсказаніе будущаго, волшебство и колдовство. Чрезъ что привели они себя въ ненависть, и ихъ наука пришла въ такое презрѣніе, что наконецъ ихъ дѣла почитали ни за что иное, какъ за ослѣпленіе, плутовство и мщенничество, выдуманная для обмана шокмо зрителей. Нынѣ сія наука почитается спольже мало значущею, не смотря на важное различіе, какое дѣлающъ между *естественною* и *сперъхвестественною* *Магіею*, и не взирая на всѣ вышедшія прежде, или выходящія еще и по нынѣ подъ заглавіемъ *натуральныхъ Магіи* книги, содержащія въ себѣ обыкновенныя и бкія мнимыя тайности, которыя навсегда останутся достойными презрѣнія; пошому что рѣдко случается, чшобъ самымъ опытомъ доказать было можно истинну и сущность оныхъ; по крайней мѣрѣ сочинители ихъ не должныбъ издавать ихъ подъ споль хвасшливою, ненавистною и смѣшною надписью.

2.) *Некромантія*; или *чернокнижіе* посмѣянїя достойная и химерическая вещь, не былабъ проклятою наукою, естлибъ она существовала въ самомъ дѣлѣ. Думающъ, что чрезъ оную можно имѣть сообщеніе съ злыми

духами, вызывать мертвых и их спрашивать, и безчисленные другія и ужасныя дѣла производишь помощію діавола и волшебства. Но сія наука Мерлиновъ и Фаустовъ ни къ чему болѣе не служитъ нынѣ, какъ только для театровъ и пусныхъ романовъ.

3.) *Волшебство* есть искусство, которое для произведенія чудныхъ дѣлъ заимствуетъ помощь отъ демоновъ, ибо посредствомъ сего искусства вызываютъ злыхъ духовъ въ темномъ какомъ нибудь мѣстѣ, (или во время ночнаго мрака, или въ сходбищѣ колдуновъ и колдуньевъ,) *субботою* называемомъ. Можно бы написать много книгъ, если бы рассказывать, коликъ сіе Химерическое и смѣшное искусство обладало сердцами слабыхъ людей вездѣ и во всякое время отъ начала свѣта до минувшаго предъ нашимъ сполнненіемъ; коликъ легкомысленный народъ вѣрилъ тому; коликъ духовные, статскіе, правители и власти способствовали къ приращенію онаго; съ коликимъ стараніемъ упражнялись въ немъ, и наконецъ сколь много употребляли его во зло къ произведенію безчестія, звѣрства и гнуснаго насильства. Сіи люди совсѣмъ не были колдуны, но имѣли только злость оныхъ. Нынѣжъ когда Философія изгнала колдовство, и когда мудрые законодатели оставили всѣ суды объ ономъ и духовнымъ запретили заклинашь діаволовъ: то нынѣ уже

ни дьяволовъ, ни дьявольскаго навожденія, ни колдуновъ, ни колдуньесвъ, ни заклинаній, ниже саббатъ.

4.) Жаль, что *Алхимія* по сіе время не подвержена такому жъ жребію: хотя она отъ правительствъ равную спротивъ, а отъ просвѣщенныхъ умовъ заслуживаетъ равное презрѣніе. Еслибъ *Алхимія* была не иное что какъ искусство распускать всякія естественныя шѣла и приводить ихъ обратно въ шу материю, изъ которой они произведены, и полезные составы каждого смѣшенія отдѣлять отъ безполезныхъ; то почтилибъ мы ее за достойное искусство, и ничегобъ не сказали въ ея предосужденіе: но такой знашій предметъ свойственъ *Химіи*; и должно остерегаться, чтобъ вещей, искусствъ и наукъ не смѣшивалъ между собою. Люди еще древле примѣнили, что посредствомъ золота производить можно величайшія дѣла въ свѣтѣ, и еслилибъ они знали Юпитерово искусство производить золотые дожди; то для полученія желаемаго не щадилибъ величайшихъ предпріятій, и чегобъ то ни стоило подрались бы до заключенной Данаи. Для снисканія золота, не спараются они какъ новые Прометей похищаютъ огня съ неба къ произведенію всякаго вещества сколько нужнаго; но довольствуются огнемъ угольникомъ, который они разводять и раздувають до тѣхъ поръ,

пока настоящее золото, которое дало имъ счастье, или труды ихъ предковъ имъ опасивали, съ дымомъ все чрезъ трубу вылетипшъ. Пяштысячилѣтній неудачный опытъ еще не могъ вылѣчить опъ сего сумашествія; и что того чуднѣе, что нѣкоторые мнимые Философы сему дурачеству придаюшъ еще уваженіе, утверждая безъ всякаго разсудка возможность дѣлать золото. Но еслыбъ сіе дѣло было и возможное; да положимъ, что сія тайна дѣйствительно изобрѣшена; однакожъ ни одинъ добрый гражданинъ не долженъ того сказывать; ибо всегда еще опасенся съ одной стороны маловѣроятности къ открытію оной, а съ другой опасное разореніе великаго числа людей, и суцая безпольность. Ибо я не знаю ни одной вещи, ни одного мешалла, который бы для человѣческаго общесства, взявъ его вообще, былъ споль безпользенъ, какъ золото. И меня приводипшъ въ несказанное удивленіе то, что нѣкоторый славный писатель, котораго впрочемъ я много почитаю, въ своихъ *письмахъ о наукахъ* сказалъ особенно о философскомъ камнѣ, что въ блестящей наружности нѣпшъ ничего несправедливѣе сего моего заключенія: 1) потому что всякая матерія естъ одинакаго рода; или 2) что всѣ части матеріи приведены бышъ могушъ въ известное число родовъ, которые соспавляюшъ ешихи всѣхъ тѣлъ; или 3) что всѣ части

самой матеріи суть спольже равнообразны; какъ и различны всѣ шѣла въ нашурѣ: но по всему сему ничего еще сказать не можно о произведеніи и рожденіи сложныхъ шѣлъ; и выводимыя имѣ изъ сего заключенія, спольже удобно служить могутъ къ произведенію растѣній, деревъ, звѣрей, карешныхъ лошадей и прочаго. Основаніе сего заключенія взято изъ Физической системы, принаровленной къ естествовѣстной исторіи, по которой полагаютъ, что камни и минералы родятся же по правильному и всѣмъ другимъ видимымъ существамъ общему произведенію; сія Система, о которой я уже нѣгдѣ предлагалъ свои мысли, мнѣ совсѣмъ не понятна. Словомъ сказать Алхимія въ моихъ глазахъ споль ни къ чему годное искусство, что я не могу себя принудить, чтобы говорить объ ней болѣе.

Я предвижу напередъ, сколь сильно за сіе на меня вооружатся; но чтобы избѣжать такой безплодной крики, то прошу господъ испытателей естества рѣшить мнѣ слѣдующіе вопросы.

- 1.) Какъ можно сдѣлать золото прежде, нежели серебро, мѣдь, желѣзо, свинецъ, камни, раковины и шому подобное?
- 2.) Скажите мнѣ способъ произведеяія, когда что нибудь сдѣлать, или сотворить захочешь?

- 3.) Точно ли вы понимаете, что въ естествомъ можешъ быть двойное рожденіе и два различные способа произведенія вещей, и для чего?
- 4.) Ежели есть два способа произведенія вещей, то для чего ихъ не больше, для чего ихъ не три, четыре, пять, шесть и такъ далѣе?
- 5.) Для чего опмешаете вы двузнаменательное рожденіе, какъ невозможное нѣчто и глупое?
- 6.) Ежели камни и металлы родятся различнымъ образомъ, то для чего не утверждаемъ сего и о несѣкомыхъ, и для чего изъ опилокъ смоченныхъ уриною не родятся блохи?
- 7.) Не столько лижъ труда потребно къ сотворенію камня и крупинки золоша: сколько къ произведенію блохи? Не столько же ли велико искусство произвесши блоху какъ и слона?
- 8.) Сотвореніе неодушевленнаго, или что такимъ вамъ кажется, не столько же ли трудно, какъ и произведеніе одушевленнаго?
- 9.) Великое и малое, неизмѣримое и непримѣнное въ Физикѣ не всели одно? Труднѣе ли произвесши единорога, нежели сырнаго червя.

(до.) Ежели вы можете сдѣлать золото; (что значить поже что созидать, или по крайней мѣрѣ существо стихіи, или матеріи превращать въ другое;) то и не должны вы болѣе дивиться всѣмъ тѣмъ чудесамъ, какія Египетскіе волхвы въ присутствіи Моисея дѣлали предъ Царемъ Фараономъ.

5.) *Всеобщее прачепаніе, распускаемое для питья золото, шакъ* называемыя *клинъта эссенція* и *всеобщее* или *Универсальное лекарство* принадлежатъ шакже къ Химерамъ, какъ неразлучнымъ спутникамъ Философскаго камня, опкрытіе коихъ спольже какъ и его невозможно. Великимъ уничтоженіемъ для человѣческаго разума послужить должно что споль многіе люди, копорые однакожъ не заключены были еще въ домахъ сумозбродовъ, спараются о шакомъ испытаніи, и что видимъ мы шоль много обманщиковъ, шашающихся по всему свѣту, копорые хотяшъ насъ увѣришь будпо бы они въ самомъ дѣлѣ опкрыли шакія сокровенности; чему многіе изъ слабыхъ людей и вѣряшъ слѣпо. Кто можешъ предписать прѣвила къ шакому изысканію? Кто можешъ дать дозволенное понятіе о шакомъ искусствѣ? О суешные люди! о глупые смершныя! вы хотите исцѣлишь сполько шыхъ золъ однимъ шолько лекарствомъ! вы

ду-

думаете превратить порядокъ естества и судьбы провидѣнія! вы хотите сдѣлать непреставающее чудо, когда беретесь продолжать естественное пребываніе вещей и жизнь человѣческую, и думаете, что я соглашусь на такія химеры!

6.) Когда люди примѣтили, что они подобныхъ себѣ не могли уже обманывать волшебствомъ, колдовствомъ, чернокнижіемъ, Алхіміею и поему подобнымъ: то старались они ихъ убѣдить, что по крайней мѣрѣ помощію *симпатіи* производить можно великія дѣла; по чему и сдѣлали они изъ нея весьма сокровенное искусство. Показавшееся въ семъ искусствѣ иѣчто чудное, что обыкновенно всякаго привлекаетъ, съ начала много способствовало къ его приращенію, да и теперь еще простолюдиномъ заславляетъ почитанію оное. Правда, мы видимъ въ природѣ много такихъ дѣйствій, коихъ настоящей причины изыскать не можемъ и самый проникательнѣйшій Физикъ. Всѣ такія вещи заключили въ царство симпатіи; и враги и побродяги одерживали верхъ, какъ скоро замолчала Физика и признала свое незнаніе. Почему и выдумали они симпатическія лекарства, пользованія симпатическихъ ранъ, симпатической порошокъ и поему подобный вздоръ. Они въ великомъ разстояніи наводили сонъ на лошадей и людей,

заговаривали ружья на охонѣ, производили судороги, обмороки и премногое тому подобное. Исчисляя сіе, наконецъ принуждены мы хотя однажды объявить рѣшительное свое мнѣніе не принимая ничего излишняго. Смертные! будьте увѣрены, что въ свѣтѣ нѣшѣ ни одной симпатіи въ такомъ разумѣніи, въ какомъ ее берущъ побродяги; что ни одно шло, какого бы то собѣснѣва ни было, въ столь великомъ разстояніи въ другомъ шло нѣ никакого, не можешъ производить дѣйствія; что все его отношеніе воздухомъ и другими между положенными шлами прерывается, и что невозможно сего, ни на какомъ изъ извѣстныхъ смертнымъ началъ неоснованнаго вздора, приведши въ систему, или сдѣлаешь изъ него какую либо науку. Слѣдовательно все, что шеперь *Дигби* или *Дайби* и шоль многіе другіе прежде и послѣ его ни писали о сей машеріи, относите къ роду суешныхъ вещей.

По моему мнѣнію уголовные суды должны употребить всю свою строгость противъ книгъ писанныхъ о суешныхъ и вредныхъ наукахъ; ибо шакія книги ни къ чему другому не служатъ, какъ шолко къ напомянію головы вздоромъ, или къ ошелеченію отъ труда и чшенія полезныхъ книгъ, или къ вреднымъ опытамъ и изысканіямъ. Всѣ книги, шоторыя содержатъ въ себѣ хулы на Бога, по-

поносныя примѣчанія противъ величества Божія, ученія и мнѣнія, нагушающія благоуспройства въ обществѣ, ненавистныя разсужденія о правительствѣ, поносительныя и ругательныя сочиненія и другія шому подобныя, достойны шого, чшобъ ихъ сжечь. Есть въ свѣшѣ нѣкоторыя полезныя и почшенія достойныя предразсужденія, которыхъ честный человекъ и добродѣшельный гражданинъ никогда публично оуждашь не долженъ. Дерзновенный онаго преступникъ заслуживаетъ спрожайшее наказаніе. Но чшобъ шакое правительство съ бѣднымъ Философомъ, который въ изысканіи истины заблуждаетъ, захошѣло споль же спрого поступишь, какъ прежде поступало съ бѣдными колдунами и какъ съ Галилеемъ поступишь оно хошѣло; сіе было бы не шокмо величайшее, но и смѣшное неправосудіе. Такой поступокъ походилъ бы на слѣдующій гласъ къ народу: граждане! вотъ философская книга, кошорой сочинитель споль правиленъ въ своихъ заключеніяхъ, чшо никто опровергнуть его не можетъ; но она споль же опасна, чшо мы не должны открышь вамъ содержащейся въ ней истины, кошорая вамъ весьма вредною бышь можетъ. Ну палачь! (какое слово въ ученой республикѣ!) ступай къ швоему дѣлу! чрезмѣрная строгость къ философическимъ погрѣшностямъ, приращенію человѣческаго ума приноситъ больше вреда, нежели о шомъ думаютъ:

ибо она скорѣе всего испребляетъ его волюность. Есть въ свѣтѣ законъ, который въ семъ случаѣ произвелъ весьма много вреда. Я поберегусь его наименовать ; однако даю обѣщаніе въ томъ, что всегда буду говорить о книгѣ, какоюбъ она въ себѣ матерію ни заключала, которой сочинитель (какъ скоро сочинитель оныя) рожденъ и воспитанъ былъ въ семъ законѣ, что въ ней всегда найдешь слѣдъ или принужденія и страха, или выросшихъ съ юностію предубѣжденій.

XII.

О КРОКОДИЛАХЪ.

Крокодилъ есть животное живущее обыкновенно и въ водѣ и на сушѣ. Онъ по большей части рождается около рѣки Нила. А нѣкоторые писатели утверждаютъ, что крокодилы находятся и въ другихъ мѣстахъ ; но мы не намѣрены говорить здѣсь о несогласіяхъ писателей. Для сего любопытнымъ предоставлена исторія древностей. Наше намѣреніе сосноитъ болѣе въ томъ, чтобы согласно съ древнѣйшими писателями показавъ звѣря сего рожденіе, природу и дѣйствія, и что, обожая его, разумѣли подъ нимъ Египціане ?

Крокодилъ родится изъ яйца, которое не больше гусиного. Такихъ яицъ, по свидѣтельству древнѣйшаго писателя Эліана, имѣетъ самка, когда кладетъ ихъ для высиживанія, шестьдесятъ, на которыхъ должна она будетъ сидѣть столькоже дней; и послѣ, какъ скоро они будутъ высижены, по въ семъ случаѣ звѣрь сей дѣлаетъ надъ ними не много похожій на орлиный опытъ; т. е. съ прилѣжаніемъ старается узнать, который изъ числа родившихся достоинъ оспаться въ числѣ крокодиловъ; ибо онъ оставляетъ однихъ только тѣхъ, которые уже минушу, какъ скоро родятся, что нибудь изловяшъ, какъ то: ящерицу, змѣйку, или какое нибудь маленькое животное; тѣхъ же, которые или полѣзняшъ, или устрашашъ то учинить, нещадно разтерзавъ поглощаютъ, какъ такихъ, которые по мнѣнію его недостойны быть его дѣтьми. По свидѣтельству тогоже самаго Эліана звѣрь сей можетъ столькоже лѣтъ жить, сколько и человѣкъ, т. е. до шестидесяти и больше. Возрастаетъ онъ вмѣстѣ съ лѣшами; величина его простираетъ можетъ до дванцапи шести лакшей, а иногда и до ста фушовъ; пакъ что, какъ о семъ упоминаетъ Аристоель, чѣмъ болѣе живетъ, тѣмъ болѣе растетъ и увеличивается. Онъ имѣетъ, по свидѣтельству Эліанаже, шестьдесятъ позвонковъ, (vertebra,) которые связаны и совокуплены шолкимъ же чи-

сломя жилъ ; жабры ихъ вооружены шестидесятью зубами , и шолкоежь число дней они ежегодно безъ всякой пищи и безъ выходу въ конурахъ своихъ пролеживаютъ . Крокодилъ никого сколько не боится какъ человека , котораго не только голосъ , но и шорохъ приводитъ его въ пренетъ , и онъ ни ошъ кого такъ не убѣгаетъ , какъ ошъ человека смѣло и опважно на него успремляющагося : но напрошивъ того врожденный страхъ его уже исчезаетъ когда встрѣчается съ нимъ шрусъ ; котораго робость и бѣгство ободряетъ его , и онъ не преспаетъ за нимъ гнашься до шѣхъ поръ , пока поймавъ его не разшерзаетъ . Посему то у Миссическихъ Богослововъ и разумѣешь подъ именемъ крокодила возбудишель спрасшей и пушеводишель ко всѣмъ беззаконіямъ нечисный духъ , о которомъ Апостоль Іаковъ говоритъ сими словами : *протипитесь диаволу , и вѣжитъ пасъ* . И отсюду - то написалъ Ревнеръ прекраснѣйшую сію эмблему :

*Ужасный крокодилъ гонящихся страшится ,
Но завѣгущими онъ смѣло въ слѣдъ стремитъ :
Такъ дрепный онъ змій , противный невесамъ ,
Гонящихся вѣжитъ , вѣгущихъ гонитъ самъ .*

Когдаже бываетъ отъ крокодила тако-го шруса шѣло сѣдено , въ шѣ поры плачетъ онъ надъ главою его , ошъ которыхъ слезъ распадается черепъ ; а сіе для того , дабы

и мозгу въ ономъ не оставишь. Откуда и вошли у всѣхъ народовъ въ пословицу *слезы крокодилоны* на пѣхъ, копорые припворяющя сострадающими чьемулибо несчастію, будучи сами виновниками онаго, или копорые синарающя всякимъ образомъ причинишь несчастіе. Звѣрь сей когда получитъ хорошую и жирную для себя добычу, то нажравшись оной весьма крѣпко засыпаетъ, и когда во время сна разишетъ пасты свою: то пщичка великая пріятельница сего чудовища, называемая *Трохиломъ* влѣпаетъ ему въ зѣвъ и увязнувшіе въ зубахъ куски мяса, такъ какъ и зародившихся отъ оспашковъ онаго червей искусно и усердно вычищаетъ; также какъ скоро увидишь во время его сна приближающагося къ нему *Ихнепмона*, непримиримаго и смертельнаго врага крокодилу, поднимаетъ вдругъ великій крикъ и начинаетъ шрепешать и бить во ршу крыльями; звѣрокъ же сей когда успѣваетъ вскочить крокодилу въ зѣвъ, то скоропоспѣживъ самой стрѣлы бросается ему въ горло, чрезъ копорое вбѣжавъ въ брюхо, прогрызываетъ оное, и выходитъ самъ въ ту же прогрызенную имъ дыру. Ибо при всемъ томъ, хоши крокодилъ имѣетъ весьма жесткую и покрытую непроницаемою никакимъ оружіемъ чешуею кожу, кожа при брюхѣ его весьма тонка и мягка, почему и Дельфины, копорые также враги его, кость-

ми своими, копорыми у нихъ спина подобно пилѣ вооружена, мѣсто сіе у него удобно пропоровѣ, умерщвляющѣ. Также и шигрѣ съ шюже хипростію всупаешѣ съ нимѣ въ сраженіе, во время копораго всемѣрно стараешся доскочитѣ до шого мягкаго мѣста, копорое въ мигѣ раздираешѣ своими преоспрыми кохшми, и такимѣ образомѣ одерживаешѣ надѣ нимѣ побѣду. Сія мягкая на брюхѣ крокодиловомѣ кожа причиною шому, что онѣ съ векикимѣ шрудомѣ, болью и опасностію осмѣливается переходитѣ покрывшя крупнымѣ пескомѣ и оспрыми каменьями мѣста; ибо имѣя увѣсисное брюхо и корошкія ноги всемѣ шѣломѣ долженѣ лежашѣ на земли и шашшсья по оной ползая по подобію зміи, ешшли куда хочешѣ ишши. Откуда и называютѣ его нѣкопорые *τὰς κρούκας θεῖ λευ*, по шой причинѣ, что онѣ боишся каменисныхѣ песковѣ и приморскихѣ камней. Звѣрѣ сей для всего рода живопныхѣ ешть весьма опасенѣ и вреденѣ; угрызенія причиненаго зубами его не лзя ничѣмѣ излечитѣ, царапанье ногшми его заразительное, и ударѣ хвоста смертоносенѣ; ибо въ немѣ онѣ имѣешѣ шакую великую силу и шакую ужасную стремительность, что лошадь, вола, верблюда и подобныхѣ, однимѣ ударомѣ переломивѣ имѣ ноги, повергаетѣ замертво; по чему и называется отѣ нѣкопорыхѣ *Уромастикомѣ* ш. е. *ждостовойцемѣ*. Опреѣленное

ошѣ

опѣ Династовѣ Мемфиса, оной древней про-
спраннѣйшей Египетской столицы, нынѣ опѣ
варваровѣ называемой Алкаиромѣ, награж-
деніе изѣ казны государевой, состоящее
вѣ десяти червонныхѣ, шому, кто пой-
маемѣ, или убьешѣ крокодила и представитѣ
его вѣ городѣ, заставило жителей тамошнихѣ
выдумашѣ для уловленія ихѣ слѣдующее сред-
ство. Сыскавѣ на песокѣ слѣды крокодила спе-
регущѣ его около оныхѣ, (ибо крокодилѣ все-
гда возвращается изѣ пути своего шѣмже
слѣдомѣ, копорый идучи шуда онѣ проло-
жилѣ) между шѣмѣ покуда онѣ ходитѣ,
спарающа какѣ можно скорѣе вырышѣ на
шѣхѣ слѣдахѣ глубокую яму, копорую по-
крывѣ слегка тонкимѣ хворостомѣ, или про-
стникомѣ прикрывающѣ немного землею, и
симѣ способомѣ на возвращномѣ его пути
улавляющѣ; ибо онѣ проломивѣ хворостины
падаетѣ вѣ вырышый ровѣ, и шогда-шо
удобно его умерщвляющѣ. Таковое истребле-
ніе сего страшнаго звѣря не маловажно какѣ
для нихѣ, такѣ и для всѣхѣ окрестныхѣ
жителей вѣ разсужденіи величайшихѣ опу-
стошеній ихѣ спадѣ и страха наносимаго
имѣ опѣ сего чудовища.

Есть еще и другой способѣ выдуманный
на истребленіе сего звѣря опѣ Аполлонополи-
танскихѣ жителей, копорые почиая сей
родѣ звѣрей расплодившимся опѣ Тифона быв-

шаго гонителемъ праведнѣйшаго ихъ госуда-
ря Озирида, и превращеннаго за то, по ихъ
миѣнію, въ крокодила, не только смерт-
но онаго не навидяшъ, но естѣли и убьюшъ,
то не осщавляютъ безъ сѣденія. Они рав-
но какъ и Индѣйцы, живущіе въ провинціи
Флоридѣ, вооружаются слѣдующимъ образомъ:
Собравшись нѣсколько человекъ ходяшъ вездѣ
и ищущъ его, сыскавъ же спараются раз-
дразнишь, и какъ онъ будучи разъяренъ
успремишся на пожраніе одного изъ нихъ,
въ то время, схватясь человекъ восемь, или
десять, за большую заостренную сваю, на-
правляютъ оную ему прямо въ горло, и та-
кимъ образомъ пробивъ оное, умерщвляютъ.
Народы живущіе около города Элефаншины
равно суть непримиримые гонители сего звѣ-
ря. Они его также какъ и Флоридскіе Индѣй-
цы не только убивающъ, но и пожирающъ.

Нѣкоторые народы, а особливо живущіе
около Оивъ и Меридова озера, имѣютъ къ
звѣрю сему почти неимовѣрное уваженіе и
высокопочишаніе; словомъ, они его богошво-
рятъ. Они спараются крокодиловъ при-
кармливать и сдѣлашь какъ бы дворовыми
скошами, что учинивъ, привѣшиваютъ къ
ушамъ ихъ серги изъ самыхъ драгоцѣннѣй-
шихъ камнейвъ, спускаютъ переднія ихъ
лапы золотою цепью, кормяшъ ихъ самыми
лучшими и вкуснѣйшими кушаньями, ходяшъ

за ними кучами въ слѣдѣ, какъ бы за шакими живописными, которые разумнымъ своимъ поведеніемъ того заслуживаютъ; и когда они умираютъ, то помазавъ благовоннѣйшими ароматами поспавляютъ шѣла ихъ въ священныхъ гробницахъ. Къ чему иаипаче привязаны, какъ о томъ пишетъ Эліанъ, изъ Египтянъ народъ шакъ называемый *Омбиты*, которые сверхъ того еще за величайшее для себя удовольствіе почитаютъ, естли младенцы ихъ бывають похищаемы отъ крокодиловъ и матери дѣшей шѣхъ чрезвычайно о томъ радуются; ибо онѣ тогда почитаютъ себя счастливейшими предъ прочими, удосвоившись того, что чадородіе ихъ сей богъ почелъ достойною себя жертвою; а сіе потому, что онѣ пожертвухъ отъ сего звѣря почитаютъ блаженными. Не меньшее уваженіе къ звѣрю сему имѣютъ и жители Индѣйскаго города Пегу, вокругъ котораго живетъ великое множество крокодиловъ въ озерныхъ пещерахъ, которые одни почши и наполняютъ всю окрестность сего города. Сии жители воду шѣхъ озеръ пьютъ не инако, какъ ради одного освященія себя и благочестія. Не лзя безъ удивленія видѣть, коль великое почтеніе имѣютъ они къ симъ звѣрямъ; оно простирается до того, что естли кто изъ нихъ отъ шѣхъ чудовищъ будетъ пожертвъ, или умерщвленъ: то думаютъ,

что душа того челоѣка приходитъ прямо къ великому Богу.

Причины богошворенія сихъ вредныхъ и пагубныхъ для челоѣка животныхъ Иродотъ не хотѣлъ объявить, опасаясь, чтобъ не учинилъ пресупленія, естли онъ ошкроетъ таинства богослуженія и священныхъ Египетскихъ обрядовъ. Но Діодоръ будучи Греко - Латинскій писатель, который и опечесшвенное суевѣріе Римлянъ всегдашнимъ хуленіемъ во многмъ исправилъ, не убоился ошкрыть и сихъ таинствъ говоря: „для чего „удивляюся многіе изъ Грековъ, что кро- „кодилы въ Египтѣ почишаются за боговъ, „когда оныя впрочемъ не меньше какъ и са- „мый Нилъ доставляютъ опечесшву ихъ без- „опасности и благосостоянія; ибо крокодилы „живущіе въ Нилѣ служатъ страхомъ для Ара- „війскихъ и Ливійскихъ разбойниковъ. Они „суть почные оберегатели и защитники Еги- „петскаго государства прошиву нападенія „тѣхъ спрашныхъ народовъ. „Но въкоторыя писатели упоминаютъ еще и о другихъ при- „чинахъ, по которымъ почишаютъ Египтяне сего звѣря; они говорятъ: „что когда одинъ „изъ царей ихъ, по имени Мина, былъ пре- „слѣдуемъ отъ своихъ собственныхъ собакъ „устремляющихся разшерзашъ его, то онъ „въ бѣгствѣ своемъ отъ нихъ бросился въ „Меридово озеро, гдѣ и былъ спасенъ отъ „кро-

„ крокодила , который на спиивъ своей перенесъ
 „ его на другую сторону озера , и шакъ вы-
 „ садилъ его на берегъ. За что сей государь
 „ желая возблагодарить сему живошному , со-
 „ здавъ возлѣ того озера городъ , назвалъ
 „ его *Крокодилополемъ* , и повелѣлъ населен-
 „ ному въ ономъ народу крокодиловъ почи-
 „ шась за боговъ , и всѣ доходы , какіе поль-
 „ ко можно было получашь отъ того озера ,
 „ опредѣлилъ на пищу Крокодиламъ. По-
 „ тому - то всегда Египтяне всѣмъ шѣмъ
 „ живошнымъ , кошорыхъ они богошворяшъ ,
 „ удѣляющъ по часницѣ земли , смотря при-
 „ шомъ , чшобы ея доспавало на пропитаніе
 „ и содержаніе ихъ.

Приводяшъ еще другую причину , для
 кошорой Египтяне обожаютъ сихъ живош-
 ныхъ ; ибо когда въ первые вѣки отъ соз-
 данія міра люди , провождая дикую жизнь , вели
 между собою ежедневныя брани , и верхъ
 удавалось получашъ всегда сильнѣйшимъ :
 по для сей причины безсильные , будучи
 чрезъ обиды и ушѣненія сильнѣйшихъ ну-
 ждою шому научены , составили войско и
 воздвигнули въ ономъ знакъ , на кошоромъ
 были означены всѣ шѣ живошныя , кошорыя по-
 слѣ и были для сего почитаемы. Къ сему
 знаку собравшись слабощные защищались
 прошиву нападенія сильныхъ , и шому жи-
 вошному , кошорое служило къ спасенію ихъ ,

они воздавали великую, превратившуюся на-
конецъ въ божескую, честь.

За сіе признаны Египтяне за благодар-
нѣйшихъ, паче прочихъ народовъ, къ своимъ
благодѣтелямъ: да и въ самомъ дѣлѣ они
почитающъ за величайшее въ свѣтѣ для
человѣка пособіе, естли онѣ сохраняешъ и
воздаешъ должную благодарность своему
благодѣшителю. Ибо нѣтъ другаго удобнѣй-
шаго средства, говоряшъ они, къ побужденію
людей оказывать другимъ благодѣнія, какъ
естли они будутъ увѣрены, что благодѣ-
ренія ихъ не вошце изливаются.

Но кто знаешъ? Моженъ бытъ Египтяне
находя удовольствіе въ ошвлеченнѣйшемъ
какомъ нибудь родѣ мудрствованія подразу-
мѣвали, чрезъ символъ крокодила, великаго и
всеблагаго Бога; понеже ни одно животное,
какъ о томъ выше упомянуто, родясь шакъ
малымъ какъ крокодилъ, не возрасшаешъ до
такой ужасной величины, до какой доходитъ
онѣ. А когда шакъ, шо кто не узнаешъ,
что сіе, по ихъ мнѣнію, сходно съ великимъ
Богомъ, который естъ великій оный и
исшиный Эфіалъ всегда возрасшающій и
со дня на день увеличивающійся. Однако
должно здѣсь разумѣть, что сіе бынаешъ
съ нимъ не въ немъ, ибо онѣ естъ без-
начальный, неизмѣримый, безконечный и ша-
кой,

кой, который не можетъ имѣть никакого приращенія, ниже можетъ быть подверженъ какомулибо уменьшенію; увеличивается же онъ въ душахъ человѣческихъ въ отношеніи почипанія и богослуженія. Ибо еслии обратимъ мы глаза свои къ первоначальному вѣку міра сего, то безъ сомнѣнія найдемъ, что едва ли хощя одному мужу былъ вѣдомъ Богъ, и первый былъ Энохъ, сынъ Сиеовъ, (какъ о семъ свидѣтельствуетъ священное писаніе,) который началъ призывать имя Господне и который первый явно слѣдовалъ истинному богослуженію, проповѣдуя явно и свято истое богопочипаніе. Послѣ сего также не больше какъ одной, и по самой малой, спранѣ знаемъ былъ Богъ; *пѣдомъ* ш. е. *былъ только онъ по Іудеи*, (*) какъ о семъ поетъ царствующій пророкъ. Но скоро послѣ сего и по всѣхъ частямъ сего земнаго шара слава о немъ распространилась, ш. е. *отъ постокъ солнца до запада*, (**) какъ шощѣ же самый говоритъ божественный пѣвецъ, даже что наконецъ и къ самимъ Антиподамъ перешедъ, она слава привела людей къ познанію его, и уже, какъ шощѣ же пророкъ говоритъ, *хпалятъ его пси языцы и похпаляютъ его пси людіе*. (***)

На

(*) Псал. 75. (**) Псал. 112. стл. 1.

(***) Псал. 116. стл. 1.

Но какъ не одному только крокодилу дана стѣ природы шоль чудная и ужасная способность, изъ шоль малаго живошнаго вѣ шoliko огромнаго звѣря возрастающая, съ лѣшами всегда увеличиваться; но есть еще и другіе двое вѣ шомѣ, какъ о семѣ написалъ Эліанъ, ему подобныя, которые ш. е. также могутъ какъ и онѣ изъ самыхъ малыхъ вырастать величайшими; какіе сущъ изъ птицъ, спрусъ, (*Struthio camelus*), а изъ скошовъ, слонѣ: шо вновъ другая бытъ можетъ причина, для кошорой Египтяне почиашутъ крокодила подразумѣвая подѣ онымъ великаго Бога. И какъ одно только сіе животное на земли, (какъ о семѣ ссылаясь на Аристотеля написалъ Плиній) не имѣетъ упошребленія языка; шо пошему можно еще нѣкошорымъ образомъ и симъ достойно изображать нѣкошорый видѣ и начертаніе Бога, кошорый никогда не говоритъ къ намъ по божеству своему, развѣ шайно чрезъ вдохновенія и побужденія. Сіе самое изображали язычники чрезъ спашуи представляющія Агерону, Гарпокраша и Сигаліона, у кошорыхъ изображаемъ былъ указательный палецъ приложенный къ сжатымъ губамъ; ибо ни вѣ чемъ шолько удовольствія не находишѣ Богѣ, какъ вѣ молчаливости, и никого больше не любишѣ, какъ *молчаливыхъ*, признавая ихъ достойными себя, какъ о семѣ написалъ нравшвенный учитель Катонъ.

Спасься можеть, что не по другой какой причинѣ пощадилъ Богъ во время всемірнаго онаго попоа, въ кошоромъ никого изъ рода живошнихъ, ниже пшиць поющихъ не оставилъ въ живыхъ, пощадилъ, говоритъ, однихъ только рыбъ, какъ тварей нѣмыхъ и безгласныхъ и у кошорыхъ молчаливость была краснорѣчивѣе всякаго вишійства. Сіе - по подразумѣвая Давидъ, говоритъ, *тебѣ, о Боже, молчаніе есть похвала* (*) (какъ сіе толкуеть Халдейскій Парафрасъ) тебѣ приличествуеть, тебѣ любезна и тебѣ желательна слава молчанія, попому что истинная Божія похвала и самое его прославленіе не что иное естъ, какъ молчаніе.

Въ заключеніе всего шого, что сказано о крокодилахъ прибавимъ еще здѣсь, что подъ симъ именемъ разумѣеться у Діалектиковъ? Діалектики крокодиломъ и крокодилписомъ называютъ хипросплененныя обоюдныя умствованія, и значитъ шже, что у нѣкошорыхъ грифы или сѣпи въ рѣчахъ, кошорыя Софисшы употребляютъ къ уловленію и запушыванію малосмыслящихъ. Названіе же умозаключенія сего получило начало свое, какъ - то утверждають нѣкошорые, отъ древней басни о *женѣ и крокодилѣ*, кошорую Ангелъ Полиціанъ такъ какъ и Гилбертъ Котнатъ проспранно написали. Содержаніе ея скажемъ мы здѣсь крашко, оно почши такое:

кое:

(*) Псал. 64. ст. 1.

кое: въ одно время, какъ шла по берегу Нила одна женщина, крокодилъ, выскочивъ изъ себя рѣки, вырвалъ у нея изъ рукъ ея сына, обѣщаясь отдать ей тогда, когда она будетъ говорить всегда правду.

Смыслъ сихъ крокодиловыхъ словъ, который у Діалектиковъ называется крокодильтисомъ, мѣшаетъ надежду со страхомъ; и льстивая жена запусываетъ въ сихъ хитро-сплешенныхъ сѣтяхъ. Ибо примѣръ первой жены, наученной отъ отца лжи, доказываетъ сколько всѣ онѣ болтливы и лживы. Симъ заключается сія небезполезная для коотчицы нашихъ повѣсть о крокодилахъ.

ХІІІ.

О Д А.

В р е м я.

Гдѣ пышны оны пирамиды?
 И гдѣ колоссы тѣ споятъ?
 Остались ли хотя ихъ виды?
 Нѣтъ, всѣ повержены лежатъ.
 Гдѣ въ древности гремящи грады?
 Гдѣ Вавилонски верхограды?
 Они преобразились въ прахъ.
 Всѣ зданія огромны, пышны
 Теперь ужъ болѣе неслышны,
 И слава скрылась ихъ въ горахъ.

Воззримъ на тѣ златыя вѣки
 И тѣ тогда блаженны дни,
 Какъ первобытныя чловѣки
 Веселья видѣли одни,
 Когда спокойствіе вкушали
 И бѣдствій никакихъ не знали
 И не страшились ничего;
 Но время все по испребило,
 Злашаго вѣка насъ лишило,
 Лишило смершнаго всего.

Монархи и Цари вселенной
 Во всемъ величествѣ своемъ,
 Законъ дающи непремѣнной
 И власть имѣючи надъ всемъ
 Гордыню супостаповъ сшерши,
 И славу всюду распросшерши
 Гремящъ ли звукомъ дѣлъ поднесъ?
 Умолкла звучная ихъ слава
 И рушилася ша держава,
 Подъ коей былъ земный кругъ весь.

Уже едино досязаетъ
 Къ намъ имя жившихъ тѣхъ Царей
 И только каждый исчисляетъ
 Колико лѣтъ эпохъ сей!
 Тираны горды съ скиптромъ, трономъ
 Давно исчезли съ шумомъ, снономъ

И преврашились въ сонмы водъ.
 Всему послѣдуютъ премѣны:
 Падутъ градовъ обширныхъ стѣны,
 Чшо многой созидалъ народъ.

Се зрю разсыпанную Трою
 И превращенну нынѣ въ прахъ,
 Копора въ древности собою
 Славна была во всѣхъ странахъ:
 Но чшо жъ сіе все разрушаетъ?
 Едино время испребляетъ
 Отъ земли вѣчность у вещей.
 Не только жидки минералы,
 И сами твердые металлы
 Подвержены премѣнѣ сей.

Воззримъ на прежнюю державу,
 Которую имѣлъ Пріамъ,
 Полки, величество, и славу,
 Которою гремѣлъ Пергамъ:
 Какія видимъ шамъ премѣны?
 Разрушены Пергама стѣны:
 Развалины шамъ, дымъ и прахъ.
 Все шо въ ничшо преобразилось
 И красоны всея лишилось.
 Лишь пепельъ зрится на поляхъ.

Едвадь того остатки цѣлы,
 Что древле называли Римъ,
 Который всѣ земли предѣлы
 Оружіемъ достигъ своимъ.
 Типуломъ Цесарскимъ почтенной,
 Давалъ законы всей вселенной
 И налагалъ на всѣхъ яремъ.
 Его могущесивенной власши
 Всего земнаго свѣта части
 Повиновались во всемъ.

Едину только добродѣтель
 Не можешь время испребишь
 Единой ей вещей Содѣтель
 Благоволилъ вѣкъ швердой бытъ,
 Ея ни сильны человеки,
 Ни тысящми грядущи вѣки,
 Не могутъ пронъ поколебать,
 Металлы съ швердосію всею
 Нично, какъ пѣнь и прахъ предъ нею;
 Не могутъ вѣчно пребывать!

Сочинилъ Михайло Деврегорскій.

XIV.

Г И М Н Ъ

Богиня счастья.

Дщерь могущаго все Бѣга,
 Бѣга суца на Олимпѣ,

Предсѣдѣющая съ богами
 Покровительница наша!
 Приди, вселися съ нами,
 Удостой сіе жилище
 Взора швоего, богиня,
 И почши своимъ присушствомъ
 Мѣсто чадъ швоихъ избранныхъ;
 Утверди намъ участь нашу,
 Положи швой жребій дивный,
 Щедрой даръ швоей десницы!
 Все въ рукѣ швоей имѣешь,
 Скиптръ, державу и корону,
 Всѣмъ богамъ швомъ обладаешь,
 Всѣмъ ты счастье даруешь!
 Ты сокровища обѣмлешь
 Спранъ счастливыхъ Аравійскихъ.
 Скиптръ швой всюду досязаетъ,
 Власть швоя повсюду громка!
 Всѣмъ на свѣшѣ мудро правишь,
 Все въ своей содержишь власти,
 Все до запада съ востока
 И отъ сѣвера до юга.
 Такъ швоя велика сила
 Въ счастья, въ бѣдахъ въ напастяхъ
 И во браняхъ и въ совѣсахъ
 Между сильными царями,
 И во жребій вселенной
 И въ судьбинѣ смертныхъ рода!
 Ты народъ свой сохраняешь,
 Какъ пшеницовъ своихъ ихъ грѣбешь
 Крылѣ орли простирая,

Ты ихъ кормишь и пишаешь.
 Благъ подашельница многихъ!
 Утвержденіе языковъ!
 Сиди съ высоты Олимпа,
 Приими здѣсь лавръ и пальмы,
 И чело швое блестяще
 Ты украси славно ими!
 Увѣнчай главу вѣнцами,
 Увѣнчай, богиня наша!
 Въ даръ даровъ швоихъ прецедрыхъ
 На главу швою вѣнчанну
 Вознеси нынѣ приносимы
 Олимпійскія оливы!
 Обладай мѣстами сими,
 Обладай ты ими вѣчно!
 Царства швоего надъ нами
 Прошекушъ всѣ дни безбѣдно
 Въ опасностей, печалей:
 Имя, честь, швоя держава
 Съ именемъ сихъ мѣстъ пребудутъ
 Въ родъ и роды незабвенны!

XV.

РОНДО.

I.

Изъ Экклесіаста.

Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ! шоргуютъ всѣ
 (лукавствомъ,
 Обманы царствуютъ и хитра злость во всемѣ;
 Нѣтъ сердца чистаго, всякъ зараженъ ковар-
 (ствомъ,
 Покрышы маской всѣ. Нѣтъ правды въ мірѣ
 (семѣ!

Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ! другъ друга
 (угиѣшаетъ,
 Несчастія другихъ бываетъ всякъ творцемъ,
 Всякъ ближняго добро лукавствомъ похищаетъ.
 Одни грабители! нѣтъ правды въ мірѣ семѣ.

Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ! прошли златыя
 (вѣки,
 Въ которы каждый былъ несчастному опцемъ,
 Обыкли нынѣ всѣ къ лукавству человекъ,
 Изгнанныя простиша! нѣтъ правды въ мірѣ семѣ.

Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ! ужасная премѣна!
 Всякъ глупымъ чшится того, кто чистъ и
 (простъ во всемѣ,
 Друзьямъ нынѣ отъ друзей готовишься измѣна
 И чшишься за ничто. Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ!
 Нѣтъ

Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ! все въ свѣтѣ
 (семѣ превратно!
 И тѣ, которыхъ власть простерта надо всемѣ,
 Поправѣ святой законѣ, толкуютъ все раз-
 (врашно,
 Такѣ истинну хранятъ! нѣтъ правды въ мірѣ
 (семѣ!

Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ, неправда оби-
 (таешъ,
 Всякъ человекъ есть ложь и въ сердцѣ всякъ сво-
 (емѣ
 Коварствомъ ближнему свѣтъ хитро соплешаетъ
 И щипается уловишь. Нѣтъ правды въ мірѣ
 (семѣ!

Нѣтъ правды въ мірѣ семѣ! о Боже милосер-
 (дый!
 Твоей я помощи одной ищю во всемѣ.
 Надежды въ смертныхъ нѣтъ! сей родъ жесто-
 (косердый!
 Ты буди мой покровъ! нѣтъ правды въ мірѣ
 (семѣ!

2.

Отчаянный человекъ.

На что рожденъ я въ свѣтѣ? Объядное шво-
 (режье!
 Не съ тѣмъ ли, чтобъ шерпѣть всегдашнее му-
 (ченье?

О жизнь! несчастна жизнь, конца мученью нѣтъ,
Оно бѣжишь за мной! на что рожденъ я въ
(свѣтъ?)

На что рожденъ я въ свѣтъ? Когда воспоми-
(наю,
Что сдѣлалъ я теперь, всегда претерпѣваю,
Мученье совѣсти, она меня грызетъ
Терзаетъ грудь мою! на что рожденъ я въ
(свѣтъ?)

На что рожденъ я въ свѣтъ? симъ Бога
(прогнѣвляешь
Величіе его ропшаньемъ оскорбляешь,
Такъ совѣсть говоря, спокойства не даетъ.
Погибшій человекъ! на что рожденъ я въ свѣтъ?)

На что рожденъ я въ свѣтъ? Лишь грусть
(я ощущаю
Всѣхъ ближнихъ я своихъ спрашася убѣгаю
Вездѣ скишаюся, куда злой рокъ ведетъ
Повсюду скорбь со мной, на что рожденъ я въ
(свѣтъ?)

На что рожденъ я въ свѣтъ? Терплю по-
(всюду муку,
Грущу въ сообществѣ, одинъ вкушаю скуку:
Нигдѣ не скроюся отъ смертоносныхъ бѣдъ,
Я спражду за грѣхи! на что рожденъ я въ свѣтъ?)

На что рожденъ я въ свѣтѣ? Увы! о рокѣ
 (ужасный!
 Уже приблизился ко мнѣ судъ Божій спрашный,
 Уже я слышу гласъ, который мя зовешъ
 Воздашь казнь за грѣхи! на что рожденъ я
 (въ свѣтѣ?

На что рожденъ я въ свѣтѣ? Судъ Божій
 (совершился
 Уже всевышняго я благости лишился
 И бѣдная душа во адъ уже идешъ,
 О неизбежна часть! на что рожденъ я въ
 (свѣтѣ?

На что рожденъ я въ свѣтѣ? иди шуда
 (скорѣе,
 Иди, и въ жизни той ты здѣшней мучься злѣе!
 Таковую за грѣхи тамъ грѣшникъ мзду беретъ!
 О какъ несчастливъ я! на что родился въ
 (свѣтѣ?

3.

Р о к ъ.

Его есть рокъ шаковъ и бышь сему такъ
 (должно
 Невѣжда говоритъ, иначе не возможно,
 Несчастный долженъ несть напасши опъ вра-
 (говъ,
 На что о немъ жалѣть! его есть рокъ шаковъ!

Конечно рокъ шаковъ , чтобъ быть тому
 (презрѣннымъ ,
 Кто истинну хранишь чинишь долгомъ не
 (премѣннымъ .
 Кто въ свѣшѣ наблюдать могъ точнось
 (оныхъ словъ ?
 Пусть страждетъ праведникъ ! его есть рокъ
 (шаковъ !

Его есть рокъ шаковъ ! богатствами обиль-
 (ный
 Узрѣвъ несчастнаго , и немощнаго сильный
 Предъ всѣми говоришь , являя видъ суровъ :
 Онъ долженъ погибать , его есть рокъ шаковъ !

Его есть рокъ шаковъ , кричишь судья не-
 (правды :
 Невинность осужду , вдовицѣ лишу я правды ,
 Онъ бѣдныхъ пользы ибѣтъ , не накопишь сун-
 (дуковъ ;
 Убогій виноватъ , и рокъ его шаковъ !

Его есть рокъ шаковъ , пусть все несча-
 (сный сноситъ ,
 Счастливецъ такъ о немъ злойравный про-
 (износитъ .
 Не зная истинныхъ всевышняго судовъ ,
 Богачъ ! не говори , рокъ нищаго шаковъ .

Его есть рокъ таковъ! Слова сіи пустыя;
 Нѣтъ рока въ мірѣ семъ, вездѣ судьбы свящія!
 Тому ли учишь насъ святой законъ Христовъ?
 Не право говоришь: его есть рокъ таковъ!

Его есть рокъ таковъ, не намъ вѣщать такъ
 (должно,
 въ сомнѣльствѣхъ судить мы должны осно-
 (можно,
 не можно тайны знать божественныхъ судовъ,
 не должно говорить: его есть рокъ таковъ!

XVI.

А Р Т А Б А Н Ъ.

или

Истинный государевъ совѣтникъ.

Когда Дарій I. Персидскій Монархъ, же-
 лалъ объявить Скиѣамъ войну, то братъ
 его Артабанъ, кошорому онъ оказывалъ ве-
 ликое почтеніе, и который съ своей сторо-
 ны не меньше имѣлъ ревности къ истиннымъ
 выгодамъ государя, считая за обязанность
 въ семъ случаѣ открытъ свои чувствованія
 со всею вольностію, какой требовала важ-
 ность дѣла, сказалъ ему въ одно время:
 „ великій государь! тѣ, которые помышля-
 ютъ о великихъ предпріятіяхъ, должны
 3 ; „ пре-

„ прежде всего разсуждать, полезны ли онѣ
„ или вредны будутъ для государства? бу-
„ дешъ ли исполненіе оныхъ удобно, или
„ трудно; наконецъ согласны ли онѣ, или
„ прошивны прѣвиламъ справедливости? Я не
„ вижу, Ваше Величество, какой выгоды вы
„ можете ожидать отъ войны, войны кошо-
„ рую вы предпринимаете прошивъ Скиѳовъ,
„ хотя вы и льстите себя успѣхомъ оныя?
„ Сіи народы отдалены отъ вашего государ-
„ ства великимъ разстояніемъ землей и моря;
„ они обитаютъ въ страшныхъ вертепахъ,
„ и не имѣютъ ни городовъ, ни домовъ, ни
„ узаконеній, ни богашествъ. Есть ли какой
„ выигрышъ для вашихъ войскъ въ семъ по-
„ ходѣ, или не больше ли въ немъ потери? При-
„ выкшіе переходить изъ одной земли въ дру-
„ гую, естли убѣгушъ отъ васъ, то не отъ
„ страха и подлости; ибо весь свѣтъ
„ знаетъ ихъ неустрашимую храбрость, но
„ съ намѣреніемъ, чщобъ обезсилишь и совѣмъ
„ распроишь ваше войско безпрешанными и
„ сильными набѣгами; что учинимъ мы въ
„ необработанной, безплодной и лишенной вся-
„ кихъ выгодъ землѣ, гдѣ мы не сыщемъ ни
„ сѣна для нашихъ лошадей, ни пици для
„ нашего войска? Я опасаюсь, Великій Госу-
„ дарь, чщобъ ложное помяніе о славѣ и со-
„ вѣщны ласкашелей не привели васъ къ вой-
„ нѣ, копорая можетъ обратись въ спыдъ
„ народу. Вы наслаждаетесь спокойнымъ ми-
„ ромъ

„ромъ среди своихъ народовъ, котораго со-
 „спавляете вы удивленіе и честь. Вы знае-
 „ше, что боги возвели васъ на пронъ не для
 „чего инаго, какъ чшобъ быть предводителемъ,
 „или лучше сказать, Министромъ
 „ихъ милосшей, а еще болѣе ихъ могуще-
 „ства. Вы желаете быть покровителемъ,
 „Опекуномъ и опцемъ своихъ подданныхъ;
 „и вы намъ часно повторяете сами то,
 „что вы почиаете себя возведеннымъ въ
 „Цари для того, чшобъ сдѣлать насъ
 „счастливыми; какое для васъ удовольствіе,
 „Великій Государь, быть источникомъ по-
 „ликихъ благъ, и велѣть жить, подъ шѣ-
 „нію вашего имени поликимъ народамъ въ
 „поль любезномъ спокойствіи! слава госуда-
 „ря, который любитъ свой народъ, будучи
 „онимъ взаимно нѣжно любимъ, и который
 „вмѣсто того, чшобъ производить съ сосѣд-
 „ними и опдаленными народами войну, пре-
 „пятствуетъ имъ имѣть оную, не блиста-
 „тельную ли шой, которая пріобрѣтается опу-
 „стошеніемъ земли, распространеніемъ повсю-
 „ду кровопролитія, безпокойства, страха,
 „ужаса, опчаянія и смерти? Но послѣд-
 „няя сія причина, должна больше произвести
 „впечатлѣнія въ умъ вашемъ, нежели всѣ
 „прочія. Это то правосудіе. Вы по благо-
 „сти Божіей, не изъ числа шѣхъ государей,
 „которые не знаютъ другаго сильнѣйшаго

„ закона, и которые почитаютъ за власть
 „ соединенную съ государствомъ, грабятъ
 „ имѣнїе другаго. Вы не поспавляете вели-
 „ кости своей славы во всемъ помѣ, что мо-
 „ жете: но хотите того, чего перебуютъ за-
 „ коны, и что вы должны воеете. Дѣйстви-
 „ тельно, справедливъ ли помѣ и не граби-
 „ тель ли, который безъ всякаго на то пра-
 „ ва завладѣетъ нѣсколькими десятинами зе-
 „ мли; и истинный ли будетъ помѣ герой,
 „ который изъ одного щеславїя плѣнитъ
 „ цѣлая провинціи? И такъ смѣю спросить
 „ васъ, великій государь, какое шило для
 „ васъ въ завсѣванїи Скиѣи? Какой просту-
 „ покъ оказали прошивъ васъ Скиѣи? Какую
 „ причину можете вы найти, чтобъ объявить
 „ имъ войну? Ту ли, которая была прошивъ
 „ Вавилонянъ? Въ то время и нужна и спра-
 „ ведлива была: почему боги, вѣнчали оную
 „ счастливымъ успѣхомъ. Великій государь!
 „ вамъ остается теперь судить, имѣетъ ли
 „ шѣже свойства, которую вы теперь предъ-
 „ принимаете. „

Здѣсь ничего болѣе нѣтъ, кромѣ велико-
 душной ревности брата единственна спараю-
 щагося о славѣ своего государя, и о общемъ
 благѣ, которое одно только можетъ вдох-
 нушь такую смѣлость; такъ какъ и со
 стороны государя не было, кромѣ совершенной
 умѣренности, способной оную снести. Дарїй,
 имѣ-

вмѣсто того, чѣмъ гибъвашься на Аршабана, благодарилъ его за совѣтъ, однако онымъ не воспользовался. Война была уже начата. Онъ поѣхалъ самъ предводительствовать многочисленнымъ войскомъ и вмѣсто того, чѣмъ побѣдишь, былъ самъ побѣжденъ, какъ о семъ предсказалъ мудрый его совѣтникъ.

XVII.

Общія примѣчанія о путешествіяхъ.

Путешествовавшие для Философовъ, поже что аптекари для лекарей. На повѣствованіяхъ первыхъ философы утверждаютъ свои системы; а на лекарства послѣднихъ лекари пишутъ свои рецепты. Если аптекари подмѣняютъ лекарства, то больные умираютъ; а если путешествователи объявляютъ несправедливо, то философы дѣлаютъ ложныя заключенія.

Роль путешественника гораздо важнѣе, нежели какъ многіе думаютъ. Она пребываетъ вмѣстѣ честности и ученія: ибо въ повѣствованіяхъ, такъ какъ и въ Химіи, легко можно обмануться по незнанію или съ худымъ намѣреніемъ.

Послѣ сего немногія вещи кажутся миѣ споль смѣшными и споль опасными, какѣ чешерпѣніе заставлятъ пупешеспивоващѣ молодыхъ людей едва вышедшихъ изъ училища. Я немогу надивитъся шѣмъ ослабленнымъ родителеямъ, которые съ великою поспѣшностію посылающѣ къ иностраннымъ слабыя свои опрасла величашъся своимъ невѣдѣніемъ и наглоспію; почему за одного глупца цѣлый просвѣщенный народъ подверженъ бываешъ осужденію. Миѣ сполько же удивительны и шѣ щеславныя опцы, которые, всякой воскресной день, приказывающѣ слѣдоващѣ въ церковь за своими, не умѣющими еще говорить дѣшми, чешыремъ лакеямъ одѣшымъ въ великолѣпныя ливреи; дающѣ имъ деньги для того только, чшобѣ они раздавали ихъ мошенникамъ припворяющимся нищими; ибо они симъ больше научающѣ ихъ любить богашство, нежели подаващѣ милоспію, и посему дѣлающѣ ихъ гордыми, а не благодѣштельными.

Миѣ кажется не должно спрашиващѣ у иностранныхъ о ихъ достопамятноспяхъ и просвѣщеніи, ештли мы сами не можемъ имъ дащѣ ясныхъ поняшій о лудожникахъ своего народа, о нравахъ, о свойствѣ своего Климаша и обѣ основаніяхъ правленія.

Такой молодой человекъ опѣвѣжаешъ въ Парижѣ виѣ себя отъ радости, имѣя въ виду

виду свое просвѣщеніе. Тамъ онъ самъ себя превосходитъ въ усиліяхъ перенимать разнообразныя коверканья, жеманства и прочія шлодвиженія свойственныя или насмѣшливымъ комедіантамъ, или невиннымъ шушамъ, и подобныя бездѣлицы, естли можно бездѣлицею назвашь шо, что обществу вредъ, а не опышному юношеству часшо причиняетъ неизбѣжную погубель: какъ между шѣмъ нравы и обыкновенія народныя, образъ правленія, свойство Климата, степень наукъ и художествъ, до которой они шамъ возвысились, и другія важнѣйшія вещи со всѣхъ шпоронъ, шакъ сказащъ, ударяющія въ шупья къ сему его чувствва, ошашаются безъ всякаго вниманія. Онъ не щадитъ ни глазъ для примѣчанія, ни кошелька для доставленія себѣ разномодныхъ фраковъ, шакъ что все его блаженство заключаешся и измѣряетъ краткостію полъ и узкостію стана. Но Королевскій кабинетъ, разныя примѣрныя работы Архитекшоровъ, повседневныя испытанія въ ученыхъ мѣстахъ и новыя открышія силъ мудрой природы, не менѣе просвѣщающія какъ и увеселяющія, неудоштовающся ни одного любопытнаго его взора. И шакъ естли уже шо неизбѣжно, что онъ безчешитъ себя и свое отечество поступками въ снаго; шо по крайней мѣрѣ онъ не долженъ безчешитъ его отдавая въ чужихъ краяхъ насшнымъ и лисбоншнымъ людямъ ошчешъ

о воспитаніи его бывшемъ предъ глазами своихъ родителей въ своемъ сщечествѣ. По крайней мѣрѣ, говорю я, Россіянинъ долженъ вникнуть въ древній вкусъ многихъ старинныхъ Кремлевскихъ строеній, прежде нежели разсмапривашь станешъ Луврскую колонаду, или прежде долженъ удивляшся монументу великаго, не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ, мужа, нежели будешъ столбешишь при возвращеніи на Тюильерійскіе сшапуи.

Но сколько нахожу я неслѣпымъ путешествіе малолѣтнихъ, столько путешествія кажутся мнѣ лучшими всѣхъ книгъ для чело-вѣка знающаго ихъ читашь. Сямъ укрѣпляется памяшь, безъ обиды воображенія. Мысли получаемыя нами отъ чтенія не весьма скоро входятъ въ мозгъ и твердо содер-жащяся въ памяти; (хотя онѣ впрочемъ входятъ уже готовыя и въ порядокъ приведенныя,) а когда онѣ по случаю и осшаюцца шамъ, то сіе дѣйствіе есть единой памяти, воображе-ніе же ничего тогда не дѣйствуешъ, и то что осшаешся, не намъ почти принадлежишь.

Въ путешествія множество имѣемъ мыслей, потому что много встрѣчаешся намъ предметовъ, коихъ видъ предъ ставляешъ чув-ствамъ много отношеній. Воспоминаніе физическаго предмета, вспомоцествуешъ воспо-минанію нравственныхъ мыслей, кошорыя оно

произвело. Мысли суть орудія памяти; ибо чинанное скоро исчезаетъ; а то, что видѣли, остается. Понятіе пріобрѣшенное зрѣніемъ никогда не выходитъ изъ памяти, также понятіе родившееся въ полѣ заключаетъ въ себѣ свойство величины, силы и новоспи, чего никогда не достигаетъ понятіе произшедшее въ пѣни кабинета.

Если захочетъ кто заключить изъ сего, что паспухъ, находящійся въ полѣ съ утра до вечера, долженъ имѣть большія идеи, нежели Невшонъ; то весьма ложное выведетъ онъ слѣдствіе. Но дабы видѣть справедливо ли сіе правило, или нѣтъ, то должно сравнить идеи, пріобрѣшенныя Невшномъ въ своемъ кабинетѣ съ пѣми, которыя онъ получилъ на вершинахъ горъ, и я смѣло утверждаю, что предложеніе не будетъ тогда сумнительнымъ.

Многіе живописцы путешествуютъ въ Испалію и Король содержитъ для нихъ въ Римѣ школу. Для чегожъ отказана сего рода помощь всѣмъ другимъ полезнымъ и пріятнымъ дарованіямъ? Когда извѣстно, (что и неоспоримо,) что ничто такъ не умножаетъ понятія, какъ путешествованіе; то для чего пѣ не имѣютъ случая путешествовать, которыхъ природа расположила лучше нежели прочихъ для пріобрѣшенія сильныхъ и обширныхъ понятій?

Я говорю рѣшительнымъ голосомъ, что нахожу смѣшнымъ путешествіе весьма молодыхъ людей; но симъ же людямъ я и предлагаю путешествовать. Однакожъ я себѣ не противорѣчу. Тѣ, которыхъ я нахожу малоспособными къ путешеству, суть по большей части дѣти весьма богатыхъ людей, по тому что они отъ природы имѣютъ право быть знающими людьми, которыми они и пользуются, и также право немного знать, которое они еще лучше исполняютъ. Но тѣ, которыхъ я предлагаю для путешествія, суть люди молодые, рожденные съ разумомъ, но бѣдные и слѣдовательно принужденные знать больше и быть скромными. Спрашивается, какъ можно ихъ узнать? Это не трудно.

Въ училищахъ учреждаются награжденія, такъ сподобившись только примѣнить къ онымъ получаетъ? безъ сумнѣнія почти всѣ бывающъ участью бѣдныхъ дѣтей, которые стараются, а сверхъ того и принуждены учиться.

Говорятъ, что всякой рождается съ особливимъ дарованіемъ; это можетъ стать; но и то также извѣстно, что разумъ есть счастливое расположеніе органовъ, которое даетъ имъ величайшая способность ко всему вообще. Не предполагая о томъ, что ученикъ получающій награжденія въ Университетѣ бу-

будетъ стихотворецъ, великій математикъ, хорошій полиптикъ, или искусный купецъ, можно заключить, что онъ имѣетъ разумъ.

Таковыми - то (я разумѣю тѣхъ, которые познали уже пути ведущіе къ просвѣщенію) должна быть играна роль путешественника, и предварительно еще въ своемъ отечествѣ. Припомъ такъ, чтобъ сія должность сопровождается была собственною ихъ охотою и усердіемъ служить отечеству.

Я ощущаю величайшее удовольствіе, когда представляю таковыхъ путешественниковъ, неимѣющихъ тѣхъ препятствій, копорыя обыкновенно встрѣчаются съ знаменитыми нашими молодцами, окруженными пышною свитою, и, такъ сказать, нагруженными значною суммою, которую они спѣшатъ разсыпать въ чужестранныхъ краяхъ къ немалому ущербу своего отечества за то, что они научаются отъ нихъ нѣкоторымъ лучшимъ, но пагубнымъ употребленіямъ роскоши. Я вижу первыхъ охотно употребляющихъ свои силы, гдѣ только нужда того потребуетъ. Одинъ при возрѣніи на большія рѣки и моря, по копорымъ онъ плаваетъ, желая научить людей новымъ частямъ сихъ пространствъ обществу, показываетъ въ себѣ качество искуснаго мореходца. Другой примѣчаетъ перемѣнное по-

ложеніе горѢ, видишь перемѣну шара и думаешь найши шамѢ начала его созданія и его явленій; изыскиваетъ, разсуждаетъ, дѣлаешься испытателемъ природы и производишь новыя понятія. Въ смятеніи случившемся въ пристани сей послѣдній изыскиваетъ причину сего дѣйствія; понятіе о коммерціи увеличивается въ его разумѢ при взорѢ на всѢ орудія, коими движется коммерція; вопросы умножаются а иногда за предложеніемъ вдругъ слѣдуетъ и рѣшеніе; а часно одинѢ примѣръ оныя рѣшишь; молодой человекъ прудится, разсужденія рождаются, и дѣлаешься великой купецъ, а больше того полезный гражданинъ. Здѣсь ежедневное разсмашириваніе звѣздъ побуждаетъ Астронома; а шамѢ зрѣлище полей и деревень одушевляетъ Стихотворца, ВсѢ при воззрѣніи на нагую и великую природу чувствуютъ рождающееся благочестіе и исчезающія предразсужденія. ВидѢ человеческой бѣдности во всѣхъ снепеняхъ и во всѣхъ подробностяхъ умножаетъ вдругъ понятіе и чувствительность. Душа и воображеніе опроверзаются, всѢ органы движущся, и я вижу въ такомъ путешественникѢ рождающагося великаго человека.

Эпо, говорятъ мнѢ, много спиошь денегѢ. Очень мало; впрочемъ кто собиравать хочетъ медѢ, тотъ долженъ кормить пчелѢ.

Я не понимаю и никогда не могу понять, какъ изъ шоль великаго множества людей, сокрывающихъ свое злошю и не знающихъ что съ нимъ дѣлать, нѣтъ ни одного, который бы принудилъ самаго себя исполнить хотя одинъ изъ шoliko честныхъ предметовъ, но для которыхъ нужныя государшвенныя попеченія не дозволяютъ ему самому ничего приносить въ жершву не взирая на извѣстную онаго пользу. Я спрашиваю всѣхъ сихъ счастлишцовъ, какъ имъ не приходитъ никогда на мысль прочистишь свои сокровища хотя однимъ публичнымъ или вольнымъ благодѣянiя дѣйствiемъ? Я спрашиваю ихъ, могло ли когда нибудъ употребленiе ихъ богатствъ доставишь грубымъ ихъ чувствамъ, самому ихъ шщеславию и ихъ душѣ шакое чистое и шакъ живое удовольствiе какъ шю, которое я имъ предлагаю? Какъ мало гордые оную чувствуютъ! бѣдные богачи, какъ вы сожалительны!

Что касается до меня, шю я хотѣлъ бы пушешествовать до шѣхъ поръ, пока хотя единое изъ сихъ хорошихъ дѣйствiй исполнися. Мы можно видѣшь чужую землю. Я опшдамъ опшчетъ моимъ друзьямъ въ новыхъ чувствованияхъ приобрѣшренныхъ мною при воззрѣнiи на новые предметы. Я могу обманушься въ послѣдствiяхъ мною предприемлемыхъ, но никогда не обманушь въ повѣшествованiи дѣйствiй.

спвй. Погрѣшности челоѵка размышляющаго и умспвующаго подобны кремнямъ, оспъ удара которыхъ происходитъ огонь.

XVIII.

Перпыя челоѵческiя чупстпопанiя, ощущаемыя при удаленiи отъ своего отечества.

Едва преступилъ я границы своего отечества, уже сожалѣнiе оное оставилъ смѣшиваешь невольное безпокойство съ желанiемъ видѣть новыя мѣста. Въ землѣ, по которой я теперь хожу, не имѣю никакого участiя. Когда я на оной спую сего дни, то еще уже милость; а вчера я имѣлъ на то право. Вчера я былъ гражданинъ, а нынѣ чужестранецъ.

Человѣкъ, съ которымъ я вчера встрѣтился, могъ быть мой защитникъ или бранъ; завтра же мнѣнiе, перемененное въ Королевскомъ совѣтѣ, можетъ мнѣ сдѣлать столько непрiятелей, сколько людей меня окружаетъ. Крышка покрывающая меня сего дня, будетъ завтра можетъ быть сожжена мною по должности, и завтра можетъ быть принужденъ буду я умершвишь сегоднешняго моего хозяина. О любезное отечество! не ты ли вся вселенная? О друзья мои! не вы ли всѣ честные люди?

И такъ бывають обстоятельства, въ которыхъ опредѣленіе гражданскихъ законовъ человека оставляетъ, а не защищаетъ? Си по законы гражданскіе говорятъ: тамъ начинается такая-то имперія, а тамъ положены предѣлы такого-то государства; человекъ изъ того мѣста будетъ въ подозрѣніи, а гражданинъ сего въ другой сторонѣ будетъ почищаться шпиономъ.

Предразсужденія перемѣняютъ даже наши органы. Я больше не долженъ, да и не могу смотрѣть на предметы шѣми же глазами. Тайное желаніе вредить проивъ воли смѣшивается съ благошворительнѣйшими стараніями. Еслили я разсмашиваю сего дня какое нибудь полезное учрежденіе, то какое будетъ мое желаніе? — Подражать и дѣлать подобное. Еслили небо подаситъ мнѣ способъ привести оное здѣсь въ совершенство, то какія будутъ мои старанія? — Молчать.

Сіе трудное для меня чувствованіе будетъ предусмотрено людьми имѣющими въ ономъ участіе. Я пріѣду къ нимъ съ проивнымъ намѣреніемъ; то долженъ ли удивляться нашедши тамъ недовѣренность? Всѣ примѣчательные взоры на меня успрямятся, и еслили я ихъ спашу прамѣчать, то буду подозрѣваемъ. Различное свойство язы-

ка лишитъ меня всякаго знакомства. Есѣли сіе свойство языка мнѣ извѣстно, то должно остерегаться больше нежели можно думать. Среди многочисленнаго собранія я буду одинъ; посреди многочисленнаго народа я ошѣ всѣхъ буду ошдѣленъ.

Тамъ запрещено будетъ носить мнѣ свое платье; а здѣсь на засѣвахъ пропускаютъ только имѣющихъ паспортъ, предвозвѣщая мнѣ по нуждѣ оный имѣть: ибо я иностраннѣйшій и имѣю невольникъ. Свойство языка, обычаи, перемѣны, обыкновенія, нравы и все говоритъ мнѣ, что я чужестранецъ. Прошелъ я одну версту, но уже перемѣнилъ государство; есѣлижъ прошелъ еще болѣе двухъ шаговъ, но уже нахожусь при концѣ свѣта.

Ахъ остережемся открывать здѣсь свою душу, покроемъ лице свое маскою, велимъ глазамъ нашимъ быть только ложными истолкователями, станемъ льстить и лгать; ибо сіи люди не шакое носятъ платье, какое мы! Бѣда! есѣли сердце наше прельстился здѣсь ушѣшительнымъ чувствованіемъ дружества. Тщешно сія ссылка смягчаетъ его шѣмъ, что ему любезно; тщешно надѣвешся онъ замѣнитъ все то, чего у него нѣтъ. Тщешно засѣвляетъ его почищать для себя нужнымъ другое сердце, въ которое бы из-

лишь

лишь свои чувствованія, и другое существо, съ которымъ бы совѣщаваться онъ могъ. Нѣтъ нужды, только бы онъ не опирывался, находился одинъ, на одномъ мѣстѣ и прешерпывалъ; ибо сіи люди молятся Богу опличнымъ образомъ.

Путешественникъ! закрой свои глаза, если найдешь какое пріятное мѣстоположеніе. Бойся, чтобъ сей удѣлъ земли тебя не прельстилъ, и чтобъ сей видъ полей, сходный со вкусомъ твоего разума и сердца не побудилъ тебя тамъ опасаться. Сіи люди, у которыхъ ты путешествуешь, воздаютъ тебѣ несправедливостію за несправедливость. Простись съ тѣмъ источникомъ, изъ котораго хотѣлъ ты утолить жажду свою, съ тѣми лѣсами, въ которыхъ ты хотѣлъ ходишь и разсуждать и съ твоею хижиною, которою ты былъ доволенъ, и которую желалъ имѣть. Ты обходясь иначе заразилъ бы государство. Судебныя мѣста тебя изгоняютъ, зло твое кажется заражено ядомъ, и самое зло твое бесполезно, но какаяжъ тебѣ остается еще надежда (*). Но весьма бы достоинъ былъ сожалѣнія человекъ, если-

И 5

либѣ

(*) Извѣстно, что въ уѣздѣ Бернскомъ и въ другихъ Протестантскихъ Кантонахъ, человекъ другой секты не можетъ пріобрѣсти недвижимаго имѣнія, а тѣмъ больше жениться.

либѣ въ сихъ странахъ, откуда изгоняютъ
 его навсегда неперпимость и нѣкошорыя раз-
 личныя мнѣнія, небо судящее опмѣнно, не-
 жели люди, произвело предметъ, кошорой онъ
 долженъ любить, поварища, по ешь, его жизни.
 Ешьли шамъ найдешся сердце, соединенное
 нѣжнѣйшею симпатіею съ его сердцемъ;
 ешьли шамъ блеснутъ очи, въ коихъ дож-
 ны разгорѣшся къ нему первыя искры любви;
 шо онъ долженъ шамъ опасаться, чшобъ
 не видѣшь всего шого, что онъ желалъ бы
 встрѣшитъ. Да будутъ шамъ дражайшія
 человѣческія желанія предметомъ первыхъ
 его ужасовъ! шакъ людямъ угодно. — Проходя
 сіи поля, на коихъ онъ ни сѣяетъ, ни собираетъ
 не можешъ жашвы, ешьли увидишъ издали
 какую нибудь женщину, шо долженъ неопмѣн-
 но дрожатъ, чшобъ не была она хороша; и
 убѣгатъ прежде, нежели могъ бы ее увидѣшь;
 чшобъ ея прекрасныя волосы, развѣваемые
 вѣтромъ, чшобъ ея бѣлыя руки, движимыя
 со всѣми пріятностями сродными сему полу,
 кошорыя онъ имѣетъ, и чшобъ згибы
 ея одежды перебирающіеся въ ея походкѣ,
 не предаѣцали сему несчастному спрашныхъ
 узъ, сдѣланныхъ единшвенно для шого, чшобъ
 привлечь его въ несчастіе и связать на вѣки.
 Сія женщина не можешъ быть его. Ешьли
 она чувствительна, проспа, нѣжна, любезна
 и имѣетъ склонность къ любви, шо это
 большее еще для него несчастіе. Тщешно небо
 вну-

внушаетъ строгій приговоръ въ уязвленное его сердце, щещно пріятнѣйшее согласіе между имъ и ею поднверждаетъ сей благопворительный приговоръ: люди разрываютъ оный. Самъ Богъ повелѣваетъ сему иностранному и сей женщинѣ имѣть между собою любовь; но обыкновенія, естли не что нибудь другое, препяшспвуютъ ихъ соединенію. Вотъ законы! се ли о Боже! сіе священнѣйшее братство, и сей пріятнѣйшій обѣтъ природы!

Смертные! Пологайте предѣлы своимъ владѣніямъ, да раздѣлишъ воздвигнушый камень ваши народы, да перемѣнятъ васъ разные ваши обычаи по виѣшности во спо различныхъ поколѣній, да учинятъ васъ тысяча различныхъ свойствъ языка чужестранцами и непріятелями; послѣ сихъ поспороннихъ видовъ обычай да перемѣнишъ и обезобразишъ и самую вашу природу; машери да уравниютъ лице новорожденныхъ, да расширяютъ имъ ноздри и такъ далѣ: но напрасно вы будете шрудиться. Вы всегда останешесь подобны по сущности, всегда будете слабы, бояливы, даже и въ варварскомъ соспоянтіи; расположены къ взаимной любви и при самыхъ убійствахъ, будете всегда братья, не смотря на различныя ваши наименованія; вездѣ и всегда другъ въ другъ будете имѣть нужду.

О употребленіи времени.

Мало найдется людей, которые бы не обивляли состарѣвшихся уже жалобъ на краткость и скоротечность жизни, и которые бы не желали оную продолжить и время на скоромъ его бѣгу остановить. Но сколько нерѣдки и шѣ, которыми бы сіи жалобы дѣлали честь, и такія желанія могли бы придашь важности шѣмъ, которые имѣя сколько праздныхъ часовъ, столь часто ропщутъ противъ несносно продолжительнаго ихъ шеченія, желаютъ имъ крылъ, и съ удовольствіемъ смотрятъ какъ иногда цѣлые дни и цѣлыя недѣли извлекаются изъ своего лучшаго существа; а сіе для того, что такіе люди не знаютъ, что имъ дѣлать съ собою и съ своимъ временемъ.

Неоспоримо, что можно найти нѣсколько такихъ чрезвычайныхъ людей: (да будетъ сіе сказано въ честь человеческого рода!) которые столь усердны къ прославленію своего безконечнаго Творца и къ подкрѣпленію общаго благосостоянія, столь заботливы въ разсужденіи того, чтобы не пропустить ни одного случая сдѣлать добро, и не позабыть ни одной своей должности, столь обильны въ изобрѣшеніи полезныхъ предпріятій

шій

тій и столь счастливы въ соверше ии досто-
 хвальныхъ намѣреній, что для великости
 своей добродѣтели, для ревности благодѣшель-
 ствовашъ людямъ своею жизнью, дѣйствитель-
 ностью имѣющъ они мало времени. Но чѣмъ
 достойнѣе они шѣхъ, которые теряющъ
 столь многія тысячи дней, или употребляющъ
 оныя во зло; тѣмъ менѣе число сихъ див-
 ныхъ человекъ. Время служивъ бременемъ
 для великой части людей, которые опдающъ
 оное на расхищеніе и почитающъ себя весьма
 довольными и счастливыми, когда найдется
 хищникъ, не взирая на то, что оно есть
 безцѣнное добро, котораго и самая благо-
 дарность возвратить не въ силахъ. Тако-
 вые люди разѣбжающъ по времени, какъ
 по землѣ исполненной глухихъ и зной-
 ныхъ шепей; для чегожъ они его не пере-
 лепяшъ, чтобъ тѣмъ скорѣе достигнуть
 того прелестнаго пристанища, которое какъ
 имъ кажется, они вдали усматривающъ? И
 такъ легко себѣ предсавить можно, что
 годъ для весьма многихъ изъ насъ долженъ
 быть ужасно дологъ, что онъ принесетъ съ
 собою великое множество часовъ, чрезъ ко-
 торое время мы не иначе, какъ весьма за-
 лежалыми сдѣлаемся.

Что дѣлать Цидалидѣ съ цѣлымъ го-
 домъ? Съ восемью тысячами семью спами и
 шестидесятью часами! она неосмѣнно испу-
 гаеш-

гаешься, ешьли себѣ вообразитѣ, сколько то вѣчнымъ покажется и одинъ часъ. Я не говорю, что она задрожитѣ представляя себѣ все число. О! у ней ужѣ такъ распоряджено, что большая часть ихъ пройдетѣ, а она и не примѣнитѣ ихъ печенія. Но при всемъ помѣ сколько ни исправно мое разчисленіе, которое я въ ея времени сдѣлалъ, все шаки остается довольно важное множество часовъ, которые для нея будутѣ великою тягостію. Это легко можно будетѣ видѣть, ешьли только пробѣжать глазами слѣдующее разчисленіе:

На спанье. Для иѣжнаго тѣла не меньше надобно положить, какъ десять часовъ въ сушки; и того въ годѣ . . . 3650 часовъ.

Для сойтѣ съ докторомъ. Цидалинда правда здорова; однакожѣ случаются иногда припадки; а сверхъ того надобно вишь и впередѣ опасаться, чтобѣ не занемочь. Въ недѣлю только полпрешья часа; въ годѣ выдетѣ 130 часовъ.

На одѣпанье. Она довольствуется для этого двумя часами и не можетѣ перпѣть тѣхъ женщинъ, которые перяютѣ сполько времени передѣ зеркаломъ. Это сдѣлаетѣ 730 часовъ.

На кушанье. Три только часа въ день, считая супъ же и кофе, а всего на все 1095 часовъ.

Для

Для принятія визитовъ. Довольно будетъ трехъ разъ въ недѣлю, на всякой разъ всего только два часа. Выдетъ 312 часовъ.

На играше. Вить надобно человѣку когданибудь и отдохнушь; не всякой день уже конечно, при раза только въ недѣлю и всякой разъ только шесть часовъ, что конечно многимъ домамъ покажется умѣреннымъ. Всего достанется 936 часовъ.

Для хожденія въ церковь. Развѣ Цидалинда не христіанка? Всякое воскресенье и праздникъ бышь не можно; человѣкъ имѣетъ свои причины и препяшшвія. Положимъ въ годъ сорокъ разъ, на каждой разъ по два часа. Это сосставишь 80 часовъ.

Для оперъ и комедій. Жить въ большемъ свѣтѣ и не ходишь въ театр! что онъ объ ней скажетъ, естли не увидишь ни въ одной ложѣ? По крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю въ продолженіе седмимѣсячнаго представленія, каждый разъ близъ четырехъ часовъ, а всего придется 120 часовъ.

Садиться и пыходить изъ кареты. Довольно и трехъ часовъ въ недѣлю, и шакъ всего выдетъ въ годъ 150 часовъ.

Для разсматриванія еженедѣльныхъ попаренныхъ записокъ. Вить Цидалинда

забоишься и о домоводствѣ. Положимъ всего въ недѣлю два часа, что составишь 104 часа въ годъ.

На гулянье и пыѣздѣ пѣ деревню. Въ пять мѣсяцовъ по разу, а на всякой мѣсяцѣ 123 часа прогуляешь; въ годъ достанешься 615 часовъ.

На пыглядываніе пѣ окошко, въ цѣлой годъ выйдешь только 132 часа.

Всего на все 8054 часа.

Вычешши сіе изъ суммы всѣхъ часовъ года 8760 часовъ.

Остается еще 706 часовъ.

Точно семь сотъ и шесть часовъ, изъ копорыхъ ни одинъ не занятъ! подайте скорѣе совѣтъ бѣдной Цидалиндѣ, что ей дѣлать чтобъ опрязаться отъ такой длинной цѣпи часовъ? Положимъ, что она держишь въ рукахъ *Походящегоя Трудолюбца*, ибо мы льстимъ себя надеждою, что и онъ принадлежитъ нѣкопорымъ образомъ къ числу модныхъ листочковъ, и что она употребляетъ для возрѣнія на него и положенія на сполъ каждую недѣлю по четверти часа, что конечно опочтено не скупое: то при всемъ томъ къ ея несчастію все это составишь еще въ годъ не болѣе какъ около шринаццати часовъ, а оставатся будетъ

всегда почти семь сотъ цѣлыхъ часовъ, что дѣлать? Не читать ли?

*Очей чтанье тупитъ силы,
А пара глазъ еще ей мила;*

Говорашъ добрые люди. Такъ не прикажешь ли работать? Забираешься, другъ мой, она вишь не подляшка. Да и какая естъ работа для благородныхъ дамъ, надъ кошорой бы онѣ не должны были сидѣть. Съ нихъ и эшой шягоспи уже довольно. Сверхъ того долгое сидѣнье дѣлаешъ Иппохондриками и вредно самому здоровому человѣку. Берегись прекрасная Цидалинда! — Такъ по крайней мѣрѣ можно думать, что въ семи спахъ часахъ много будешъ упражненій. Безъ сомнѣнiя, ибо естъли бы не было ни спихотворцевъ, ни музыканшовъ, ни картодвель; но какъ бы одна Цидалинда могла провести цѣлый годъ? Изъ сего видѣть можно какiя полезныя впечатенiя въ человѣческую жизнь имѣюшъ всѣ роды искусства.

Какъ бы это ни было: однако Цидалинда сдѣлала себѣ шакой планъ, по кошорому она освободилась отъ большей части своихъ часовъ, не чувствуя ихъ бремени; а когда уже шому пособишь будешъ ибчимъ, то можешъ она тогда разговаривать съ своимъ мужемъ, или въ кругу дѣшей своихъ заснуть, либо совѣщовашься съ поршнымъ, а не шо; приказать

позвать кулца и велѣшь себѣ показывать всякія новыя маперіи, или привуждена будешь прешерпѣвать другія подобныя сему забобы; пошому что Господа должны мучиться по крайней мѣрѣ досугами, хотя въ самомъ дѣлѣ въпѣ большаго мученія, какъ не знашь куда дѣвашь съ своимъ временемъ. Но какъ поступишь Господинъ счастливецъ, чтобъ отягзаны ея отъ своего времени я ужѣ этого не знаю.

Молодой господчикъ двашцати трехъ, или чешырехъ лѣтъ, конечно уже не будешь сполько спать какъ дама. Съ него довольно и восьми часовъ; это было бы для кого нибудь изъ шѣхъ рѣдкихъ людей, о кошорыхъ я прежде говорилъ, выигрышемъ, а для него это еще бремя. Для игры употребитъ онъ уже конечно не сполько времени какъ Цидалинда, пошому что естѣлибъ какая нибудь дама опредѣлила себѣ для этого на всякой день еще и болѣе времени, нежели Цидалинда; шобъ и шогда я думаю, никшо такъ далеко не опшупилъ бы отъ должнаго прекрасному полу почшенія и учшивосни, чшобъ осмѣлился ея называть играчихою? Напрошивъ шого мужчина долженъ бышь уже опшорожибѣ. Поваренныя расходы разсмашривать ему конечно не для чего; въ церковь онъ не поидешь, пошому что онъ не хочешь принадлежать къ большимъ шолпамъ; да можешь бышь и на уборы употребитъ онъ времени по крайней мѣрѣ одною чешвершью часа мѣшѣ. Когда мы все

Все это сочтемъ, по у него легко оспаться можешъ тысяча праздныхъ часовъ болѣе нежели у Цидалинды. Чпо ему дѣлать съ такимъ множествомъ своего времени? Должности у него нѣтъ, о собственныхъ своихъ дѣлахъ онъ самъ не заботился, на это есть у него наипыше писцы, а надъ деревнями смотритъ у него управитель. Чпожъ оспается ему болѣе дѣлать? Думаешь, учишься, скажешъ, можешъ спаться, сирогій и угрюмый совѣтникъ. Да знаешъ ли онъ, чпо думать начало уже давно выходитъ изъ моды между молодыми господчиками, а учишься и того болѣе. Еслили кто богашъ, или по крайней мѣрѣ намѣренъ когда нибудь записаться въ полкъ: къ чему ему много знашь? Довольно съ него будетъ и памъ надъ чѣмъ голову поломашь. И пакъ сколько оплакивать должно господина счастливица съ долгимъ его годомъ, изъ котораго онъ еще не прожилъ и четырнадцати дней?

Должно бы конечно предписать правила и средства сокращать время всѣмъ тѣмъ, у которыхъ его съ лишкомъ много. Да по бѣда, чпо лучшаго еще не найдено, какъ только то, которое уже давно предписано. Оно есть упражненіе въ добродѣтели. — Чпожъ дѣлать? Не трудолюбець виновать когда оное средство горковато, старинно и не по вкусу? А какая бы произошла отъ

шого перемѣна? Можешъ быть оно подвѣшвовало бы въ сердцахъ, естлибъ избыточествующія временемъ могли разсудить, что сей годъ можешъ быть послѣднимъ для всѣхъ Цидалиндъ и счастливыхъ. Мысль конечно важная; но естлибъ ее и разсмотрѣли съ важностію: то какъ бы дорогимъ почитали время и сколь бы охотно послѣдовали наставленію споль достойному успѣ Юнговыхъ: „Смертные! выдавайте его (время) „бережливою рукою, какою выдаете вы деньги; не плашите ни одного мгновенія ока не „покупая за оное того, чего оно достойно, „и попомъ ожидайте смутнаго одра. — Вездѣ „царствуютъ заботы, высочайшее желаніе „человѣка; жить есть играть. Но смощрише „будетъ ли игрушка умирать?“

XX.

ДАМОНЪ И ТИРСИСЪ;

Пастушеская поѣсть.

— — О patria! o divum domus!
Virg.

Дамонъ. Какая удаленная страна скрывала споль долго дражайшаго моего друга, какая милоспивая судьба даруетъ мнѣ его оная? Не ужъ ли полдневныя страны споль
дла-

долго себя удерживали? Развѣ небо тамъ
яснѣе, и развѣ цвѣтны тамъ цвѣтущѣ прекра-
снѣе? Семь разъ луна наполняла серебряные
свои рогà, какъ Амариллида спала вздыхашь о
швомъ отсутствіи. Поздравляю тебя, Тир-
сисъ, съ опеческими лугами; поздравляю
тебя, дорогой и веселый пасушокъ! Здѣсь
на берегу сего чистаго ручья, ниспадающаго
съ журчаніемъ съ холма; здѣсь насладись
спокойствіемъ, позабудь заботы, и разсма-
тривай съ веселіемъ свою опеческую землю.
Солнце поспѣшаетъ шеперь заключишь день,
и озлащаетъ веселую долину тихими лучами.
Ужè вѣнчаетъ изобиліе пріятно уклоняющее-
ся лѣпо, и вездѣ появляется приближеніе
осени. Спадà мои ищущъ вѣ той безмолвной
долинѣ вечерняго солнца, и обоняющъ благо-
вонный воздухъ. Посмотри! вонъ лишь поль-
ко шеперь вылетѣвшая изъ объятій моихъ
Сильвія прошекаетъ вѣ блескъ небесныхъ
своихъ прелестей лугà. Самыя спадà ка-
жущся неспускающими съ нея глазъ своихъ,
и позабывшими свою пасшу. Изъ лѣсу,
пріятно шумящаго, слышенъ звукъ гóлоса вѣ
нѣжности упоающей любви. — Но ахъ!
какое прискорбіе покрываетъ чело швое? За-
чѣмъ исполненная слезъ щека швоя носитъ
слѣды унынія? Вся природа смѣется, а ты
одишь вдаешься вѣ печаль? Скажи мнѣ сему
причину, и раздѣли со мною свои заботы.

Тирс. Счастливъ бы былъ Тирсисъ, когда бы могъ еще принимашь участіе въ сихъ сельскихъ веселіяхъ и избавишься отчаянія; когда бы мнѣ еще позволено было соединиться съ пѣсеннымъ хоромъ и воспѣшь прелести красоты и любви; когда бы мнѣ еще позволено было пасты свои мягкошерстныя спадать, или играть съ паспущкою на цвѣтущихъ лугахъ, или дремать безпечно часы въ уединенной долині. Сего времени ужъ больше нѣтъ! ибо могущая судьба повергаетъ землю нашу въ плачевныя обстоятельства. Я вижу приближающуюся ярость, свирѣпство и смерть, и серебряные ручки наши обезображенные человѣческою кровію! Я вижу жилища наши пожираемыя пламенемъ, и обращаемыя въ безвѣстный пепелъ. По долгомъ времени придетъ ушарѣвшій пастухъ въ сіи сѣни, въ копорыхъ необработываемая земля произведетъ шерсть и будетъ питать шипящихъ змѣй, и покусится, поставлеиъ будучи въ равнинѣ какую ни есть рѣкою, узнать прежнее свое жилище. Ибо тамъ, гдѣ *Паллада*, свидѣтельница его юношеской любви, охраняетъ зеленѣющіяся свои рощи, найдетъ онъ голые утесы и сухіе пни, и гдѣ теперь возвышается осѣленная густорослыми деревьями веселая Лавренція, въ изумленіи увидитъ онъ рядъ ужасныхъ развалинъ, обросшихъ терномъ и безлистивенными кустами. Но прежде да исчезнутъ

охладившіе члены мои въ прахѣ! о смерть!
заключи меня въ тихую сѣнь свою.

Дам. Мы вѣримъ древнему извѣщенію
слуха, что земля наша всегда будетъ благо-
получна. Мы не боимся никакого нападенія
отъ вѣншихъ враговъ. Сіе пріятное увѣре-
ніе благоухаетъ на зеленѣющихъ лугахъ на-
шихъ, журчитъ въ ручьяхъ нашихъ, и по-
коится въ уединенныхъ нашихъ бесѣдкахъ.
Оно производитъ то, что жаркіе часы лѣта
текутъ пріятнѣе, и возвышаетъ восхищен-
ную пѣснь къ вѣщимъ мелодіямъ. Оно
придаетъ угрюмому виду зимы любезную
миловидность и увѣнчиваетъ осенія поля
новымъ изобиліемъ. Мы внимаемъ безъ бо-
язни бою барабановъ и звуку пушекъ отдающе-
муся на нашихъ берегахъ и неуспрашимо
взираемъ на ужасныя явленія войны. Но ска-
жи мнѣ, какое прѣступленіе унизило землю
нашу; отъ какого раздраженнаго Бога при-
ходитъ сей смертоносный ударъ?

Тирс. О печальное воспоминаніе дре-
жей славы нашей! гдѣ теперь прѣжнее наше
могущество, и страшное имя? — Утѣше-
ніе внимало дѣламъ нашимъ, оно внимало
имъ и побѣгло, и прискорбное рабство под-
няло наклоненную главу свою. Но сіи сча-
сливые дни больше не смѣются; грозныя
спрахи покрываютъ несчастную землю нашу.

Необузданные пороки развращеннаго вѣка возбуждали наконецъ небесную силу ко мщенію. — Слава не возжигаетъ больше груди воина, его возбуждаетъ больше воинской звукъ барабановъ. Позабывъ славу, опасность и несчастье, ожидаетъ онъ, въ упрямой нерѣшимости грозящаго удара. Но поспѣшите, поспѣшите! смертоносный мечъ близокъ! убѣжимъ изъ сихъ заключительныхъ спранъ въ шакія мѣста, въ кошорыхъ не разгорячаетъ души никогда жадность къ золоту, и гдѣ мирная добродѣтель находить сладкое успокоеніе

Дам. О война, чудовище, мать злодѣяній! ненавистный пошомокъ варварскихъ спранъ! изъ ужаснѣйшихъ золъ человѣческихъ самое ужасное! Прощайте, мои снадà, мои лугà. Ахъ! сіи снадà, сіи лугà больше не мои. Прощайте вы ручьи, источники, вы пахучіе цвѣшны, звучація эхомъ рѣци, вы благоуханныя бесѣдки! прощай моя свирѣль; счастье любви моея, воспѣваемое въ пріятныхъ мелодіяхъ, не будетъ больше наполнять внимающіе лѣса. Прощай и ты моя пасшѹшка, любезная Сильвія! но должны ли мы покинуть себя самихъ? Ахъ! грусть возбраняетъ излетаетъ моимъ вздохамъ, и разрываетъ мое сердце! Я не буду больше покоиться съ тобою въ прохладной шѣни, не буду больше, предавшись роскошно въ нѣдра любви, ушопая въ радости, опшпрасать всѣ заботы.

ны. Я не буду больше примѣчать своихъ прелестей съ внутреннимъ удовольствіемъ, — можешь быть ожидаешь нѣжную красавицу жестокой плѣнѣ и шомное опчаяніе!

Тирс. О власпи! повергните меня въ страшную долину, гдѣ стелятъ каркающіе вѣроны и унывныя совы, гдѣ нахмуренныя небеса распространяющъ вѣчные шуманы, гдѣ ночь царствуетъ во всемъ своемъ ужасѣ, непроницаема дневнымъ сіяніемъ и слабымъ блескомъ луны; гдѣ воютъ страшныя волки, и пресмыкающія шипящія опасныя змѣи. Тамъ позвольте мнѣ проплакать сіи дни заключеній и умереть, не зная о семъ нѣжному другу. — Дни славы, несчастная страна, миновались, и вѣшь больше ни добродѣтели, ни свободы.

XXI.

О любви и различныхъ родоу любви божникахъ.

Почти каждый человекъ бываетъ любовникомъ, или имъ былъ, или по крайней мѣрѣ думаетъ быть таковымъ. Сей сражался за свою повелительницу, другой за нее пилъ, а иной за нее писалъ, но многіе и все сіе вмѣстѣ за нее дѣлали: а однакожь можешь быть ни одинъ не чувствовалъ, не емошря на всѣ поединки, стихи и полные

спаканы, истинной любви. Я разсматривалъ великое число влюбленныхъ, и по долгомъ наблюдени различныхъ видовъ ихъ, могу досповѣрно сказать, что изъ нихъ мало находится шаковыхъ, коиорые бы дѣйствитель-но способны были къ любви, хотя они и всѣ хощашъ почитаться влюбленными.

Рошефукольтъ говоритъ, что многие никогда бы не были влюбленными, если бы они никогда о любви не слышали. Сіе примѣчаніе столь же справедливо, какъ и острое, но смѣшливое болшаніе въ семьѣ обыкновенно имѣетъ великое вліяніе на молодые умы, коиорые научаются любви, какъ и всему, чрезъ подражаніе. Молодые шворенія, коиорыя еще не вышли изъ ребячества, уже раздираются любовнымъ пламенемъ, возжигающимъ и въ другихъ сію же страсть, и съ помощію служителя и комнатной дѣвушки, видѣлъ я малоденькаго господчика шринашцаши лѣтъ дѣлающагося умирающимъ пастухомъ, а маленькую даму въ разлетѣ изнемогающую отъ любви.

Великое множество книгъ наполненныхъ любовію, и сосшавляющихъ почти цѣлая библиотеки, возбуждаютъ страсть сію, и рѣдко не производящъ той любви, какую описываетъ Рошефукольтъ. Знашнѣйшія изъ сихъ соблазнительныхъ книгъ суть старыя ро-

романы, и ихъ еще худшія попомки, нынѣшнія повѣсти. Молодой чипашель споль долго чипашеть о движеніяхъ любви, пока заключитъ, что они обезпокоивають его грудь, какъ больные люди дополъ жадничаютъ знать исторію какой нибудь себѣ болѣзни, пока не вообразятъ, что они имѣють всѣ тѣ припадки, кошорые къ ней принадлежатъ. И по шому - шо я всегда прихожу въ великое безпокойство, когда усматриваю сіи же къ чему годныя книги въ рукахъ молодыхъ людей: по шому что я починаю ихъ за шакія, кошорыя не научить, но развратить и въ разныя бѣдспвія ихъ ввергнуть могутъ. Но хотя романы и повѣсти шрогають одинакимъ образомъ, однакожъ дѣйствія ихъ различны. Чипашель романовъ дѣлается нѣжнымъ любовникомъ и бываешъ въ самой вещи споль влюбленнымъ пастухомъ, что онъ въ состояніи повѣситься на ближайшей осинѣ, и броситься въ первой попадшійся прудъ, ешлы пошеряешъ предметъ своихъ желаній. Молодой чипашель повѣстшей дѣлается больше свѣпскимъ человекомъ, и ешлы онъ выигралъ благосклонность у своей повелишельницы; шо располагаетъ тысячу плановъ, какбы сдѣлать обладаніе ею надежнымъ, и обмануть своихъ сродниковъ.

Въ гилдіи любовниковъ находится нѣкошорой родъ хладнокровныхъ людей, о кошорыхъ

рыхъ на любовномъ языкѣ едва можно сказать, что они имѣютъ какой ни есть жаръ къ своимъ повелительницамъ. Эти люди столь тонкаго, но скучнаго вкуса, что имѣютъ отвращеніе къ грубымъ понятіямъ, которыми простой народъ соединяетъ съ любовью, и топящаяся за чѣмъ то духовнымъ и высокимъ. Сіи философы въ любви влюблены только во внутреннія свойства своихъ повелительницъ, и они были бы въ себя, еслибы могли увидѣшь голыя ихъ души, непокровенныя и блеснымъ мракомъ. Люди сего рода должны бы собственно занимать мѣсто между романическихъ любовниковъ, но они сами дали себѣ названіе любовниковъ *Платоническихъ*.

Но Платонизмъ въ нынѣшнія времена очень рѣдокъ, и гораздо многочисленнѣйшій находишься классъ любовниковъ, которымъ бы можно занять имя у Эпикурейцовъ. Славныя основанія сей секты прямо противоположаются основаніямъ Платониковъ. Они не больше думаютъ о душѣ своихъ любовницъ, какъ и Мусульманъ; но личныя преимущества приводящъ ихъ въ восхищеніе. Любовникъ сего рода безпрестанно бываетъ въ себя; страсть его столь горяча, что онъ могъ бы сожечь васъ своимъ пламенемъ; и онъ изъясняется о совершенствахъ своей повелительницы такимъ же языкомъ, какимъ хвалитъ цыганъ своихъ лошадей: „какія пре-

прекрасные члены! какія прекрасные глаза? Какая восхишительная шея и грудь! какая — о! это рѣдкое швореніе!., Поняшія ихъ не простираются далѣе виѣшнихъ преимуществъ, и ихъ раны могутъ только назваться шѣлесными ранами. Мы не можемъ сказать, чтобъ сердца ихъ были заняты любовью, хотя они и имѣютъ можетъ быть грубѣйшую спрасшь. Однакожъ должно признашья, что о сихъ людяхъ всегда говорашъ, будто они женились по любви: но сіе ничего больше не значашъ, какъ только то, что они женились изъ нужды дозволяшья свои скопскія желанія, и для шого что жена не можетъ отъ нихъ отойти.

Находяшья еще и другіе любовники, которые столь виѣпрены и горячи, что они почти каждую женщину обожаютъ, которую увидашъ. Огонь любви стольже легко въ нихъ возгараетъ, какъ изсѣкается изъ камня искра, но столь же скоро и погасаетъ. Любовникъ сего рода танцуетъ одинъ день на балѣ съ женщиною, и шеряетъ при минуетъ свое сердце, на другой день онъ возвращаетъ его при игрѣ; въ слѣдующій день ѣдетъ въ деревню, и предаетъ его по одиначкѣ всѣмъ сельскихъ красотамъ, пока опвезетъ его наконецъ съ собою въ городъ, и поручашъ первой попадшейся встрѣчу женщинѣ. Сей родъ любовниковъ весьма многочисленъ, но ихъ совсѣмъ не должно при-

причисляшь къ истиннымъ любовникамъ, потому что о такомъ человѣкѣ, который къ каждому являетъ любовь, весьма хорошо можно сказать, что онъ совсѣмъ никакой любви не чувствуетъ.

Вездѣ говоряшъ, что любовь полна воображеній: когда же существо любви состоитъ въ воображеніяхъ, то никакіе любовники, не могушъ быть истинными любовниками кромѣ тѣхъ, кои удивляются своей любовницѣ для особенной какой прелести, которая ихъ оковы-ваетъ, хотя можешъ быть сію же прелесть видя въ себѣ, не можешъ никто плѣниться. Нѣкоторые для пары прекрасныхъ рукъ вступили въ супружескія обѣщанія; другіе плѣнены были рядомъ бѣлыхъ зубовъ; и я знаю одного ученаго человѣка, который очарованъ былъ заповидными кудрями, потому что онъ почиталъ то вкусомъ древнихъ народовъ, и рудожелтые волосы прямыми только волосами. Женщины, которымъ любовники часто удивляются, находясь въ безпрестанной опасности поперяшъ ихъ; малѣйшее обстоятельство можешъ ослабить ихъ склонность. Всѣ тѣ, которые дивятся только красивому лицу и превосходству плеснаго сна, находясь въ шакихъ же обстоятельствахъ; и она часто лишала бѣдную женщину и красоны вмѣстѣ и любовника.

Но кромѣ сихъ ложныхъ влюбленныхъ людей находясь еще другіе, которыхъ любовь

божь есть истинная и основательная страсть. Справедливо, что истинная любовь должна имѣть всегда основаніемъ почтеніе. Я не скажу, чтобъ можно было сдѣлаться влюбленнымъ посредствомъ умозаключеній; но безпрестанное обхожденіе съ любви достойною женщиною должно вести насъ къ наблюденію особенныхъ ея качествъ, которые непримѣнно выигрываютъ наше сердце и производятъ всѣ надежды, страхъ и другія въ духѣ беспокойства, кои суть естественные спутники истинной любви. Любовь безчисленно была описываема; но чтобъ увѣрить, что малое изображеніе, которое я объ ней сдѣлалъ, начертано сходно съ природою, то заключу я повѣстью господина Виль и его любви достойной супруги. Виль и госпожа Изидоръ спознались между собой, бывши еще весьма молоды, и какъ Виль дружелюбно обходился со всею ея фамиліею: то можно сказать, что онъ почти у нихъ и жилъ. Въ городѣ, обдѣлывалъ онъ всегда съ ними и большую часть лѣта проводилъ съ ними въ ихъ деревняхъ. Виль и молодая дѣвушка были почтиаемы ошъ каждого за разумныхъ людей, и безпрестанное ихъ обхожденіе подало имъ твердыя доказательства о добротѣ ихъ мыслей. Одинъ находилъ удовольствіе въ обхожденіи и совершенствѣхъ другаго, и они оказывали другъ другу тысячу небольшихъ признаковъ возрастающей страсти, которые другимъ

были

были непримѣшны, правда они имѣ и самимѣ еще неизвѣсны были. Нѣсколько спустя Виль свашаешя за сѣю дѣвицу у ея опца. Но ахъ! дорѣга испинной любви никогда не бываетъ самую гладкою! чесполубіе одного сродника, привело опца къ тому, что онѣ единственню изѣ любви къ своей дочери опказалъ вѣ ея рукѣ шакому человѣку, съ копорымѣ однимѣ вѣ свѣшѣ она могла жить счасливо, пошому что онѣ воображалъ себѣ, что можешъ, какѣ обыкновенно говорашъ, выдать лучше свою дочь. Но любовь основывающуюся на справедливыхѣ началахѣ пошашнушъ шрудно; и какѣ склонности ихѣ другѣ къ другу съ лишкомѣ глубоко распустили свои корни, и не могли никакѣ бышъ истреблены: шо напоследокѣ опецѣ согласился съ досадою и вѣ половину на ихѣ соединеніе. Они имѣюшъ хорошій досташокѣ; Виль дѣлаешъ честь своею чеспностью и знаніемѣ своему чину и составляетъ благополучіе своей жены, кошорой величайшая похвала состоишъ вѣ томѣ, что добродѣтели ея достойны такого супруга. Онѣ считаешъ ея счасіе своимѣ преимуществомѣ, и примѣрѣ ихѣ доказываетъ ежедневно бшцу вновь, что когда двѣ разумныя и добросердечныя особы наѣняшя другѣ другомѣ, шо любовь ихѣ истинна и посшоянна, и что соединеніе ихѣ можно почешъ прямымѣ благополучіемѣ вѣ свѣшѣ.

XXII.

П И С Ь М О

*Индѣйца о нравахъ Евро-
пейцевъ.*

Европейцы живутъ въ самомъ благопо-
лучиѣшемъ климатѣ. Вчера вышла мода,
чтобъ брови у женщинъ сходились, и чтожъ?
Сего дня срослись онѣ у всѣхъ. Вотъ дѣй-
ствіе однихъ только сушокъ! Но это еще весь-
ма мало въ сравненіи съ шѣмъ, что я намѣ-
ренъ теперь тебѣ сказать. Здѣшнія женщины
имѣютъ нѣкошорую мазь, кошорюю онѣ естѣ-
ли намажутъ свое лице; по онѣ сего пош-
часъ произрастаютъ на немъ розы. У нихъ
естъ какая-то такая сильная вода, что она
все лице ихъ прешворяетъ. Мы думаемъ,
что у насъ скоро гоншвы будутъ фарфоро-
выя сшашуи; но Европейцамъ стѣишъ полови-
ны только шруда оживошворитъ оныя. Женщи-
ны вообще мосяшъ здѣсь волнующіеся шара-
вары. Все ихъ шѣло весьма швердо укрѣпле-
но; но ушавлено только рисованными пуш-
ками. Все ихъ плашье подымаенся и сги-
баенся. Живутъ въ домахъ, ѣздяшъ въ
домахъ, да и носяшъ ихъ въ домахъ. День-
ги дѣлаютъ то, что невольникъ въ немъ
сидитъ, а вольный его носитъ. Я всякой
день вижу такихъ людей, кошорые никогда

не показывающа въ компаніи дважды въ одномъ плащѣ, и однакожъ изъ старыхъ ни одного не опдающъ бѣдному. Въ ихъ нарядѣ видно самое лучшее архитектурныхъ столбовъ расположеніе: верьхи оныхъ исполнены различныхъ узоровъ; но большая часть столбовъ сего рода могла бы обойтись легко безъ своего купала, если бы наблюдать болѣе пользу, нежели украшеніе. Европейецъ всякой почти день ходитъ въ церковь, и при всемъ томъ не бываетъ набоженъ. Онъ пьеть цѣлой день, и однакожъ не напивается до сыща. Онъ господинъ въ домѣ, однакожъ слушаетъ всего, что ему жена ни скажетъ, и дѣлаетъ все по ея волѣ. Жены ихъ съ утра до вечера стараются нравиться, однакожъ не бываютъ приятны. Часто бываютъ цѣлой день праздны, однакожъ говорящъ, что онѣ не имѣютъ свободнаго времени. Онѣ влюблены, и ни кого не любятъ. Европейцы читаютъ и пишутъ книги, и однакожъ почти никто изъ нихъ не бываетъ ученъ. Превеликая снужа, а онѣ носятъ опахала. Однимъ словомъ, Европейецъ есть обличенное въ шѣло прошиворѣчіе. Для разведенія спорящихся споронъ имѣютъ они получающихъ за шо плашу людей, кошерые всѣ шяжбы дѣлаютъ вѣчными. Для сохраненія спокойствія въ государствѣ покупаютъ одинъ сосѣдъ право судить другаго. Мущины препровождаютъ въ ученіи лѣтъ двадцать: но

одна

одна женщина сообщаетъ имъ въ одинъ часъ
 прямыя достоинства. Люди, которые ни-
 когда не голодны, ѣдятъ цѣлый день; а кто
 голоденъ, долженъ постыдиться. Богатымъ
 даютъ въ подарокъ тысячи, а убогимъ по-
 лушку. Нищій даетъ нищему десятую часть
 изъ выпрошенныхъ своихъ денегъ, а бога-
 тый ничего. Кто изъ нихъ имѣетъ великій
 разумъ, тотъ разбуждаетъ съ большею
 снотосію. Они могутъ на десяти языкахъ
 назваться покорнѣйшими слугами, не бывши
 таковымъ ни на одномъ. Нигдѣ нельзя сы-
 скашь болѣе законовъ, и менѣе людей испол-
 няющихъ оныя. Вчера разговаривали мы о
 испинимыхъ заслугахъ; великой хвалился, что
 онъ желаетъ имъ однимъ только слѣдовать,
 но едва лишь пришла вѣсть, что нѣкоторая
 должность требуетъ исполненія, то каждый
 сыскалъ уже домашнія нужды побуждающія
 его выйти изъ собранія. И такъ они оста-
 вили меня одного, и я нашелъ шеперь случай
 уведомить себя о томъ, что я узналъ. Я
 емъ, какъ и всѣ Европейцы, то есть при
 концѣ только каждаго письма, швой покор-
 нѣйшій слуга.

ПѢСНЬ УЕДИНЕНІЮ.

Будь священо вѣчно пріятное уедине-
ніе! ты сообщникъ мудрыхъ и добродѣтель-
ныхъ; опъ священныхъ и проницающихъ очей
коихъ бѣгущъ стада невѣждъ и порочныхъ!

Какое веселіе для меня съ побою обра-
щаться и внимаешь всему нѣмому разговору,
сообщаемому невинностью и истинною, и
умягчающему нечувствительныя сердца.

Ты принимаешь тысячу видовъ, и въ
каждомъ видѣ нравишься. То являешься ты,
покрыто тайнственной дремотою, уединен-
нымъ философамъ, то прелетаешь съ холма
въ долину; то паришь ты къ небеснымъ
сводамъ, и естество въ твоихъ очахъ пор-
жествуетъ; то водворяешься въ тѣни, и
склоняешь свою въ размышленія погруженную
главу. Иногда преселяешься ты какъ па-
сухъ на луга, и играешь на свирѣли. Инсо-
гда дѣлаешься ты любовникомъ, и вмѣщаешь
въ образъ своемъ всѣ пріятности нѣжной
страсти. Посемъ принимаешь ты на себя,,
дѣлаясь нѣжно, цвѣтущей видѣ прекрасной
Розамунды, когда она въ пихой непосѣцае-
мой долине внимаетъ пѣснямъ соловья. Ты
обле-

облекаешься въ тысячу видовъ, и въ каждомъ видѣ иравишься.

Твое есть дыханіе утра, въ которое разцвѣщаетъ орошенная роза; когда блистаетъ полдневный жаръ, то швои суть молчалива рощи. Когда приходитъ вечеръ, и скрывается страна, швои есть сомнительная темнота, и часъ, который драгоцененъ для размышленія.

Ниспускающіеся Ангелы благословляютъ швою свиншу, добродѣтели мудраго, и поселенина; тебя окружаетъ невинность облеченная въ бѣлое одѣяніе, внимательное разсужденіе, законъ въ достопочтенномъ своемъ образѣ.

О! позволь мнѣ водвориться въ тайномъ своемъ мѣстопребываніи, и прими меня въ свое скрытное обиталище, всегда исполненнаго швоихъ восхищеній, всегда удаленнаго отъ свѣта, ни чѣмъ взорамъ смертнымъ неподлежащаго, когда то не Лицидасъ или не Ликоиъ.

XXIV.

Д Л Я Д Ъ Т Е Й.

1.

*Стараніе дѣтей угождать спонимъ
родителямъ.*

*Миртиль и Дафна.**Миртиль.*

Сестрица! еще рано, солнышко не вышло еще изъ за горы, и едва ли утренняя пѣвецъ поздравлялъ Аврору, а ты уже бѣгаешь по росѣ. Какое ты приутошовляешь празднество? И на что ты такъ рано наполнила овою корзинку цвѣтами?

Дафна.

А! это ты брашецъ, здравствуй. Огкуда ты идешь такъ рано? Какое ты предпріялъ намѣреніе сего утра? Я сюда пришла за фіалками и за розами, и пока наши родители будутъ спать, я сими цвѣтами усыплю ихъ поспелю; они пробудятся услыша пріятной запахъ, и обрадуются увидя округъ себя цвѣтны.

Миртиль.

Выслушай же сестрица теперь меня. Ты знаешь, что вчерась при солнечномъ захожденіи, нашъ батюшка оборотаясь къ той стороне,

фонъ,

ронѣ, въ которой онѣ часто покоишся, сказалъ: о! какъ бы я радъ былъ, есшья бы въ семъ мѣсѣ было что нибудь шакое, гдѣббъ подѣ шѣнью можно было иногда скривашься. Я это услышалъ и пришворился будто бы совсѣмъ того не зналъ, но прежде восхожденія солнца, на другой день пришелъ шуда и сдѣлалъ шамъ изъ орѣшнихъ вѣшвей шалашъ пригодной для нашего родишеля. Посмотри сесшрица, вѣдь дѣло ужѣ съ концемъ. Не сказывай же бапюшкѣ, пока онѣ самъ того не увидишъ, эшопъ день для масъ очень счасшливъ.

Д а ф н а.

Ахъ! брашецъ, какъ онѣ обрадуется, увидя вдали шопъ шалашъ! я пойду шеперь къ нашимъ родишелямъ и обкладу ихъ цвѣтами.

М и р т и я ъ.

Ну, сесшрица, какъ они пробудяшся носреди сихъ цвѣшовъ, шо неопшмѣнно съ пріяншою улыбкою взглянушъ и скажушъ, эшо сдѣлала Дафна, гдѣ-шо она шеперь: какъ мы спали, шо она шпаралась угодишъ намъ!

Д а ф н а.

А какъ бапюшка увидишъ изъ окошка шопъ шалашъ, шо конечно скажешъ; вѣрно эшо сынъ мой сдѣлалъ. Да будешъ онѣ благословенъ, ночь ме носпреяншшвовала ему

помышляяшь о угожденіи нашей старости, тогда брашець весь день будешь для насъ днемъ ушѣхъ; ибо тошѣ, кто начинаешь ушро добрымъ дѣломъ, увѣренъ что и весь день проведешь въ радости и въ добрыхъ дѣлахъ.

Переездъ съ Французскаго Ипанѣ Тимкоцскій.

2.

П О В Ъ С Т Ъ .

О двѣхъ Буянѣ.

Въ одномъ большомъ городѣ жилъ знатный человекъ, по имени *Добронравъ* съ своею супругою въ добромъ согласіи и любви. Ошѣ трехъ бывшихъ у нихъ дѣшей оспала-ся одна только семилѣтняя дочь, которую иѣжно любя, прилагали они все свое стараніе воспиташь благороднѣйшимъ образомъ: но все попеченіе ихъ оспавалось безплодно и она ни въ добродѣтели, ни въ шѣлесныхъ упражненіяхъ не успѣвала; и такъ честные сіи родители ошѣ сшуда принуждены были удалиться въ свои деревни и оспавишь городъ, дабы безъ суровой строгости нечувствительнымъ образомъ ее исправишь. А чшобы возбудишь въ ней ревность къ подражанію добрымъ поступкамъ, приняли они одну, почи

чпи такихъ же лѣшъ, дѣвушку *Разуму*. Супруга *Доброуравова* прислала къ нимъ одну бѣдную дворянку, коей добрые нравы и честное поведеніе было ей извѣстно, и препоручила ей въ надзираніе дочь свою и *Разуму*.

Буяна была лѣнива, своебычлива, упряма, не имѣла почтенія къ своимъ родителемъ, и чрезъ весь день занималась только шалостями и рѣзвостію. Какъ скоро хотѣли посадить ее учиться, или за какое нибудь руководѣніе, то она плакала и кричала, и не проходило ни одного дня, въ который бы она два, или при разѣ подлымъ наказаніемъ наказана не была. *Разума* напрошивъ того была шихаго и кропкаго нрава, ласкова, уступчива, учлива и за то ошъ всѣхъ была любима. Никакого дѣла не оспавляла она не пенявъ и не поблагодаривъ того человека, который ее научилъ. Чему она ни училась, успѣвала всегда ошчасу болѣе, и всякъ шѣмъ болѣе ее любилъ, чѣмъ болѣе *Буяну* ненавидѣлъ. *Буяна* завидовала похвалѣ, которую отдавали *Разумѣ* и вмѣсто того, чшобы сіе сдужило ей поощреніемъ къ исправленію своихъ погрѣшностей, вмѣсто того, чшобы почувствовать свои пороки: она въ нихъ болѣе ожесточалась и обвиняла оными другихъ. Родители ея при всякомъ случаѣ швердили ей: „любезная дочь! чрезъ штакое поведеніе ты будешь во всю свою

Буяною въ саду, Буяна поступила грубо
 съ своею подругою. Машъ ея велѣла ей про-
 сить у Разумы въ томъ прощенія и за-
 упрямышво ея выслала ее вонъ изъ саду.
 Буяна побѣжала было въ свою горницу; но
 какъ ей надобно было итти чрезъ аллею,
 въ которой сидѣли двѣ женщины и одинъ го-
 сподинъ, пріѣхали ея опца; но она не хо-
 тя показашься имъ съ заплаканными глаза-
 ми остановилась за деревомъ и припаялась
 такъ, чшобы ея было не слышать. Госпи,
 не знаяши, чшо она близъ ихъ находилсь,
 разговаривали о ней самой. — Какая разни-
 ца, сказала одна изъ женщинъ, между
 Разумою и дочерью Добронрапа? Раз-
 ума имѣетъ пріятный видъ, шиха, ла-
 скова, умна, всему мастерица и имѣетъ
 милovidную осанку; а Буяна злаго нрава,
 ничего не смыслитъ, упряма, лѣнива и
 своебычлива. Ее никшо не любишь, да и
 любишь не будешь. Я Добронрапу нѣ-
 сколько ужъ разъ совѣшвала оставить ея,
 или отдать въ монастырь; чшо можно
 сдѣлать съ такимъ злымъ ребенкомъ? —
 Да, сказала другая, я ея такъ не тер-
 плю, чшо опворачиваюсь прочъ, еспѣла
 когда ея вижу. О! гнусная эшо шварь! Мож-
 но ли держашь у себя эшу дѣвчонку, ког-
 да она ежедневно приносишь своему опцу
 и машери новыя досады, печаль и горесть?
 Я видѣла какъ бѣдная машъ ея плакала

„ о томъ , что она такъ зла. — Вы , су-
 „ дья , худую славу себѣ доспанете , гово-
 „ рила она къ тому господину , который былъ
 „ съ ними ; вы дѣлаете очень худо , что
 „ шумите и играете съ этой дѣвчонкой , какъ
 „ будто она того спѣяла . Она вѣдь того
 „ не понимаетъ , что вы надъ нею насмѣ-
 „ хаетесь . — О ! сударыня , подхватилъ пошль
 „ господинъ , я къ ней совсѣмъ не привя-
 „ занъ ; я никакъ о ней мыслей , что не
 „ только не хотѣлъ бы ее имѣть своею до-
 „ черью , но ниже служанкою . Сохрани Богъ
 „ еслилибъ женился на такомъ чудовищѣ
 „ Нѣтъ , сударыня я смѣюсь съ нею
 „ для того , что она глупа и насмѣшекъ мо-
 „ ихъ не разумѣетъ , для меня всегда смѣ-
 „ шны глупые ея разговоры

Такія рѣчи пронули Доброинравову дочь , она
 поражена была сими словами и очутившаясь
 вознамѣрилась съ сего времени начать исправ-
 ляясь . Залившись слезами вошла она въ аллею
 и пала въ ноги той женщины . Такъ сударыня ,
 говорила она въ горькихъ слезахъ , я все то за-
 служиваю , что вы о мнѣ говорили ; но стжалъсь
 надо мною . Я хочу исправиться , я постараюсь
 довести себя до того , чтобы и я заслуживала
 тѣ похвалы , которыхъ достойна добродѣтельная
Разума . Не покиньте меня , помогите
 мнѣ ; . . . ахъ ! помогите мнѣ исправиться , и
 испросите прощенье у моихъ родителей . Ахъ !

сколько я несчастлива, сколько я недостойна
 ихъ милости! Я не могу сама на себя гля-
 дѣть. — Слова сіи пресѣчены были воплемъ и
 горькимъ рыданіемъ; она плакала уже не отъ
 досады и упрямства, какъ-то бывало пре-
 жде; сердце ея истинно было шрокнуто и ея
 слезы были слезы раскаянія. — Госпи изу-
 мились отъ столь внезапной переменны, осо-
 бливо дивились они ея раскаянію и совсѣлен-
 ному признанію своихъ пороковъ, ибо сіе бы-
 ло въ первый разъ еще въ ея жизни; они
 возъмѣли объ ней хорошія мысли и стара-
 лись ушвердить ее въ ея чувствованіяхъ. —
 Любезное дитя, сказала одна изъ тещинъ,
 обнявъ ее, ешьли ты подлинно это чув-
 ствуешь, и истинно раскаиваешься въ ху-
 дыхъ своихъ дѣлахъ; но ты можешь испра-
 виться и быть всѣмъ сполькоже любезною,
 какъ и швоя подруга: и ешьли это такъ,
 то ты уже много исправилась. Признаюсь,
 что я не могла бы о васъ хорошо думать и
 говорить, хошябъ я и мать ваша была, и
 не простила бы васъ до тѣхъ поръ, пока бы
 не увидѣла шеперешней вашей переменны. —
 Я не о томъ прошу сударыня, отъисшво-
 вала Буяна, чтобы бапюшка и матушка
 удостоили меня той любви, кошорую они
 оказываютъ Разумъ; я хочу только чтобы
 они позволили мнѣ упасшь къ ногамъ своимъ.
 Я буду просить ихъ, чтобы они вмѣстѣ съ
 вами помогли мнѣ исправить мои пороки; я
 буду

буду спараться заслуживать у всѣхъ любовь также какъ и моя подруга. — Сударыня, сказалъ ей господинъ, когда вы сами не будете имѣть къ себѣ любви, то никто, повѣрьте, уважать васъ не станетъ. — Я достойна всѣхъ сихъ словесныхъ наказаній, ошѣтствовала молодая Доброуравова дочь; и теперь должна терпѣливо сносить оныя... Она хотѣла было продолжать, но одна изъ пріятельницъ ея мамери видя искреннее ея раскаяніе обнявъ повела ее къ ней. Молодая Буяна едва не лишилась чувствъ пришедши къ своимъ родителемъ; она не смѣла подойти къ нимъ, дрожала, но не отъ страха наказаній, а отъ стыда своихъ поступокъ. Отецъ и мать ея приняли ее съ великою радостію и милость ихъ усугубила въ ней раскаяніе. Мать ея въ слезахъ обнявши ее говорила ей: — о любезная дочь! естли ты хочешь быть счастлива, то не отлагай своего предпріятія; естли ты хочешь видѣть меня живою, будь шверда въ своемъ намѣреніи. Развращенность швоя повредила мое здоровье, и естли бы худыя швои склонности скончали болѣзнь мою, повергнувъ меня въ гробъ: то чшобы о тебѣ тогда подумали? Ты здѣлалась бы у всѣхъ презрѣнною, всякъ почталъ бы тебя за чудовище, всякъ убѣгалъ бы тебя и никтобъ не захошѣлъ на тебя и взглянуть; совѣсть бы не дала тебѣ покою, она угрызала бы тебя поминушно. — Буяна

Яна залившись слезами рыдала, кланялась и
 клаясь своимъ родителемъ, что она швердо
 намѣрена исправиться. И въ самомъ дѣлѣ
 она принялась за сіе шрудное дѣло и хотя
 сіе ей болѣе шрудовъ стоило, нежели кому
 другому; однако она въ томъ успѣла. Она
 училась день и ночь, и въ два года научи-
 лась шому, что въ прежнія пять лѣтъ упра-
 шила: однакожъ примѣшно было и то, что
 пошершняго времени возвращишь уже не мож-
 но. Знавшіе прежде *Буяну* по сей важной пере-
 мѣнѣ находили великое различіе между шепе-
 ршиною и прежнею, такъ сказать, *Буяною*. Всѣ
 ее полюбили, всѣ начали ее хвалять и ува-
 жать новыя ея достоинства. Тотъ господинъ,
 который прежде надъ нею смѣялся, встрѣ-
 чалъ ее всегда съ почтеніемъ, какое оказы-
 ваютъ мушныи жемскому полу. Родители *Буя-
 ныны* старались загладить худое мнѣніе объ
 ихъ дочери и для шого выѣхали изъ деревни;
 ибо *Буяна* была уже въ такомъ состояніи,
 что могла безъ стыда показаться въ свѣтѣ;
 словомъ она здѣлалась сколько счастливою,
 сколько прежде была несчастна. Однако *Ра-
 зума* имѣла всегда предъ нею превосходство,
 какъ въ добродѣтели, такъ въ способностяхъ
 и знаніи, для шого, что она не потеряла такъ
 какъ *Буяна* безъ пользы драгоценнѣйшихъ
 лѣтъ, которыя старалась она награждать, но
 уже поздно.

XXV.

А Н Е К Д О Т Ы .

I.

Смертный одрѣ.

Христіанъ и *Фридрихъ* были два брата знашней фамиліи. Какъ родились ихъ были богашы, шо давали имъ много денегъ, для употребленія оныхъ по ихъ соизволенію. *Христіанъ* всегда размышлялъ, какъ бы ихъ лучше употребить. Онъ давалъ большую часть бѣднымъ, неимѣющимъ пици и одѣянія; ибо онъ увѣренъ былъ, что Богъ благословляетъ человека богатствомъ единственно для того, чтобы онъ облегчалъ нужды собратьей своихъ; иногда же покупалъ онъ полезныя для себя книги, потому что онъ не только былъ смиренъ и крошкѣ, но также и любитель наукъ; ибо онъ проникнулъ, что когда хочешь онъ ближнимъ помогать, и любовь ихъ къ себѣ приобрести, шо должно ему много знать, и что онъ безславіе состоянію своему сдѣлаетъ, ежели не украситъ онаго особливыми добродѣтелями и достоинствами.

Фридрихъ напрошивъ того воображалъ совсѣмъ иначе. Онъ увѣренъ былъ, что онъ для того единственно знашенъ и богашъ, чтобы

„буду я отвѣчать, когда попотребуешь ты, у меня опчешу? — Сии мысли перзали его споль много, что душа его люшѣшею была заражена болѣзнію, нежели шѣло его. Колико желалъ онѣ, чтобѣ жилѣ прежде лучше; сѣ какимѣ смиренномудріемѣ и благоговѣніемѣ возсылалѣ онѣ Всевышнему молишвы о продолженіи дней своихѣ, дабы могѣ онѣ исправиться! Господь онымѣ виялѣ, пошому что онѣ были истинны, и даровалѣ ему здравіе. Сѣ сего времени онѣ исправилѣ, и началѣ жить по примѣру добродѣтельнаго *Христіана*. Послѣдованіе сему доброму намѣренію не ошало сѣ щещнымѣ: онѣ вкусилѣ такое удовольствіе, кошорымѣ прежде не услаждалася душа его; всякѣ любилѣ его, и искалѣ случая дѣлать ему услуги. Хорошія познанія, до кошорыхѣ достигѣ онѣ неусыпнымѣ раченіемѣ, дѣлали ему гораздо болѣе удовольствія, нежели шѣ бездѣлицы, кошорыми онѣ прежде занималѣ. Сколько благополучнымѣ почишалѣ онѣ себя, что Богѣ наставилѣ его вѣ познаніи истиннаго блага, пошому что онѣ изѣ опышовѣ узналѣ, что шолько единая добродѣтель довольно сильна кѣ содѣланію челоука счастливымѣ, и что она соединена сѣ таковою радостію, каковой никогда не могушѣ вкусишѣ порочные люди.

Немного спуспя послѣ сего *Христіанѣ* занемогѣ оспою, кошорая вѣ короткое время

время такъ усилилась, что уже потеряли всю надежду къ его выздоровленію. Онъ воображалъ часто о смерти не спрашась оной, потому что онъ зналъ, что Богъ награждаетъ по смерти добродѣтельно жизнь провозжающаго неизреченнымъ блаженствомъ. Въспомо того, чтобъ на смертномъ одрѣ, ощущать поску, взиралъ онъ на приближающуюся минуту кончины своей съ неизреченнымъ удовольствіемъ. Онъ сносилъ терпѣливо жесточайшую боль свою вруя себя волю Всемогущаго; онъ самъ еще утѣшалъ друзей и родственниковъ своихъ, которые были о смерти его безутѣшны: пока наконецъ Богъ взялъ его къ себѣ, для награжденія добродѣтельнаго его житія лучшею жизнію, и онъ умеръ весьма спокойно.

Перецель съ Нѣмецкаго Ипанъ Алферойъ.

2.

О состраданіи.

Состраданіе почиталось всегда чувствованіемъ иѣжныхъ, добродѣтельныхъ и великихъ душъ, хотя должно признаваться, что при несчастіи другихъ принимаемъ мы участіе такимъ образомъ, что оно намъ самимъ бываетъ иѣсколько и пріятно.

Какъ нѣжное соучастствованіе въ чужихъ печаляхъ, оно почивалось доказательствомъ, что человекъ одаренъ такимъ доброжелательствомъ къ обществу, которое совсѣмъ безкорыстно; и какъ пріятное чувствованіе, оно пославлялось примѣромъ нашему самолюбію. Соспирданіе рождается отъ силы воображенія, посредствомъ которой мы какъ бы приписываемъ несчастія другихъ самимъ себѣ; оно продолжается только до тѣхъ поръ, пока мы воображаемъ себѣ, что страдаемъ сами, и пріятность въ семъ чувствованіи происходитъ единственно отъ разсужденія, что наши спирданія недѣйствительны; такимъ образомъ предающа одному сну бѣдствія, отъ котораго можно пробудиться, когда захочется, чтобы радоваться о своей безопасности и чувствовашъ различіе вымысла съ истинною.

Я не хочу чиншелей моихъ удерживашъ спорами, въ которыхъ человѣческая природа, по возвышалась, по унижалась съ равнымъ жаромъ и съ равною видимою справедливостію. Для намѣренія моего довольно замѣшишь, что подъ соспирданіемъ обыкновенно разумѣется чувствованіе возбуждаемое въ насъ бѣдствіемъ другихъ, которые не находяща съ нами въ нѣжномъ союзѣ, и благососпожаніе коихъ не сославляетъ единственно нашего благополучія по сильнымъ какимъ либо склонностямъ. Ибо никто не можешъ назвашъ

состраданіемъ сѣшованія матери, у которой вырвано изъ рукъ ея чадо, и повержено безпомощно въ степи на снѣденіе дикимъ звѣрямъ; хотя чувствованіе поспороняго чело-вѣка, который бы при разсказываніи сего испу-скалъ горькія слезы, но въ скоромъ бы вре-мени позабылъ шо, и не можно назвать другимъ именемъ.

Посему когда состраданіе переходитъ въ другую спрость, когда любовь наша къ спраждающимъ чрезвычайна; тогда оно бы-ваетъ доказательствомъ больше слабости, нежели швердости общаго челошкшлюбія, за которое нѣкошорые весьма горячо вступались. Они ласкали чрезъ шо людской гордости, и прикрывали ихъ пороки, ушверждая, что одного состраданія довольно къ содѣланію людей угодными предъ Богомъ, и къ нака-занію ихъ за удовольствованіе похотѣній своихъ и небреженіе о должностяхъ.

Если бы челошкшскія чувствованія были споль чисты и безкорыстны, тобы менужно было разсказывать опущошеній мо-ровой язвы, или голода съ малѣйшими об-стоятельствами, для возбужденія чрезъ шо нашей чувствительности; мы бы конечно приняли учасіе въ несчастіи другихъ, безъ всякаго примѣса удовольствія. Пришворная печаль, при которой удовольствіе имѣетъ

споль великой перевѣсѣ, что изобрѣшающіе умы съ давнихъ временъ занимались сочиненіемъ повѣстей о вымышленныхъ спраданіяхъ, дабы произвести оную; сія прищворная, говорю, печаль перемѣнилась бы въ несмѣшничье сочувствованіе скорби, ошѣ котораго бы мы спали желашь освободиться.

Послѣ одного несчастнаго сраженія, съ офицеромъ привезшимъ о семъ извѣстіе, пріѣхалъ одинъ молодой господинъ, который, какъ скоро вошелъ въ одну компанію, по всѣмъ горѣли нещербливостію слышашь ошѣ очевиднаго свидѣтеля повѣствованіе о сраженіи.

Офицеръ сей удобно склонился удовольствовашь ихъ желаніе, какъ скоро окончались первыя учтивости. Онъ описалъ походъ многихъ тысячъ своихъ согражданъ и вступленіе ихъ на то поле, которое мгновенно покрылось шрупами поверженныхъ воиновъ. Онъ рассказывалъ, сколь часно умаляющеся войско прошивустояло выстрѣламъ пушекъ, сколь скоро оно соединялось и опять раздѣлялось. Онъ исчислялъ офицеровъ, положившихъ жизнь свою за опечесшво, которыхъ великія качества здѣлали извѣстными свѣшу ихъ имена; и упомянулъ наконецъ несчастныя слѣдствія, которыя могли произойти государству ошѣ сего пораженія. Компанія была довольна симъ рассказываніемъ, но не
была

была тѣмъ пронута; въ самомъ семъ случаѣ не были позабышы обыкновенныя учтивости. Дѣлали манежныя уклоненія предъ той дамою, которая чихнула; подчивали другъ друга шабакомъ, переходили съ мѣсна на мѣсно, дѣлали нѣкоторыя вопросы о маловажныхъ постороннихъ обстоятельствевахъ, и еще наконецъ, сожалѣли что Герой могъ умереть только одинъ разъ. Посемъ разговоръ сдѣлался общимъ и начали гововитъ къ игрѣ. Но въ самую эту минушу молодой господинъ привлекъ ихъ вниманіе. Я позабылъ, сказалъ онъ, пересказать вамъ особливую и примѣчанія достойную исторію. Одинъ капитанъ, котораго имени я теперь не вспомню, женился незадолго предъ отъѣздомъ въ армію на одной молодой дѣвицѣ, которую онъ долго любилъ нѣжно. Не взирая на всѣ уговариванія друзей ихъ и ея супруга она стояла въ помѣ усиленно, чѣмъ съ нимъ ѣхашъ, и раздѣлять его участь при всѣхъ обстоятельствахъ. Если бы онъ былъ раненъ, то она хотѣла спараться о его излеченіи и облегченіи болѣзни его лучшимъ услуженіемъ, нежели какого онъ могъ надѣяться отъ постороннихъ людей; если бы онъ былъ плѣненъ, то бы ей можешъ бытъ позволили сокращашъ печальныя и уединенныя часы его плѣна; и если бы онъ долженъ былъ умереть; то было бы для нее лучше знать о семъ вѣрно, нежели ожидать о томъ извѣстія

въ опдаленности исполненной страха и неизвѣстности, и упрекаешь, себѣ что ея присущіе и нѣжность могли бы можешь быть сохранишь ему жизнь. Капишанъ уступилъ непреборимому краснорѣчію ея любви, и наконецъ согласился, чтобы она сочувствовала ему. —

Поутру предъ сраженіемъ въ краткихъ словахъ простились они другъ съ другомъ. Она слѣдовала за нимъ глазами до шѣхъ поръ, пока могла различать его отъ другихъ; но лишь только началась пальба, она возвратилась въ палатку; блѣднѣя и трепеща сѣла она въ прискорбномъ ожиданіи окончанія. Она скоро узнала отъ переметчиковъ, и бѣглецовъ, что сраженіе ужасно, и что нѣтъ никакой надежды къ побѣдѣ. Она еще не опчаявалась, и чаяла, что мужъ ея будетъ въ числѣ шѣхъ немногихъ, которые спасутся: но вскорѣ послѣ сраженія увѣдомлена была, что его больше нѣтъ на свѣтѣ. Въ опчаяніи хотѣла она бѣжать на мѣсто сраженія, котораго непріятель еще не оставилъ, и бывшіе при ней едва могли ее отъ того удержать.

Печаль ея за ночь нѣсколько уменьшилась, и когда дано было позволеніе похоронить мертвыхъ: то она поутру въ провожаніи, одного слуги пошла сама искать шрупа сво-

своего супруга, дабы оказать ему послѣднюю любовь, и омышь гробъ его слезами супружней нѣжности. Долго ходила она между мертвыми и умирающими, разсматривала всѣ обезображенныя лица, и исполнена будучи нѣрѣшимости и ужаса долго смотрѣла на сіе ужасное позорище, какъ вдругъ услышала лайне своей сабаки, кошорая за нею слѣдовала, и кошорой она не примѣшила. Сабака стояла вѣ нѣкошоромъ отъ нея отдаленіи, и какъ скоро госпожа ее увидѣла, шо приняла несомнѣнную надежду, что она нашла злосчастнаго своего господина. Она бросилась къ нему шѣлу, при кошоромъ стояла сабака и нашла его ешоль обагренымъ кровію и обезображеннымъ ранами, что не могла распознать чертѣ лица. Исполнена будучи горести и неизвѣстности, вѣ слезахъ увидѣла она на одной рукѣ оспапокъ манжетты, кошорую она сама вязала. Она не могла болѣе сомнѣваться, чтообъ шо не былъ ей супругъ. Вѣ чрезвычайной горести упала она безчувственна на шруцѣ. Помощію своего слуги пришла она вѣ чувство, но лишась душевныхъ силъ впала вѣ безуміе, и вскорѣ пошомъ скончала жизнь свою.

Слушавшіе повѣствованіе о смерти цѣлыхъ полковъ и пошерѣ сраженія, кошорое могло нанести ихъ отечеству невозвратный уронъ, безъ сожалѣнія, имѣли непрерывное

вниманіе къ повѣсти о несчастіи одной особы. Слезы текли у каждаго изъ глазъ, и грудь каждаго была поражена состраданіемъ. Вся компанія желала слышать еще сію исторію. Сшоль велико было ихъ благопріятное состраданіе! Одна госпожа поражена была болѣе всѣхъ печалію; и спараясь черезъ силу скрыть движенія своей души, упала въ ужасный обморокъ. Вошъ случай, котораго прежде никшо не примѣшилъ, ибо каждаго око устремлено было на повѣствователя. Тотчасъ бросились къ ней на помощь, и скоро узнали, что она была мать шой женщины, которой несчастіе доставило компаніи шоль добродѣтельное удовольствіе. Невозможно было рассказать ей другой исторіи, которая бы могла имѣть на нее шакое же дѣйствіе. Склонность ея къ спраждущей особѣ была шоль сильна, что она при семъ случаѣ не могла чувствовать удовольствія отъ состраданія. —

Да не возвысимъ сего корыстнаго чувствозанія на степень величайшей добродѣтели; да научимся смиренію изъ несовершенства природы, и познаемъ нашу зависимость отъ того, который обѣщаль создашь въ насъ *ноое сердце и ноой духъ*, и приняшь насъ въ шакое мѣсто, гдѣ любовь другихъ будетъ единственно умножать наше благополучіе, потому что не будетъ шамъ никакого другаго предмета, кромѣ шаккой любви, которая совершеннѣйшее благо-

поле-

воленіе можешъ созерцашъ съ удовольствіемъ.

Перепелъ съ Нѣмецкаго Петра Молчанова.

3.

Счастливый Пилигримъ.

Одна прекраснѣйшая женщина во Флоренціи называемая Ермелиною, имѣла у себя честнаго и добродѣтельнаго мужа Альдобранда изъ города Палермы, любя другаго человека именемъ Тешальда Элизея, одного изъ прекраснѣйшихъ мужчинъ въ семъ городѣ. Нѣсколько времени любовники сіи наслаждались пріятностями нѣжной любви; предавались побужденіямъ сердець своихъ безъ всякаго ошъ другихъ подозрѣнія; но вдругъ склонность красавицы къ Тешальду перемѣнилась. Она не только запретила ему къ себѣ входъ, но не хотѣла болѣе имѣть съ нимъ никакихъ переписокъ; наконецъ прервала совсѣмъ съ нимъ дружество, не желая больше имѣть любовника. Опчаянный молодой любовникъ рѣшился навсегда оставишь сей городъ, гдѣ заключалось все его благополучіе, кошорымъ онъ наслаждался и кошорое ушрашилъ. Онъ удалился изъ своего опечесшва и оставя свои любовныя похождения, началъ упражняшь въ торговлѣ, поѣхалъ въ Леваншъ искашь

счастія, и шамъ оное обрѣлъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ возвратился въ Италію съ великимъ богатствомъ, поселился въ Анконѣ и опшуда послалъ вѣрнаго человека во Флоренцію для развѣданія, живаль еще Ермелина и ея мужъ, какъ она живешъ и въ какихъ обстоятельствахъ, надѣясь чрезъ шо получить прежній успѣхъ въ своей спрасити и возвратиться къ ней, когда найдешъ способное къ шому время.

Прошло ужѣ пятнадцать дней, какъ посланный отъ Тешальда отправился во Флоренцію и не писалъ къ нему ничего. Любовникъ будучи неперпѣливъ, не получа никакихъ извѣстій, рѣшился самъ ѣхать во Флоренцію - названшись Пилигримомъ. Онъ сдѣлалъ себѣ подложную бороду, большую шляпу, которая покрывала часть его лица, рясу, которая скрывала его станъ, чопки, крестъ и поясъ, которые придавали ему видъ путешественника возвращающагося отъ святаго гроба Іерусалимскаго. Въ шакомъ уборѣ Тешальдъ показался въ своемъ опечесствѣ. Онъ старался во первыхъ, сколько можно часто, проходить мимо дому Ермелины и Альдобранда, въ кошоромъ онъ увидѣлъ ворота и окошки крѣпко запершы, и сей домъ казался ему пустъ. Сіе нѣсколько его обезпокоило. Онъ спрашивалъ у сосѣдняго сапожника, отъ чего

происходитъ сія печаль, которая казалось
 царствовала въ семь домѣ. „Хозяева, го-
 „ворилъ сапожникъ, въ великомъ несчастіи.
 „Ужè нѣскольکو дней какъ хозяинъ сего дому
 „содержишся подѣ карауломъ; его подозрѣва-
 „юшъ въ смертоубийствѣ нѣкотораго человѣ-
 „ка, дѣланъ былъ ему допросъ, и говоряшъ,
 „что дѣло его идетъ худо; вѣрная его су-
 „пруга содержишся вмѣстѣ съ нимъ въ пе-
 „мницѣ, хоня, сказываюшъ, что убишый
 „былъ старой любовникъ сей госпожи.

Можно думать, что вѣсть сія сильно
 пронула Темальда. Онъ пошелъ послѣ сего
 изъ сей улицы въ другую, гдѣ жили два
 брата его, которыхъ онъ оставилъ во Фло-
 ренціи, и къ которымъ давно не писалъ. Онъ
 увидѣлъ ихъ выходящихъ изъ своего дому
 въ глубокомъ шраурѣ; за ними слѣдовали
 служилыи въ такомъ же нарядѣ. Увидя шо,
 онъ подошелъ къ лавкѣ цырюльника и спра-
 шивалъ у него, что эшо за люди, и какое
 приключилось имъ несчастіе. Эшо онвѣчалъ
 онъ „два господина по фамиліи Элизей и съ
 „ними недавно случилось великое несчастіе.
 „Они имѣли у себя брата, и шому ужè нѣ-
 „скольکو лѣтъ, какъ онъ оставивъ свое опе-
 „чешво, принялся за торговлю; приобрѣт-
 „ши великое богатство, онъ намѣренъ былъ
 „перевести его въ свое опечешво; и такъ
 „возвращился сюда скрышно, дабы нечаянно

„ удивись, какъ онъ думалъ, прежнюю свою
 „ любовницу. Но едва онъ пробылъ день во
 „ Флоренціи, какъ ревнивой ея мужъ убилъ
 „ его до смерти. Братья начали мстить за
 „ сіе убійство, и нѣмъ сомнѣнія, чшобъ они
 „ въ шомъ не успѣли. „

Удивленіе Тешальда было чрезвычайно! Онъ не понималъ, откуда почитали его уби-
 шымъ, когда онъ дѣйствительно рѣ живыхъ
 находился. Между бмъ не перемѣняя своей
 выдумки, онъ нанялъ домъ сходственный съ
 принятымъ имъ на себя званіемъ. Ему от-
 вели въ прешемъ этажѣ маленькую комна-
 ту, подлѣ кошорой находилась другая нѣ-
 сколько побольше, въ коей спали двое прі-
 ѣзжихъ. Какъ онъ увидѣлъ ихъ въ замоч-
 ную щель, то неизвѣстное нѣкое побужде-
 ніе заставило его бышь къ нимъ вниматель-
 ну. Когда они легли спать, то одинъ изъ
 пріѣзжихъ говорилъ другому споль неоспоро-
 жно, чшо Тешальдъ, могъ выслушать до
 слова сей ихъ разговоръ: „ Товарищъ, го-
 „ ворилъ одинъ, изъ нихъ. Мы хорошо
 „ сдѣлали, чшо взяли у того челоука
 „ однѣ шолько деньги, разбивши ему голо-
 „ ву, и оставили у него бумаги, кошорыя
 „ были у него въ карманахъ; шеперь нѣчего
 „ намъ бояшся поисковъ. Это конечно былъ
 „ Тешальдъ уроженецъ сего города, давно уже
 „ выѣхавшій въ другое государство. Онъ
 „ былъ влюбленъ въ одну женщину, то ду-

„маюшѣ шеперь, что онѣ возвратился кѣ ней,
 „и подозрѣваюшѣ, что его убилѣ ревнивой
 „мужѣ; онѣ взяшѣ подѣ караулѣ, его до-
 „прашивали, и я думаю, что онѣ не спер-
 „пя допросовѣ обвинилѣ себя. Его будущѣ
 „завтра судитѣ, и скоро пошомѣ накажутѣ.
 „Этомѣ бѣднякѣ заплашитѣ за насѣ! „

Тешальдѣ, слыша то, узналѣ, что уби-
 тый былѣ его повѣренный, котораго послалѣ
 онѣ изѣ Анконы во Флоренцію. Лице сего
 несчастнаго было обезображено, и его карма-
 ны наполнены были письмами Тешальда, вѣ
 которыхѣ содержались его дѣла; а пошому
 и не сомнѣвались, чтошѣ это не былѣ онѣ
 самѣ. Альдобранда обвиняли напрасно; и онѣ
 вѣ допросѣ, не сперпя спрогой пышки, при-
 зналѣ себя виноватымѣ, хотя таково злодѣй-
 ства не былѣ никогда виновникомѣ. Те-
 шальдѣ принялѣ вдругѣ рѣшишельное намѣ-
 реніе оправдать мужа своей любовницы. Онѣ
 не хотѣлѣ вышши прежде ухода мошенниковѣ,
 и не говорилѣ ничего о томѣ, что слышалѣ,
 опасаясь подать имѣ причину кѣ подозрѣ-
 нію, что онѣ ихѣ подслушалѣ. Послѣ ихѣ
 ухода, Тешальдѣ одѣвшись вѣ свое пилигрим-
 ское плашье, пошелѣ кѣ своей любовницѣ,
 которую нашелѣ одну вѣ бѣдшвенномѣ томѣ
 мѣстѣ весьма печально ожидающую осужде-
 нія своего мужа. Сердце ея было перзаемо
 печалію: сѣ одной стороны она видѣла сво-
 его мужа почти уже влекомаго кѣ казни; а
 сѣ

съ другой стороны думала, что потеряла любовника, которого никакъ позабыть не могла. Тешальдъ нашелъ случай войти къ ней. Ахъ! сказала она увидя его уборъ, удалась несчастной, я думаю теперь совсѣмъ не о томъ, чтобъ дать тебѣ милостыню. Нѣтъ, отвѣщивовалъ ей Тешальдъ, перемѣня свой голосъ, и говоря грубою рѣчью приличествующею спраннику, я не требую у тебя милостыни, но принесть напрошивъ того тебѣ помощь и утѣшеніе. Я изъ Константинополя, и прибылъ не давно изъ сей опдаленной спраны; я опредѣленъ провидѣніемъ прекратить твою печаль и слезы. — Знаешь ли ты, кто я, сказала госпожа. — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Пилигримъ; ты называешься Ермелиною и пр. . . . началъ по порядку рассказывать ей ея исторію, какъ такой человекъ, которой зналъ ее коротко. Она слушала его въ глубокомъ молчаніи и съ удивленіемъ; но какъ только дошла рѣчь до Тешальда, то при семъ имени Ермелина вскричала. Увы! Божій человекъ, когда ты все знаешь, ты знаешь и то, что мы чрезъ долгое время любили другъ друга съ великою искренностію; духовникъ мой, которому я должна была открытъ всѣ свои тайнѣйшія мысли, родилъ во мнѣ сомнительство, отъ котораго прекратилось мое счастье. Дочь моя, сказалъ ей Пилигримъ крошкимъ голосомъ, никогда не должно вѣрить тому, что

гово-

говорятъ сіи люди. По ихъ мнѣнію великой грѣхъ любить человѣка пріятнаго, когда кто имѣешь дурнаго мужа. — Увы! онъ безъ сумнѣнія не позабылъ меня; онъ возвратился, чшобъ меня увидѣшь, и онъ былъ жертвою неосмошрительнаго намѣренія, которое принялъ для того только, чшобъ со мною соединиться; онъ былъ убитъ, и я думаю, чшо мой мужъ совсѣмъ невиноватъ въ семъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ. Тешальдъ заславляетъ меня проливать горячайшія слезы. Сударыня, сказалъ Пилигримъ, скрывая свое смяшеніе, хопя ты прежде и любила Тешальда, однако давно уже его не любишь! — Чшо ты говоришь, вскричала Ермелина? Нѣтъ онъ всегда владѣетъ моимъ сердцемъ; и теперь его образъ владѣетъ онымъ. Хорошо, сударыня, сказалъ преобразившійся любовникъ, Тешальдъ не умеръ; и чшобъ тебя увѣришь въ шомъ на самомъ дѣлѣ, то посмотри на эшотъ персень, который всегда принуждалъ меня съ шобою видѣться — Великій Боже, возопила Ермелина, увидя свой персень, я узнаю сей залогъ нѣжной любви, который я подарила, когда . . . — Ахъ! Такъ познай же во мнѣ своего любовника, сказалъ ложной Пилигримъ, говоря хорошо по Тоскански, и бросаю свою ложную бороду и епанчу — Небо! Тешальдъ! Любезной мой, воскликнула Ермелина, всшавъ и обнявъ его — Предметъ

всегда любезный моему сердцу, прервалъ счастливой Пилигримъ, оставимъ до счастливейшихъ временъ нѣжныя изъясненія, которыя напоминаютъ мнѣ пріятнѣйшее удовольствіе. Постараемся сохранить твоего супруга и честь твоего дому.

Наконецъ не теряя времени Тешальдъ пошелъ къ главному суду уголовныхъ дѣлъ во Флоренціи. Альдобрандъ былъ уже приведенъ къ осужденію, и когда онъ предсталъ, то Тешальдъ его узнавши, доказывалъ, что преступленіе было выдуманное. Потомъ онъ объявилъ то, что слышалъ отъ двоихъ мошенниковъ, которые убили его повѣреннаго. Ихъ осановили въ самое то время, когда они о семъ и не думали, начали допрашивать и они признались въ семъ убійствѣ и были наказаны. Добродѣтельный Альдобрандъ не могши довольно возблагодарить своему любезному избавителю, сдѣлался его вѣрнѣйшимъ другомъ и обязалъ жену свою почтивъ его шаковымъ. Ермелина, Альдобрандъ, и Тешальдъ спали жить въ совершенномъ дружествѣ. Нѣкоторыя Флорентинцы (ибо сей народъ обыкновенно подозрительны) говорили иногда добродѣтельному Альдобранду, что такое дружеское соединеніе Тешальда и его жены должно быть для него подозрительнымъ, и его честь подвержена нѣкоторымъ опасностямъ; но добродѣтельный мужъ отвѣ-

сво-

спсвовалъ : я никакъ не могу подозрѣвать его въ помѣ, чинобъ онъ дѣлалъ мнѣ безчестіе, какъ шакого челоѣка, копорый оказалъ мнѣ споль важную услугу, и копорому обязанъ я моею жизнію и честию.

Перецелъ съ Французскаго Василій Псіоль.

4.

Великодушіе.

Циганду Калмыцкому Хану случилось нѣкогда на охотѣ слѣдующее несчастіе : невольникъ его пушилъ стрѣлу, копорая попала ему въ глазъ и выбила его вонъ. Всѣ соспавляющіе его свішу бросились на несчастнаго невольника и хотѣли убить его до смерти; но Цигандъ сему пропиваясь сказалъ : „Оспавьте его въ покоѣ; ибо онъ сдѣлалъ сіе не съ умысла. Его смерть не возвратитъ мнѣ глаза, копорого я лишился по несчастному случаю. Онъ не будучи доволенъ шѣмъ, что спасъ жизнь сего несчастнаго, далъ еще припомъ ему свободу.

5.

Завапной разгопоръ.

Нѣкоторые два друга не издавшись долго между собою, встрѣтились нечаянно на дорогѣ, и одинъ спросилъ у другаго, какъ

ты поживаешь? — Не очень хорошо, сказалъ другой; я женился. — Изрядная новость! — Не очень изрядная, ибо я взялъ за себя весьма злую женщину. — Тѣмъ хуже — Нѣтъ не очень худо, ибо за нею приданаго 2000 рублей — Это утѣшно. — Не очень утѣшно, ибо я употребилъ сіи деньгина барановъ, кошорые всѣ померли, — Это весьма жалко. — Нѣтъ не очень жалко; ибо я продалъ ихъ кожи гораздо дороже, нежели чего они споили — И такъ ты себя до убышку не допустилъ? — Да вѣдь это еще не все, ибо мой домъ, въ кошоромъ я положилъ деньги, шеперь сгорѣлъ. — Ахъ это доспойно сожалѣнія — Правда, что доспойно, но не много, потому что съ домомъ и жена моя вмѣстѣ сгорѣла.

XXVI.

НОВАЯ ЛОГИКА.

Предупѣдомленіе.

Прежде всего всѣмъ моимъ чашашеламъ за нужное нахожу обѣявить, что я до споровъ великой охотникъ. — Всякой самъ пускай догадаешся, для чего я его о семъ напередъ увѣдомляю, а я еще повшорю, что споръ мое любимое дѣло. Ешшли я найду кого нибудь

изъ

изъ моихъ чипашелей себѣ подѣ пару, по я симъ буду чрезвычайно доволенъ и въ эшомъ самъ за себя ручаюсь. Пускай кто опивѣдаетъ въ эшомъ миѣ не вѣришь! — Ежели бы я вздумалъ себя хвалишь, по я бы могъ всѣмъ за подлинно донести, что я всѣми потребными къ тому качествами отъ природы одаренъ съ избыткомъ; о достоинствахъ же моихъ шеперь умалчиваю, а со временемъ съ желающими, послѣ когда нибудь келейно могу о семъ переговорить. Берегись, любезный чипашель, въ чемъ нибудь меня порочишь; я готовъ тебѣ какъ честный респондентъ и спешенный вертопрахъ побожиться, что голосъ у меня швердый и пронзительный; крикъ мой хоть кого, шакъ оглушитъ и напросивъ шого всякаго глухаго зашавишь слышашъ; а доводы къ убѣжденію упошребляю я шакіе сильныя, что буде кому себя не жаль, по пускай пошробуешъ ихъ опивѣдашь. И шакъ я тебѣ накрѣпко наказываю и подшверждаю, шшобы ты слова мои слушаешь обоими ушами. Для чего шакъ? Спросишь ты меня. — Для шого, что я шакъ хочу, шакъ люблю и шакъ водишся; причина кажешся немаловажная. Такимъ образомъ оградивъ тебя сею предосторожношю приступлю къ самому дѣлу.

Первый попросъ: Случалось ли тебѣ, Господинъ Чипашель, съ кѣмъ нибудь о чемъ

спорить? — Я думаю, что не безъ того; какъ прожить безъ этого человѣку? И шакъ мы не сомнѣваясь о семъ не будемъ долго сего изслѣдовать.

Вопросъ второй: Ну, когда шакъ, то ещели случилось тебѣ оспоришь своего противника, не любо ли тогда тебѣ было?

Безпристрастный отцѣтъ: Безъ сомнѣнія.

И мнѣ шакъ.

Вопросъ третій: А ежели случалось, что иной и тебя оспаривалъ, тогда что? Что до меня касается, я въ такомъ случаѣ бываю въ превеличайшемъ энтузіазмѣ. Тогда я, въ противность премудрой Метаморфозы, самъ на себя бываю непохожъ, и какъ Пропей перемѣняю разнообразныя мои виды: лице мое спановишя бѣло какъ снѣгъ, или походишь иногда на синій кувшинъ; глаза краснѣютъ какъ сафьянъ; рву и мечу все, что мнѣ ни попадется; а за неимѣніемъ чего другаго и самыхъ моихъ разчесанныхъ волосъ и Французскихъ филейныхъ манжетъ не щажу, хотя сіе можно почестъ за смертоубивство. Словомъ и самому Овидію трудно было бы описать тогдашнія мои превращенія. А чтобы предохранить себя, Г. Чишатель, отъ подобнаго всего тѣла и души сотрясенія, то я хочу тебѣ сообщить всѣ со-

бран-

бранные мною доводы къ убѣжденію своего противника согласишься на то, на что ты согласишься.

О СОСТЯЗАНІЯХЪ.

Первый методъ состязанія въ употребленіи былъ *Сократической*. Сократъ выдумалъ способъ доказывать истинну подѣ видомъ разговора. Выпустивъ на сопротивника своего кучу вопросовъ одинъ за другимъ, его же собственными словами убѣждалъ онъ его до того, что тотъ всегда самъ добровольно признавался въ своей погрѣшности и самъ опровергалъ предвзятыя имъ о чемъ либо мнѣнія. Сей способъ нападенія загоняетъ непріятеля въ шѣсный уголъ, захватываетъ всѣ дороги и заградивъ всѣ узкіе проходы, чрезъ копорые бы онъ покусился могъ на спасеніе свое, принуждаетъ его здаться на волю побѣдителя: однако онъ нынѣ не въ модѣ.

Аристотель перемѣнилъ образъ атаки и изобрѣлъ множество маленькихъ спрѣлъ называемыхъ *Силлогизмами*. Въ Сократическомъ способѣ словопрѣнія ты согласишься во всемъ съ своимъ соперникомъ; въ Аристотелевомъ ты еще сомнѣваешься, самъ себя не вѣришь и противорѣчишь до времени: такъ что можно сказать, что Сократъ побѣждаетъ хитростію искусства, Аристотель

силою, шотъ употребляетъ Спраттагеммы, а сей оружіе; одинъ беретъ городà подкопами, другой съ шпагою въ рукахъ.

Европейскіе Университеты чрезъ многіе годы сражались между собою на *Силлогизмахъ* съ такимъ жаромъ, что многія сполѣшія прошли въ однихъ *попросахъ* и *сопрошеніяхъ*, *положеніяхъ* и *позраженіяхъ*, и весь смыслъ цѣлыхъ вѣковъ погребенъ былъ въ однихъ безчисленныхъ и безконечныхъ *раздѣленіяхъ* и *подрѣзденіяхъ*.

Когдажъ Академіи и Университеты обзорѣвшись увидѣли, что спорисья такимъ образомъ можно безъ конца: то изобрѣли иной родъ убѣжденія, кошорый не лзя привести ни въ какую Аристотелеву фигуру. Онъ названъ былъ *Argumentum Basilinum*, ныне пишутъ *Bacilinum* отъ *bacillus*, (палочка) и *Baculinum* отъ *Baculus* (палка), т. е. *палочный доподъ* или *палочное состязаніе*. И такъ когда они не могли убѣдишь пропивника своего различными фигурами Силлогизмовъ; то прибѣгали къ сей новой фигурѣ, кошорою въ скороспи съ успѣхомъ всякаго низлагали. Способъ сихъ полемическихъ состязаній былъ такой: сперва надлежало послать авангардією, или передовыми войсками кучу разныхъ Силлогизмовъ *in Barbara, Celarent, Barocco, Bocardo, Calemes, Fesapo, Ferison, Felap-*

Lapton и пр. середину составить изъ отборныхъ коренныхъ ругашельствъ; а пошомъ выпустить аррьергардію или задній дешашементъ, но есть, принясья за волосы и дубье, и сраженіе продолжатъ до шѣхъ поръ, пока шѣмъ, или другимъ образомъ не сокрушатъ прошивничьихъ зубовъ.

Сіе обыкновеніе, какъ я думаю, было въ великомъ употребленіи въ Эразмовы времена; ибо онъ сказываетъ намъ, что по возстановленіи Греческихъ письменъ большая часть Европейскихъ мудрецовъ раздѣлились на Грековъ и Троянъ: послѣдними были шѣ, копорые питали смертельную ненависть къ Греческому языку и для того дышали непримиримою злобою противу Грековъ, такъ что естли они встрѣчались когда между собою; но у нихъ не проходило безъ того, чтообъ не попочивашъ другъ друга такъ, какъ водился между лютѣйшими непріяшелями. Эразмъ и самъ кажешся имѣлъ когда-то несчастіе попасть въ руки Троянской шайки, копорая шузами и оплеухами оппочивала его такъ ловко, что онъ сей пріязни не могъ забыть до смертнаго часа.

Есть еще похожій способъ убѣждать другихъ, копорый также въ употребленіи и состоишъ въ томъ, чтообы съ каждой спорны выставить по сту тысячъ сосязашелей

лей, или убѣдителей, и сіи *Дефенденты* доказываютъ несправедливость *Оппонентовъ* силою громогласныхъ провозвѣстниковъ истинны, называемыхъ въ проспорѣчїи пушками, морширами, ружьями, мечами и пр.

Самый же убѣдительнѣйшій аргуменъ, копорый только можно представить глазамъ прошивника, называется попросту *пытка*. Въ Англіи сей образъ умствования имѣлъ шоль великія дѣйствія, что ошъ того, какъ шо мимоходомъ упоминаешъ Г. Баиле, цѣна дровамъ и лѣсу гораздо поднялась, и они нарочито вздорожали по причинѣ частыхъ шакихъ соспязаній, или испязаній происходившихъ въ Смишфильдѣ. Убѣждающіе упошребляли въ доводы свои разнаго рода *Сориты*, ш. е. шакіе силлогизмы, копорые состояшъ изъ множества мѣлкихъ въ кучу собранныхъ положеній; просто называемыхъ *кошперъ дрвѣ*, дѣбы, зашѣнки и прочая шакого рода збура; и успѣшныя ихъ дѣйствія шакую славу прїобрѣли въ цѣломъ свѣшѣ, что упошребленіе ихъ повсюду разсѣялось и сдѣлалось всеобщимъ; а свяшая Инквизиція прїсвоила себѣ исключительное право и верховную власшь пользоваться симъ преимущесшвомъ. Они часто съ успѣхомъ упошребляемы были въ обращеніи заблуждающихъ и невѣрныхъ къ вѣрѣ Христіанской. — Иногда люди выводимы были изъ заблужденія и при-

примирились съ истинною силою здраваго разсужденія, остроумія и благоразумія съ стороны убѣждающихъ; но сей способъ найденъ не такъ дѣйствительнымъ и для того оставленъ. Для скорѣйшаго жъ разрѣшенія всѣхъ сомнѣній изобрѣшены были особливые убѣдительные доводы. Кнушы, пещи, висѣлицы, колья, колеса, огонь и другія костоломныя орудія и машины признаны были всеобщимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ убѣжденію; а какъ они приведены были съ раченіемъ въ систему, то и сосставляли Христіанское дополненіе къ древней языческой Логикѣ, или наукѣ умствования.

Есть еще способъ убѣждать другихъ, который рѣдко не удавался, хотя онъ и совсѣмъ прошивнаго свойства опъ прежнихъ аргументовъ. Съ начала свѣта онъ былъ въ употребленіи и теперь еще не переводится и состоитъ въ томъ, чтобъ противорѣчущимъ осыпать добрую мѣру денегъ. Удивительно, какъ сей Силлогизмъ занимаетъ рошъ самымъ сильнѣйшимъ крикунамъ и упорнѣйшимъ прошивоборникамъ. Сіятельное и превосходительное золото свѣтомъ своимъ просвѣщаетъ всякаго недоумѣвающего, разгоняетъ въ одинъ мигъ всѣ сомнѣнія и подозрѣнія, выводитъ всякаго изъ невѣрія и заблужденія; и человекъ, снабдѣнный довольнымъ запасомъ денежнаго ума, гораздо скорѣе

рѣе и удобнѣе убѣдить можешъ своего противника, нежели шомъ, который испоцилъ бы на то всю свою Философію. Умствовашь такимъ образомъ называется *подкупать* и денежные силлогизмы часто имѣли такіе успѣхи, коихъ опъ всѣхъ вышесказанныхъ получить было не возможно. На примѣрѣ: я заподлинно увѣренъ и за самую истинну при- емлю, что я достоинъ ѣздить четвернею (*), но никакъ не хочешъ мнѣ въ шомъ по- вѣришь. Какимъ же образомъ убѣдишь шолікое число соперниковъ? — Всѣ другіе доводы шомъ недѣйствительны: но когда я принесу съ собою денежные аргументы, удивительно какъ всѣ согласяшся на мое мнѣніе. Мало по малу выведу всѣхъ изъ заблужденія и докажу, что я дѣйствительно Маіоръ и всѣ въ шомъ сами признаюшся. А какъ сомнѣніе рѣшишь не рдругъ можно, то и въ семъ случаѣ сперва увѣрю я другихъ, что я Гвардейской Унтеръ - Офицеръ, — ну, какого нибудь калибера: — пошомъ убѣжду уже въ шомъ, что я истинно Офицеръ, на примѣрѣ Адьюшантъ какой нибудь! на послѣдокъ и весь споръ кончу, когда послуживъ пойду въ опставку. — Ну, Господа Оппоненты, не Маіоръ ли я? — Воистинну такъ. — Но ты, можешъ бышь, спросишь меня,

Г.

(*) Сіе и приличнѣе человѣку, ибо онъ изъ рода живошныхъ.

Г. Чишашель, достоинъ ли я еще сего достоинства? Конечно. Какъ не достоинъ когда есть деньги? — Такимъ, или инымъ образомъ, только истинна моя доказана; спорить не о чемъ; я Маіоръ, далѣе же что Богъ дастъ. Можно изъ отставки вступить опять въ службу и послѣ опять пойти въ отставку. — Хорошіе успѣхи сего надежнаго доказательства разлили повсюду просвѣщеніе и всякой нынѣ принялся за Логику сего рода. А какъ между Логическими правилами не послѣднее мѣсто занимаетъ и сіе извѣстное всѣмъ положеніе, что примѣры объясняютъ истинну: по для сей-шо довольной причины, (безъ копорой ничто не бываетъ,) приведу я еще одинъ примѣръ для доказательства справедливости денежныхъ силлогизмовъ. На примѣръ: я купецъ, и зашпочный, — ну такъ мнѣ спыдно уже приносить пользу отечеству и быть сорокоалтынникомъ; лучше быть безплоднымъ дворяниномъ, или негоднымъ офицеромъ, только бы не купцомъ. Достатокъ у меня есть, денежный умъ накопилъ мнѣ мой дѣдушка и онъ достался мнѣ послѣ башюшки; чегожъ еще? Семъ зафилософствую!

Силлогизмъ in Barbara.

Первая посылка a priori: „Чтобы по-лучить благородство, должно имѣть Маіорской, или, по крайней мѣрѣ, Оберъ-Офицерской чинъ.

Вторая посылка: „А какъ всякой имѣющій денежный умъ долженъ быть и есть благороденъ. (Ex indubia experientia a posteriori:)

Заключеніе: „слѣдовательно всякой имѣющій денежный умъ долженъ быть и есть Шшабъ, или, по крайней мѣрѣ, Оберъ-Офицеръ.“

Вотъ мой силлогизмъ и вотъ мое умствование! Оно ясно показываетъ, что побужденіе мое не долго должно оставаться въ недѣйствіи. Нѣчего ждешь! Всѣ богатые прежніе купцы такъ умствовали, и всѣ они теперь дворяне; чего и мнѣ звать? — Но я напередъ вижу, что ктонибудь изъ моихъ чинашелей со мною будетъ въ этомъ спорить. — Я догадливъ! — Я слышу, мнѣ кто-то уже и говоритъ, что лишеніе достаточнаго купца стоить государству больше, нежели потеря богатаго дворянина, и что чрезъ это дѣлается переворотъ, а часто и подрывъ торговль и слѣдовательно уронъ отечеству. — Отечеству моему никакого урона отъ того не будетъ, смѣло я объявляю. — Какой шумъ уронъ? — Если я, будучи купцомъ, былъ *Иванопичъ* или *Васильепичъ*, то сдѣлавшись дворяниномъ развѣ не буду я пошъ же *Иванопичъ*, или пошъ же *Васильепичъ*. Пустое! Не только отечеству, ни имени, ни прозвищу моему нѣтъ шумъ никакого ущерба, а еще бу-

будетъ приращеніе; потому что къ сему прибавлять еще будутъ *его благородіе*, или *пысоковладородіе*. Нѣшъ, нѣшъ; опечеству моему нѣшъ никакого опъ шого накладу, а еще есть барышекъ. — Естли же ты опечествомъ называешь что нибудь другое; такъ я тебѣ искренно скажу, что я, что такое Опечество, не знаю; а что ты говоришь о шорговлѣ, такъ знай, что я и знашь ея не хочу: да мнѣ же до того и дѣла нѣшъ. Былъ бы я лишь сышъ, доволенъ и въ чеспи, а о прочихъ я не забочусь. — Не вини меня за эшо, любезный чипашель, посмотри самъ: естли въ обоихъ сполчныхъ нашихъ городахъ, хоша одинъ богатый купецъ, у котораго бы по крайней мѣрѣ дѣши не были записаны въ гвардію? Они вѣдь не будутъ ужѣ купцами, всѣ богачи оставяшъ лавки и первая гильдія скоро совсѣмъ опустѣетъ: но они объ эшомъ не забошятся, такъ мнѣ для чего? Что я шущъ за припека? Правда, я знаю одного купца, по прозванію Господина Сп., который хоша и денежнымъ умкомъ зашпochenъ, и имѣетъ удобный случай въ недѣлю выслужить Офицерской чинъ, однако о шомъ не забошится и думаетъ, что полезный опечеству купецъ лучше безплоднаго дворянина; положимъ, что такихъ купцовъ число и очень велико, и пусть простирается даже до цѣлаго десяшка: но я на такихъ

не гаяжу. — Бышь купцомъ сорокоалпынѣ
никомъ, воля швоя, спыдно; всѣ такъ гово-
ряшѣ, хошя я и не знаю, почему! —
Одного также знакомага мнѣ купчину Г. Само-
любоца выбрали было вѣ здѣшній магистратѣ
судьею; пришло шрудиться, а не хочеться.
Вѣ первый разѣ денежныя мѣшки, избавише-
ли шрудовѣ и забовѣ, исключили его изѣ чи-
сла выборныхѣ; вдрогорядѣ прозвенѣло се-
ребрецо, блеснуло вѣ глаза, зашкнуло уши,
зажало всѣмѣ ротѣ, — настала шишина и
глубокое молчаніе; всѣ повиновались громкому
гласу повелѣвающаго серебра. Вѣ третій разѣ
пришла таже учась. Опшкупашься онѣ уже
поскупился, да и шрудновато было. —
Чшо жѣ дѣлать? — Два года былѣ онѣ бо-
ленѣ; а какѣ дѣло доходило уже до худова,
шо на третій годѣ выздоровѣлѣ Порущи-
комѣ, и шеперь ешьли и имѣешѣ какія хло-
пошы, такѣ по крайней мѣрѣ для себя, а не
для общества. — На что служить опшече-
ству? Лучше бышь шунейдцемѣ; смѣло сту-
пай вѣ опшсавку! — Довольно послужилѣ
Государю, ешьли перелышалѣ всѣ балы,
спекшакли, клобы и маскерады; чего больше?
— ЧТО НАДЛЕЖАЛО ДОКАЗАТЬ. — Такѣ-
шо и я сдѣлаю! — Какимѣ же образомѣ посту-
пишь вѣ эшомѣ случаѣ? — Сшѣишь шоль-
ко собравшь сѣ серебряными мыслями, за-
пасши золошой умѣ, начинишь имѣ карманы,
или мѣшки и пойши показашься Секреша-
рямѣ,

рямъ, Адьютантамъ и Камердинерамъ какого нибудь большаго боярина и помощію ихъ будетъ дѣло съ концемъ! — О разумные мѣшки! О премудрыя денежки! Щедрые благъ податели! Милоспивые трудовъ избавители! Вы - то убѣждаете скорѣе всего сомнящихся и недоувѣряющихъ противниковъ! Неотѣненные сосязашели! Вы - то поборники по истинѣ! Вы - то доказываете все, что хотите, сиссемапически и аргументально.

Въ приказномъ родѣ людей отъ частаго упошребленія сихъ доводовъ, Силлогизмы денежнаго разума получили особливое наименованіе, извѣстное подъ словомъ *Акциденци*, котораго синонима *пзятки*. Сіи люди такіе силлогизмы, доводы и доказательства всегда наизусть помняшъ, и шакъ швердо сію науку знающъ, что прошверживаніе своихъ уроковъ дѣлающъ шолько помня, какъ они говорятъ, правило; *что де повтореніе есть мать ученія*. Одинъ судья въ В. . . . сполько любилъ сію науку, что при случающихся спорныхъ и шяжебныхъ дѣлахъ на поданныя челобитныя не иначе рѣшеніе чинилъ, какъ сперва отдавъ оныя обратно своему Секретарю съ надписью: *Спрциясь* (Нѣ. то ешь съ денежнымъ шяжущихся умомъ) *доложить*.

Коснувшись подъяческаго рода людей, вдругъ нахожу обильные ручки къ разгла-

гольспивованію съ побою Г. Чипателъ. Сіи лю-
ди (Nb. не худо также замѣтить сіе о Фран-
цузахъ и Нѣмцахъ) олимпіино искусны зама-
нивать къ такимъ аргументамъ. Всѣ ихъ
доводы и Силлогизмы основаны на томъ,
что де понеже имѣется, того для.....
далѣе по себѣ разумѣется. Они могутъ
быть лучшими руководителями въ наукѣ на-
коплять денежный умъ. Пошому, что они
сами всегда служатъ въ томъ примѣромъ.
Ученіе ихъ споль обширно, что всякая вещь,
всякое слово входитъ въ ихъ систему, и сіе
вездѣ подаютъ имъ поводъ къ повторенію
затверженныхъ правилъ новыми опытами.
Для лучшаго вразумленія сего, вмѣсто сви-
дѣтеля, приведу я сюда одинъ примѣръ. На-
задѣ шому недѣль дващцать, или и больше,
съ нѣкоторымъ лишкомъ, случилось мнѣ быть
въ одной бесѣдѣ съ однимъ почтениымъ
крюкодѣемъ, закосявшимъ уже въ законо-
искусствѣ. — Такимъ людямъ, гдѣ лучше
хвастать своею премудростію, какъ не тамъ,
гдѣ ихъ во все не разумѣютъ? — Пригрѣ-
зилось ему, будиши онъ очень смышляонъ;
расхвастался старичокъ, вздумалъ покле-
пать свою голову сказывая, что она мозгу
довольно набралась разбирая старыя заша-
сканныя дѣловыя бумаги, гдѣ вмѣсто пыли
и сору клеветъ онъ носомъ своимъ, (кошо-
рый у него довольно вмѣстительнаго про-
странства,) невидимую премудрость и на-

полняешъ ею свою голову. Онъ взвелъ было на себя и шаковую напраслину, что сказывалъ, будто у него въ денежномъ разумѣ является недоимокъ. — Солгалъ еси спаринушка, сказалъ я ему, хотя видно, шы и постишься, понеже головушка твоя не масломъ, а кваскомъ примочена. — Слово за слово, мирно да ладно дошло наконецъ дѣло до законискусства, (о чемъ болѣе и говоришь, коли не объ этомъ, когда ешь знапки,). Спаричокъ мой давалъ порукою самаго себя, что онъ масперъ высшавлять приказные фокусъ покусы; во увѣреніе же насъ, приводилъ изъ спаринныхъ рукописей свидѣтельства и доносилъ, что за такое-то дѣло спелько, за такое спелько-то поживился онъ отъ доброхотныхъ дашелей. Я и шеперь, говорилъ онъ, взялся написать челобитную, за которую ужъ мнѣ сулятъ чепыреша рублей, но я безъ тысячи не буду. Слыша шакия рѣчи и домѣкая, что такая поживка за одну челобитную конечно означаетъ такого человека, который для прибыхка спины не жалѣешъ, просилъ я его, чтобы онъ исполковалъ мнѣ, какъ могутъ они творить шакия чудеса. Пожилой юноша сей, будучи отъ природы словохотенъ, а особливо, какъ-то и всѣ они, охотникъ до шакихъ рассказовъ, къ помужъ отъ чашныхъ подносавъ горячешельныхъ иъкошорныхъ спиртавъ, водящихся особливо въ подбъическихъ компаніяхъ, спа-

вши на веселѣ, безъ всякихъ ѡговорокъ принялся за изъясненіе. Между прочими неудобо-вразумительно-поняшными разговорами, на которые ошѣнствовалъ я однимъ только *такъ* и да, рассказывалъ онъ мнѣ, какъ какой-то *затѣпущій малой* подалъ на пріяшеля своего челобитную въ шомъ, что онъ нѣгдѣ и нѣкогда сказалъ ему *прешь*, и какъ еще нѣгдѣ подбѣчїе перепились и поссорившись вздумали бить челомъ другъ на друга, между коими одинъ просилъ на другаго о заплашѣ безчестья въ шомъ, что онъ назвалъ его *попоцскимъ брюхомъ*: и много подобнаго шому довольно я ошъ него наслышался. На послѣдокъ приступилъ онъ къ показанію собшвеннаго своего велемудрїа и началъ сперва доказывать, что камзолныя мои пуговицы не песпрыя, но сѣрыя. Ужаснувшись такого глубокомыслїа, убоялся я, чшобы онъ, превращая цвѣшы, и меня не превратилъ въ другое какое живошное, (что часно ошъ такихъ людей заимствуется,) прекрашилъ я скорѣе сей разговоръ и не спалъ съ нимъ спорить, а завелъ рѣчь о другомъ. Тутъ какъ-шо я проронилъ слоцо и нарекъ одного взаимнаго нашего знакомца, емѣсно *Пантелеймоныча, Пантелеичемъ*. — Обижаеше, судачъ, воскликнулъ велегласно собесѣдникъ мой; онъ не *Пантелеичъ*, но *Пантелеймонычъ*. — Пошомъ грозно спрашивалъ у меня, для чего я его шакъ назвалъ?

звалъ? — Я говорилъ, что я учинилъ это ошибкою. — Это еще не оправданье, говорилъ онъ мнѣ; знаете ли, что въ этомъ можно на васъ махнуть челобитье въ такой силѣ: „что де такой-то имярекъ обно, ситъ такого-то нижеименопаннаго, называя его не собственнымъ его именемъ, и пр? — Премногомилосердый государь, сказалъ я ему въ изумленіи, окажише милость безпокровному человѣку, научише какъ поступать мнѣ, естли процессъ дѣлу сему начнешся? — Отъ заплаши ты не уйдешь, отвѣтствовалъ сей Сулпицій прихрабрившись, естли кляшвенною присягою, по чистой совѣсти, предъ крестомъ и Евангеліемъ не подтвердишь, что ты вышереченнаго Паншелеймоныча Паншелейчемъ назвалъ безъ всякаго намѣренія.

Сколь сіе ни удивительно и невѣроятно покажется тебѣ, любезный читатель; но я тебя честію моею увѣряю, что все сіе случилось и случилось точно съ самимъ мною. — Отъ такого его мудрословія, или бусловія я тогда весь окостенѣлъ; всѣ извѣстные мнѣ доводы и доказательства на умъ тогда мнѣ не взбредли и я сидѣлъ, какъ гвоздемъ приколотенный къ спулу. Побѣдитель мой вспалъ съ мѣста, вспряхнулъ оборванными канцелярскими маншетами, милосниво захошаль, пошелъ рассказывать по комнатамъ

и висѣвшая съ землею параллельно полуизломанная его шпага прозвенивала кадансъ его выступки.

Вотъ тебѣ, любезный мой чипашель, одинъ примѣръ искусства сихъ людей въ заманиваніи другихъ къ *денежнымъ аргументамъ*! Тысячу другихъ такихъ примѣровъ могъ бы я тебѣ наказать, но теперь это оставляю, а возобновляю прежнюю мою похвалу *денежнымъ доподамъ* и *денежному уму*, совѣшая тебѣ не оставлять упражненія въ премудрой наукѣ, *разсуждать по денежному смыслу*. Она — цѣлительница душъ нашихъ и руководительница ко всякой истинѣ! *Денежные силлогизмы* вернѣйшее средство къ убѣжденію, ими по Филиппъ Македонскій оспаривалъ всегда всѣхъ философовъ; ими по опровергнулъ онъ всю крѣпость и силу снѣнъ Фивейскихъ, низложилъ все остроуміе Аѳинянъ, убѣдилъ ихъ градоначальниковъ, заградилъ уста краснорѣчивѣйшимъ ораторамъ и сдѣлавъ всѣхъ нѣмошпвующими, яко рыбы безгласныя, доказалъ имъ, что вольность ихъ почто ему принадлежала.

Исчисливъ всѣ вернѣйшіе способы къ убѣжденію прошивниковъ, изъяснивъ всѣ шенническіе термины и обьяснивъ ихъ ясными при-

примѣрами, чрезъ сіе всѣмъ во извѣстіе
объявляю, что ежели кто изъ господъ
чиншателей найдетъ что либо мною упущен-
ное и похочетъ сдѣлать дополненіе къ сей
моей новой Логикѣ и къ сей спашь, *de modo
alios confutandi*, то онъ симъ премного меня
обязетъ и одолжитъ. — Сверхъ сего такъ-
же всѣмъ напоминаю и то, что съ человѣ-
комъ знающимъ всѣ роды доводовъ и убѣ-
жденій не должно опваживаться много спорить;
для того-то въ самомъ началѣ *предупъ-*
домленія сказано, чтобы чиншатели за
благовременно поберегли себя отъ могущихъ
послѣдовать за симъ не пріятныхъ для нихъ
слѣдствій.

XXVII.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Анакреонтическая ода.

Естьлибъ я съ тобой не знался
И себя бы не любилъ,
Я утѣхъ бы не лишался
И всегда спокоенъ былъ;

Ябъ такую
Злой шоскою

Не перзался никогда,
И въ свободѣ
По природѣ
Пребывалъ бы всегда.

Но какъ я себя увидѣлъ,
Въ мигъ плѣнился я собой,
Вольность я возненавидѣлъ
Спалъ не власпенъ надъ собой;
И швоею
Съ шѣхъ поръ шлѣю,
Дорогая, красошой,
Съ шѣхъ поръ очи
Какъ средъ ночи
Покрываетъ мракъ гусшой.

Ничего въ шибѣ не вижу
Кромѣ прелестей однихъ;
Но ужли шибя обижу
Ештли буду чшипъ я ихъ?
Нѣшть не ложно
Ие возможно
Не прельщаясь зрѣшь шибя.
Всякъ сей спраспи
Сильной власпи
Видишъ плѣнникомъ себя.

Ештлижъ шы, драгая, знаешь
Сколько я шибя люблю,
Но о миѣ не воздыхаешь;

Я сугубый огонь шерплю.
 Въ сей злой часши
 Вдругъ двѣ спрасши
 Овладѣюшѣ вѣчно мной!
 Спрасшь другая
 Ревношь злая
 Жарѣ вспалишѣ во мнѣ иной.

Коль вѣ другаго шы влюбилась
 Презирая спрасшь мою,
 Я того, кѣмѣ шы плѣнилась,
 Кровь рукой моею пролью;
 Безѣ награды
 Я съ досады
 За презрѣнїе любви,
 И вѣ отраду
 Я заплашу
 Получу вѣ его крови.

Но когда лѣшѣ вѣ самомѣ цвѣшѣ
 Ты не чувствуешь любви,
 Ахѣ, дражайшая на свѣшѣ!
 Безѣ нея шы не живи!
 Должноль розѣ
 На морозѣ
 Прошивѣ солнца увядашѣ?
 Не мечшою,
 Красношою
 Рокѣ шебѣ далѣ обладашѣ.

II.

БАЛЛАДЪ.

Въ несчастья вѣкъ свой провождая
 Всечасно мучу я себя,
 Тщешною мысли улаждая,
 Грущу, несклонную любя!
 Я сей немилосердой часпи
 Тобой одною могъ подпаспи!

Жестокосердой угождая,
 Покой и вольность погубя,
 Изъ грусти грусть себѣ раждая
 Люблю, люблю, мой свѣтъ шебя;
 И въ жизни нѣтъ иной мнѣ сласти
 Какъ бышь въ швоей, драгая, власпи.

Но ты злу долю подшверждая,
 Изъ сердца жалость испребя,
 Безчеловѣчно досаждая,
 Всю влась во зло употребя
 Суровостью своей сей спраспи
 Сугубишь муки мнѣ въ напаспи.

III.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Счастливы, кто все презрѣвъ, лесъ, рѣ-
 (скошь, пышность славы,
 Оставля суесть исполненный сей свѣтъ,
 Отъ шума удалясь, природы чинишь устави,
 Въ деревнѣ, въ тишинѣ, въ спокойствіи живешь,

Здоровымъ воздухомъ спокойно наслаждаясь,
 Онъ шѣломъ всегда швердъ, крѣкокъ, силенъ,
 (здравъ,
 Обмановъ, хитростей, коварствъ, пришеворствъ
 (лишаясь,
 Онъ въ жизни шаковой вкушаетъ шмы забавъ.

Весна прогнавъ зиму пріятность возвращаетъ,
 Природа оживетъ, разовьются цвѣты,
 Вся шварь красуется, вся шварь шегда являетъ
 Вселѣ, вновь зря шѣжъ поля, дрова, кусцы.

Тамъ чистые ручьи съ высокихъ горъ кру-
 (пятся
 Тамъ роши и лѣса отъ солнца шѣнь дають,
 Нагія Граціи шамъ съ Нимфами вершиая
 И вхи по лѣсамъ ихъ хоры разольють.

Палящееся когда шамъ лѣто наступаетъ,
Тогда опкроется природы красота;
Природа всѣ для нихъ красы истощеваетъ;
И ихъ-то всѣхъ ея пльняетъ простота.

Какъ землю знойное свѣшило согрѣваетъ,
Изъ нѣдръ ея оно изводитъ имъ плоды,
Ихъ сильно естество на пиръ тогда сзываетъ
И изобиліемъ имъ платитъ за труды.

Что лѣто начало, то осень совершаетъ,
Остатки зрѣлыхъ имъ плодовъ она дѣлитъ;
Хоть градъ во время-то пріятности лишаетъ,
Но сельскихъ жителей не мало веселитъ.

Обильность естества еще они вкушаютъ,
Еще не лишены они его красы,
Источники еще луга ихъ орошаютъ,
Еще пріятны имъ осенніе часы.

Ихъ самая зима утѣхой награждаетъ,
Зима несносная для пышныхъ городовъ,
Отъ всѣхъ работъ, заботъ она освобождаетъ
И послѣ шягоспныхъ покоитъ ихъ трудовъ.

Вся нѣжность, прелести и всѣ красы природы
Для сельскихъ жителей однихъ истощены.
Коль счастливы сіи блаженные народы!
Но и не всѣ ли мы къ тому сотворены?

IV.

П Р И Т Ч И

I.

Пустынникъ и медвѣдь.

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, себѣ построивъ
 (келью,
 Гдѣ голая земля была ему поспелью;
 Хоша кормилъ его и малый огородъ
 Его же и шрудами,
 Довольствовался онъ и малыми плодами,
 Лишь шолько не хотѣлъ, чшобъ зналъ его народъ.
 Близъ хижины его
 Пустынничалъ медвѣдь, съ берлогой приютился,
 Сосѣда своего
 Пустынникъ полюбилъ и шощасъ съ нимъ
 (сдружился;
 И оба не любя живущихъ на земли,
 Имѣя сходны нравы,
 Знакомство тѣсное свели,
 Такъ оба въ шомъ и нравы.
 Союзъ не дивенъ сей
 Коль спрасъ у нихъ едина,
 Любови межъ друзей
 Обыкновенная причина.
 Въ одинъ какой-шо лѣшнй день;
 Какъ знойный солнца жаръ шерцѣшь не спало
 (мочи;
 Пустынникъ легъ уснушь подъ тѣнь
 И не дождавшисъ ночи.

Тутъ вдругъ

Подсѣлъ къ нему его и другъ ;

Усердный здравія его оберегатель.

Пустынникъ спитъ ,

Храпитъ ,

Какъ ночью поживаетъ ;

Медвѣдь сидитъ ,

Молчитъ

И приспально зѣваетъ ,

Не шевельнетъ хвостомъ , прилѣжно спережетъ ;

Видъ друга своего и всякъ побережетъ ,

И спать не помѣшаетъ .

Медвѣдь и болѣе того берегаетъ ,

Онъ больше дѣлаетъ услугъ .

Медвѣдь обо всего его обороняетъ ,

Обмахиваетъ мухъ .

Сгоняетъ и покоитъ

И лишь того глядитъ :

Но только муху сгонитъ

Другая налетитъ ,

Смахнетъ лишь со щечи , такъ на лобъ паже

(сядетъ ,

А тамъ и вдругъ пятокъ шудаже къ ней при-

(грянетъ ;

Тѣхъ стонитъ , то на мѣстѣ ихъ

Еще увидитъ восмерыхъ ;

А мухи всякому извѣстно сколько милы .

Махалъ махалъ медвѣдь , ошъ устали вспо-

(шѣлъ ,

Измучился совсѣмъ , не стало больше силы ;

Но другу переспать служить не захотѣлъ ,

Онъ

Онъ отъ усердія всѣмъ напрягаетъ жилы.

Какъ бышь?

Какъ пособишь,

Когда сотнашь не можешь?

Съ досады онъ и по давно ужъ лапу гложетъ.

Чтожь дѣлашь шумъ ему? Изволь миѣ всякъ

(сказать.

Всѣхъ мухъ вишь до одной не можно разперзать,

И лапа не уловитъ.

Нѣтъ, нѣтъ не то имъ другъ пустытника го-

(повишь.

Медвѣдь,

Чтобъ подрадѣшь

Пріяшеля и куму,

Задумалъ вѣрнѣе думу.

Не хочешь съ мухами вступать онъ въ разго-

(воръ

И тотчасъ пишешь имъ онъ строгій приговоръ;

Чтобы пріяшеля скорѣй отъ нихъ избавишь,

Не хочешь ни одной въ живыхъ изъ нихъ оста-

(вишь.

И ревомъ онъ своимъ

Изъ всей медвѣжей пасши

Вѣщаетъ шако имъ

Въ жару гнѣвливой спрасши:

„Отъ шварей шаковыхъ не буду я сносить

„Себѣ шакой насмѣшки;

„Могущая моя ихъ лапа поразитъ

„Какъ будно для потѣшки.

„Узнаюшь власъ мою

„И силу мощную десницы медвѣжиной,

„Какъ

„Какъ гнѣвъ на нихъ пролью
 „И не оставлю ихъ изъ сохи ни единой.
 Онъ рекъ, и прочь ошѣлъ,
 Всталъ, поднялся, ушелъ.
 Не долго шумъ одинъ пустынникъ оставался;
 Медвѣдь опяшь въ виду въ минушу показался.
 Медвѣдь обратно шелъ
 И во очахъ его пылалъ еще шопъ пламень,
 Съ зацѣнившимся ртомъ къ нему онъ подошелъ
 Держа великой камень.
 „Теперь, онъ говорилъ, шеперь - по опомцу
 „Симъ шварямъ, коль онъ скучаютъ мнѣ безъ
 (страху,
 „Я камень въ нихъ пушу!
 И вдругъ
 Тумъ въ мухъ
 Онъ на пустынника пушилъ его съ размаху.
 Правдивъ глаголъ медвѣдевъ былъ,
 Онъ муху точно шу убилъ:
 Но убивая муху
 Расквасилъ камнемъ шакъ пустыннику онъ
 (лобъ,
 Что въ немъ не спало духу
 И вмѣстѣ съ мухой онъ пошелъ шогдажъ во
 (гробъ.

Услуги дураковъ равно бышь могутъ вредны,
 Когда они къ шому съ излишесшвомъ усердны.

Лисица съ орломъ.

Вотъ прища есть еще, чипашели, для васъ!
 За правдуль примеше ее вы, иль за шушку,
 намъ нужды въ эшомъ иѣшѣ, и вотъ вамъ
 (нашъ разказъ.

Однажды иѣгдѣ ушку,
 Которая была жирна и хороша,
 Лисица подцѣпила,
 Съ кого-то шамъ слупила;
 Охотница она была до барыша,
 Конечно въ ней была подъяческа душа,
 И вмѣсто взятокъ знашь она ее схватила.
 Лисица съ радости вспрыгнула анпреша,
 И ушку упустила;
 Лишь только минуетъ
 Она прощанцовала,
 Вглянула, ушки иѣшѣ;
 Лиса загорѣвала,
 Знашь съ ней
 Разсташься горько было ей.
 Горюешѣ, всюду рыщешѣ,
 Вездѣ горюя ищешѣ
 Другой
 Поживочки шакой.

Кручинитъ лиса, шуда сюда зѣваетъ;
 Но ищешно все она рощокъ свой разѣваетъ,
 Добыча не лепитъ.

Межъ шѣмъ, когда она въ досадѣ посковала,
 Часть II. О Какъ

Какъ духъ въ ней алчностью горѣлъ,
Орелъ,

Глядишь, на высотѣ по воздуху паришь.

Лисица думашь спала:

„О естѣлибы и я такъ какъ орелъ лешала,

„Ничто бы отъ меня тогда ужъ не ушло.

Минушы не прошло,

Какъ это разсуждала

Она,

Вдругъ пшица та упала;

Знашь что охотникомъ была застрѣлена.

Не то задумала увидя по лисица:

„Ахъ какъ я счастлива, что я еще не пшица,

Лисица говоришь,

„Меня здѣсь на земли не всякой вишь увидишь,

„Не всякъ и прострѣлишь.

Такъ пшичью часпъ лиса шеперь ужъ ненави-
(дишь,

„Кленешъ, бранишь, журишь.

Чипашели! шеперь свою мы кончимъ сказку

И ей повняшнѣ мы здѣлаемъ развязку:

Не пшица то была, и не былъ то орелъ;

Воздушный это шаръ по воздуху лешѣлъ;

Лисицѣ лишь вдали орломъ онъ показался,

Когда на высоту спущенный поднимался,

Наполненный огнемъ;

Воздушный вояжиръ проѣживался въ немъ;

Онъ съ шаромъ поднялся и въ небѣ очутился,

Взвился, взлешѣлъ, попомъ съ нимъ на зе-
(млю скапился.

V.

Б А С Н Я

Оселъ и кузнечикъ.

Извѣстно, что оселъ лѣнивая скопина,
 И всѣхъ звѣрей сія глупѣе животины:
 Но много и людей ослу подобныхъ есть!
 Иной и бышь осломъ себѣ вмѣняешъ въ честь.
 Такъ видно, что въ своемъ онъ непослѣдній
 (родъ,
 Припомъ же шваръ сія у насъ шеперь и въ
 (модъ.
 Но что намъ до того, сколь знаменитъ сей
 (родъ,
 Я только приведу одинъ сему доводъ.
 Гулялъ оселъ въ одинъ прекрасный день, весною,
 Не знаю ушромъ, иль вечернею порою,
 Скажу лишь, что оселъ дѣшина вольной былъ,
 Куда, и какъ хошѣлъ, вездѣ оселъ ходилъ.
 Гуляя по полямъ онъ усланнымъ цвѣтами,
 Ступалъ манежными ослиными ногами,
 И вдругъ кузнечика услышалъ голосъ онъ.
 Осла пронзилъ топчасъ его пріятный тонъ;
 Недвижимъ спалъ оселъ, и рыло просягаешъ,
 Ушами шевелишъ и безъ пуши моргаешъ.
 „Какой пріятной гласъ, самъ говоришъ себѣ;
 „Какъ не завидовашъ, кузнечикъ, мнѣ шибѣ!
 „О какъбы счастлива была моя судьбина;
 „Премудрая сія воскликнула скопина,

„Когда бы у меня такойже голосъ былъ !
 „Тогда бы всякъ хвалою меня превозносилъ ,
 „Не спалибъ надо мной такъ люди всѣ ру-
 (тапись ,
 „А всякой голоскомъ моимъ бы любовался ;
 „Не меньшебъ соловья въ почщеніи я былъ ,
 „Да въ чемъ бы я ему тогда и уступилъ ?
 Скончалъ оселъ свое насилу восхищенье ,
 Задумался и впалъ объ ашомъ въ размыш-
 (ленье ,
 Помахивать хвостомъ , главою спалъ качать ;
 Не зналъ , что въ случаѣ такомъ ему на-
 (чать .
 Потомъ оселъ сіе кузнечикъ доноситъ ,
 И удовольствовашъ свое желанье проситъ :
 „Скажи пожалуй мнѣ , ему онъ говорилъ ,
 „Причиной что тому , что голосъ твой такъ
 (милъ ?
 Въ отвѣшъ кузнечикъ такъ ему на то въ-
 (щаетъ ,
 Словами онъ осла чрезмѣрно восхищаетъ :
 „Изволь , онъ говорилъ , . . . пустое . . . ничего ;
 „Пріяшенъ голосъ мой лишь только отъ того ,
 „Что я лишь воздухомъ питаюсь да росой ,
 „Какъ ушромъ , такъ равно вечернею порою .
 Услышавъ то оселъ главою замолалъ
 въ чрезмѣрной радости и прыгалъ и рычалъ ,
 Конечно думая , что таинство открылось
 И средство вѣрное ему теперь явилось ,
 Чтобы достать себѣ умильной голосокъ ,
 Который у него вскружилъ весь можжечокъ ,
 Оселъ

Оселъ поспитъся спалъ, діэту наблюдаешъ,
 Зеленой правки онъ ужъ больше не вкушаетъ,
 Глошаетъ воздухъ лишь съ росою по поламъ,
 Охотно предписалъ себѣ діэту самъ.
 Просная пища вдругъ ему прошивна спала,
 И вопъ какъ сильно спрасъ сія имъ овладала;
 Всегда такимъ себя онъ кушаньемъ морилъ;
 Желудокъ наконецъ не по заговорилъ:
 Однакъ онъ нехотѣлъ никакъ нашо склониться,
 Съ желудкомъ чшобъ своимъ хошь пощимъ по-
 (миришься,
 Всѣ силы изнуривъ кузнечкомъ замычалъ,
 И шакъ отъ голода животъ свой окончалъ.
 Такъ точно отъ себя и люди пропадающъ,
 Когда себѣ чего несмысленно желаютъ.

VI.

И Д И Л Л И Я.

Севодни радость я срѣшкаю,
 Свой духъ веселіемъ питаю,
 Играешъ все въ моихъ глазахъ;
 Лишь солнце закапниши въ море,
 Веселье обратиши въ горе,
 И я остануся въ слезахъ.

* * *

Сокроюся мои забавы,
 я едины лишь отравы

Во сердцѣ буду ощущать :
 Лучи прекраснѣйшей авроры ,
 Озолопя лѣса и горы ,
 Печаль миѣ будущѣ возвѣщать.

Зефирѣ ли шевельнешѣ листьями ,
 Иль пшичекѣ хорѣ между кущами ,
 Любви пріятность воспоешѣ ;
 Иль побѣжитѣ ручей съ вершины ,
 Во мягкій лугѣ , или долины ,
 Мое тущѣ сердце воздохнешѣ.

Теперь передо мной вселенна
 Въ ушѣхъ зрится погруженна ,
 Но завтра видѣ ея другой ;
 Она покажется иною
 За тѣмѣ , что болѣе со мною
 Моей не будетѣ дорогой.

VII.

Э П И Г Р А М М Ы.

I.

Женская болтливость.

Не ввѣрю женщинамѣ я шайны никакой ,
 Что женскій родѣ болтливѣ миѣ музы доказали ;
 До музѣ слылѣ дуракомѣ Фирюлинѣ подѣ рукой ,
 Лишь музамѣ спалѣ знакомѣ , всѣ вдругѣ
 (про шо спознали.

2.

Клятва красавицамъ.

Я клялся вѣкъ любить красавицу свою
И кляшву на листкѣ я написалъ сію.

Но чшо жъ? Повѣялъ вѣшперочекъ,
Прощай и кляшва и листочекъ.

3.

Ложный слухъ.

Что ты лечилъ меня, конечно слухъ сей лживъ,
Я живъ. (*)

4.

Любовь.

Начало у любви пріятно намъ всегда,
Конецъ не сладостенъ, но горекъ ужъ бываетъ;
Подобно какъ въ рѣкѣ сладка сперва вода,
Но въ море наконецъ впадъ, горечь принимаетъ.

5.

Немилина краса.

Немила, говорятъ, не такъ ужъ хороша.
Никакъ, мила она и нынѣ какъ душа.
Что нужды, что огонь заразъ ея хладѣетъ,
Когда не прелестными, такъ деньгами владѣетъ.

О 4

6.

(*) Особѣ, сообщившей намъ сіи три Эпиграммы и помѣщенную здѣсь Идиллію, чрезъ сіе свидѣтельство нашу признательность, покорнѣйше просимъ и впредь сообщать намъ подобныя творенія, которыя всегда съ удовольствіемъ помѣщаемы будутъ.

6.

К а ш е л ь.

Какъ я запомню, ты во рту своемъ имѣла
Двѣ пары, Элія, зубовъ и ими ѣла;
Не спало двухъ зубовъ, какъ кашель твой исчезъ,
Другой пришедши два послѣдніе унесъ;
Теперь не бойся ты и кашлай сколько хочешь,
Послѣдній кашель ты навѣрно переможешь.

7.

Особливая прелесть.

Женишься нашъ Проказъ на Изобилѣ хочешь,
И просишь и даришь и шакъ и сякъ хлопчешь,
Во снѣ и на яву все бредитъ онъ о шомъ,
Не въ шушку бышь Проказъ задумалъ жени.
(хомъ

Чшожъ льспишь Проказа шакъ? — Любовью
(это пахнетъ,
Такъ знашь онъ за себя красавицу беретъ.

Анъ иѣшь.

„ Такъ чшожъ? — Она ужъ чахнетъ.

9.

Мужъ къ женѣ.

О чемъ, жена, груспишь? Ты слезы утираешь?
— Любезный муженекъ, вишь ты не умираешь.

9.

Къ прежней Любопницѣ.

Не обвиняй меня, что я тебя забылъ,
И прежде не тебя, а денги я любилъ.

10.

Въ Безопасному.

Вшь, пьшь и ни о чемъ ты больше не радъешь,
Конечно у себя ты брюхо лишь имъешь?

11.

Коротко да ясно.

Мужъ нѣкогда своей женѣ такъ говорилъ:
„Я всѣхъ бы голодомъ рогатыхъ поморилъ,
„Иль всѣхъ въ одинъ корабль собравшибъ опро-
(кинулъ,
„Имъ это подѣломъ! ябъ въ воду съ кам-
(немъ кинулъ. —
Жена опшѣпшувуетъ: „поспой, не горячись,
„Любезный муженекъ! Самъ плаваешь поучись.

12.

Къ намалепанной красавицѣ.

Прекрасное лице подѣ краской предспавляешь,
Когдажъ умоешься, то воды оскверняешь,
Послушай что тебѣ Сирена говоритъ:
Или румяны смой, иль не кажи свой видъ.

13.

Зоилу.

Ни прозы, ни стиховъ, Зоилъ, не сочиняешь.
Да чшожь ты дѣлаешь? Слова другихъ ругаешь:
Поспой, мой другъ! на чшожь другихъ все-
(гда язвись?

Примись, ка чшо нибудь и самъ ты сочинишь.

14.

Неизвѣстный Сочинитель.

Ты сочинишелемъ желаешь показаться,
 Хотя и ничего ты въ свѣтѣ не издавалъ;
 Ну, даромъ, Авторомъ ты можешь называться,
 Лишь только бы совѣмъ никто про то не
 (зналъ,

15.

На Діагла Медика.

Діавлѣ жену лечилъ, теперь похороняетъ!
 Чшо жъ? должность и теперь онъ ту же оп-
 (правляетъ.

16.

Стряпчій къ Истцу.

Я за двѣ тысячи съ тобой договорился
 Быть стряпчимъ у тебя, я за тебя вступился:
 Но многоль ты мнѣ далъ? Одну лишь.
 (Чшо жъ, за что?
 Не въ пользу рѣшено ты скажешь дѣло шо?
 Такъ тысячи тебѣ еще прибавишь мало,
 „Понеже въ дѣлѣ семъ краснѣшь мнѣ подобало.

16.

Боярская щедрость.

Слуга спасъ своего отъ смерти господина,
 Который дралъ его плетьюми почти всякъ часъ,
 Въ награду за эшо готовишься полшина!
 Бояринъ для слуги нарочно шо припасъ.

VIII.

ЭПИТАФИИ.

I.

Добродѣтельному.

Прохожій! въ гробѣ семѣ лежишь бездушна
(шѣло,

Не плоть, но пыль и прахѣ; земля, не человекѣ!
Подвласно духу бышь въ спрасняхѣ оно умѣло!
Умѣло разуму послѣдовашь въ своей вѣкѣ.

Въ немѣ сердце чистою любовью пламенѣло
Кѣ Всевышнему Творцу и Богу своему,
Любило ближняго, желаніемѣ горѣло
Исполнишь заповѣдь, благошворя ему.

Священнымѣ таинствамѣ въ немѣ разумѣ
(поучался

И свѣща онѣ достигѣ горѣвъѣ любви огнемѣ,
Кѣ началу устремясь, живощѣ его скончался,
Прохожій! не сцени, возрадуйся о немѣ!

2.

Богатому дворянину.

Богатый здѣсь лежишь однако безѣ богатства,
Скончался дворянинѣ не взявъ съ собой дворянства

(спва;

Пять тысячѣ душѣ чужихѣ себѣ онѣ купилѣ,
Но не взялѣ ни души, какѣ въ гробѣ ногой спу-

(пилѣ,

3.

К о н ю.

Дворянчикъ, Галаншонъ, иначе Пешимешрѣ
 На рѣзвомъ бѣгунѣ и въ вѣнскихъ санкахъ сидя
 По улицамъ мчался, летѣлъ какъ словно вѣшрѣ,

Несчастья не предвидя;

Скакавъ во весь опоръ

Конь рѣзвой наскочивъ, разшибся о заборъ,
 Палъ мершвѣ! — Прохожій зря коня сего кончину
 Вписалъ на ворахахъ! палъ конь везя ослину!

4.

Безъименному мертпецу.

Скончался человекъ, невѣдомо какой,

Назвашь я не умѣю,

Я нужды никакой

Знашь это не имѣю,

Породы знашныя, хоть самъ безъ знаши былъ,
 Безъ славныхъ дѣлъ своихъ онъ славу получилъ,
 Считался умникомъ, хоть очень не прилично,
 Нарочистый дуракъ, глупъ будучи отлично.
 Имѣніе ему оставилъ дѣдъ его,

Дѣлами славными ошець его прославилъ,

Но самъ онъ ничего

Попомшву своему въ наслѣдство не оставилъ!

5.

Обираюцу.

Прохожій! знай, что здѣсь разбойникъ по-
 (гребенъ,

На мершву плоть его сей камень наложенъ,

Де-

Лежишь покойникъ здѣсь и долго не встанешь;
А естлибъ въ немъ душа и тѣло сопряглись:

Прохожій берегись;

Послѣдній онъ кафтанъ съ тебя конечно
(спянешъ)

6.

Метафизикъ.

Къ гробницѣ кто идетъ, пошеше подходи!
Философъ здѣсь лежишь, смотри не разбуди;
Онъ въ бытность на землѣ за истинну всту-

(пался,

Съ прошивоборникомъ онъ часто и дирался,
Кричалъ: *не допущу*, пока я не умру;

Фигура шляпа естъ, а вѣкъ не будетъ формой!
Кто не согласенъ въ семъ, шотъ глупъ, не-

(вѣжда вздорной

Когда считаешь онъ все это за игру.

Съ такимъ-то убѣждалъ прошивниковъ онъ
(жаромъ!

На мнѣніе его, прохожій, согласись,

Или немедленно опсюда удались,

Иначежъ не пройдетъ тебѣ, мой другъ, по
(даромъ.

IX.

ЗАГАДКИ.

Кто я, отгадчикъ мой, не много хлопочи,
Узнаешь вдругъ меня, лишь мало помолчи.

Коль

Коль царства три вещей ты знаешь въ этомъ
 (свѣтъ ;
 Я въ первомъ нахожусь , узнай по сей примѣнѣ .
 Природа разлила меня во всѣхъ шѣлахъ ,
 Въ землѣ раждаюсь я , въ озерахъ и въ моряхъ ,
 Премногія шѣла отъ порчи сохраняю ,
 Умѣренности я собою научаю ;
 Коль въ мѣру въ пищѣ я , я вкусъ ей придаю ,
 Теряешь безъ меня пріятность всю свою .
 Что съ пищею меня вкушающъ , то не ложно ,
 Безъ пициже меня со вкусомъ есть не можно .
 Довольно ли сего ? Отгадывашь изволь !
 — Ну , полно лобъ шерсть , скажи : такъ
 (это соль . . .

2.

Еще загадочку , тебѣ я загадаю ,
 Въ отгадкѣ прежнему примѣру подражаю .
 Послушай . Вотъ , чашапель мой ,
 Слова здѣсь вещи шой самой :
 „ Какъ сфера вокругъ меня съ спремленіемъ
 (несетя ,
 „ Когда часъ каждая въ ней движется , пря-
 (сета ,
 „ То сверху внизъ идешъ , то вдругъ подияв-
 (шись вверхъ
 „ Восстанешъ и падешъ опять скоропоспивно ;
 „ Среди движній сихъ , среди премѣнъ всѣхъ
 (шѣхъ
 „ Въ срединѣ находясь , спою я неподвижно .
 „ Отгадчикъ ! вотъ и все , отгадывай не бойсь ,
 (Я

3.

Почтенность, санъ и честь въ иныхъ мой
 (видъ являетъ,
 Инымъ досаду онъ и гнусность причиняетъ,
 Красуется вся чернь мной въ сѣверныхъ спра-
 (нахъ,
 Но также и въ другихъ хранятъ меня земляхъ.
 Не знаю, почему? По скромностиль глубокой?
 У духовенства я равно въ чести высокой;
 Я знаю только то, что видъ сей свойственъ мой
 Козламъ хоть человекъ мной краситъ образъ
 (свой.

4.

Служу для всѣхъ людей, простыхъ и благо-
 (родныхъ,
 Отъ многихъ я въ числѣ считаюсь правилъ
 (модныхъ.
 Когда употреблать захочетъ кто меня,
 То прежде долженъ въ прахъ преобращишься я;
 Глошающъ, жрущъ меня, но я не уменьшаю
 Ни мало жажды ихъ, безъ пользы исчезаю;
 Хоть къ очищенію нечислоты служу,
 Но часто обморокъ въ мозгу произвожу.

5.

Безъ силы, но могу я многихъ поражать;
 Мой видъ пріавши левъ всѣхъ можешь побѣж-
 (дать;
 Я звѣрь, но для людей служу всегда примѣромъ,
 Переменяюся дѣлами я и тѣломъ.

XXVIII.

О М І Р Ъ ,

Началъ его и дрепности.

Человѣкъ, гражданинъ вселенныя, населяетъ мѣсто ему невѣдомое! Тщешно возвышаясь выше земли, изъ которой онъ произведенъ, протѣкаетъ онъ неизмѣримыя небеса для исправнаго наблюденія спроектированнаго міра; тщешно, ошанавливаясь при менѣе обширномъ предметѣ, старается онъ открыть происходящее въ его глазахъ; дѣлаемыя имъ правдоподобныя догадки могутъ иногда слабому его разуму показаться вѣчными и непремѣнными истинными льстящими безсильному его любопытству; природа въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ попустить его думать, что онъ проникнулъ въ ея тайны и открылъ нѣкоторыя сокровенныя ея пружины; но при всемъ томъ она оспается непроницаема и закрыта отъ насъ густымъ мракомъ. Умъ человеческой, сколько бы прощупывалъ ни былъ, не можетъ открыть причинъ всего происходящаго въ небесахъ и на землѣ: мы не знаемъ даже собственнаго своего шѣла и ни малѣйшей части изъ шѣхъ частей, которыя въ немъ находятся. (1)

По

(1) *Latent ista omnia crassis occultata et circumfusa tenebris, ut nulla acies humani ingenii tanta sit, quae penetrare in coelum, terram intrare, possit. Corpora infra non novimus, qui sint situs partium, quam vim quaeque pars habeat, ignoramus. Cicero Acad. Quest. Lib 4.*

По такому признаніи невѣдѣнія чело-
вѣческаго не трудно теперь понять, что
въ семъ нашемъ о мірѣ начертаніи, мы не
имѣемъ другаго намѣренія кромѣ того,
чтобы исторически только показать, что
думали до насъ о сотвореніи міра и про-
исхожденіи рода челоуѣческаго. Не намъ при-
надлежитъ судить о столь темныхъ и непро-
ницаемыхъ задачахъ; мы оставляемъ природу
во мракѣ, въ которомъ любитъ она скрывать-
ся; обо всемъ, что касается вселенныя вооб-
ще, мы говоримъ позже, что Луканъ сказалъ
о приливѣ и отливѣ моря въ особенности: О
„ ты, какаябъ ни была, причина столь ча-
„ стыхъ и чудесныхъ движеній, пребывай со-
„ крытою, какъ-по угодно всевышнему! „ (2)

Вотъ порядокъ, который мы предпо-
ложили себѣ наблюдать въ семъ крапкомъ
нашемъ начертаніи. Въ началѣ мы покажемъ,
какое понятіе имѣли древніе о всеобщей си-
стемѣ міра; потомъ объявимъ мнѣнія ихъ
о началѣ его и концѣ, который онъ имѣть дол-
женъ; отсюда перейдемъ къ тому, что ка-
сается до земли въ особенности, и покажемъ,
что о ней древніе думали; упомянемъ о ихъ
Географіи и о перемѣнахъ, которыми они почи-
тали ее подверженною, и наконецъ разсмотримъ,
что они полагали въ разсужденіи начала чело-
вѣковъ и жившихъ населяющихъ землю.

Часть II.

П

Мнѣ-

(2) Tu, quaecunque moues tam crebros, causa, meatus,
ut Superi voluere, late. . . . Lucan. Bel. Civ. Lib. 1.

Мнѣнія древнихъ о мѣрѣ, или понятіе ихъ о всеобщей ея Системѣ.

Человѣкъ долгое время наслаждался солнечнымъ свѣтомъ не дѣлая никакихъ разсужденій о естествознаніи сего освѣщающаго его существа. Въ продолженіи многихъ лѣтъ люди видѣли надъ своими головами восходящія и заходящія звѣзды, не имѣя желанія ихъ узнать. Скипаясь по полямъ, жили они, подобно прочимъ животнымъ, занимаясь однимъ нужнымъ къ сохраненію ихъ жизни и не беспокоясь о прочемъ не касающемся прямо къ нимъ побудительнымъ ихъ нуждамъ. Не стараясь познать пространства земли, пеклись они объ одномъ томъ удѣлѣ ея, который давалъ имъ пошребное къ пропитанію, и не заботились ни мало о печеніи свѣтилъ. Взоры ихъ устремлялись къ небесамъ тогда только, когда они получали отъ нихъ тепло и росу; одна нужда привлекала все ихъ вниманіе и все попеченіе; и естли она давала имъ какое успокоеніе, то они, вѣроятно, употребляли оное къ доставленію себѣ оцупительнѣйшихъ увеселеній, нежели каково безплодное познаніе фигуры земли, или движенія небесъ.

Трудно опредѣлить точно время, когда люди начали упражняться въ познаваніи строенія міра. Но когда представимъ себѣ съ одной стороны шѣсныя предѣлы человѣческаго разума и особливо невѣжество первыхъ
жиле?

жителейъ земныхъ, сплсившихся всечасно, чтобы небо на нихъ не упало; съ другой спорной вообразимъ успѣхи Египтянъ и Халдеевъ, копорые приобрѣли они, по Римскому лѣпосчисленію, болѣе нежели за четыре тысячи лѣтъ предъ симъ: то легко увѣримся, что познанія ихъ были плодъ долговременнаго и прилѣжнаго наблюденія въ послѣдствіи многихъ вѣковъ.

Писатели увѣдомляютъ насъ, что Египтяне суть первый просвѣщенный народъ на сей половинѣ земнаго шара. Какъ они жили на открытой землѣ подъ чистымъ и яснымъ небомъ, и наслаждались выгодами общежительства, то есть, нерушимымъ покоемъ; то скоро они обратились къ наблюденіямъ свѣшилъ. Халдеи употребили къ тому вниманіе свое шакже по сей причинѣ; но Діодоръ Сицилійскій Египетскимъ Астрономамъ приписываетъ обширнѣйшее познаніе. Онъ увѣряетъ (3), что они не только предузнавали затмѣнія, но предсказывали и наводненія, землетрясенія и явленія кометъ. Египтяне лучше всѣхъ прочихъ знали долгошу года, копорый состоялъ у нихъ всегда изъ двенадцати мѣсяцевъ, (4) ко-

II 2

гда

(3) *Accurate vero et ab Aegyptiis traduntur ordo et astrorum motus eorumque descriptio . . . Sterilitatem praeterea, fructuum ubertatem . . . terrae motuum atque inundationum tempora, cometarumque ortus praedicebant.*
Diod. lib. 2.

(4) Иродотъ кн. 2.

гда прочіе народы сосшавляли его : иные , какъ-по Аркадскіе народы , изъ шрехъ ; иные , какъ по Акарнанцы , изъ шести ; другіе , какъ-по Римляне , изъ десяти ; Нума прибавилъ къ онымъ Январь и Февраль : но все еще годъ не былъ у нихъ справедливъ до временъ Августа (5) ; многіежъ считали годъ по днямъ , какъ-по Аѳиняне и прочіе Греки съ своими послѣдователями сосшавляли его только изъ 354 дней . Также Египтяне знакамъ Зодіака и созвѣздіямъ дали наименованія , которыя носятъ они и до сего времени (6) . Они опредѣлили число дней въ недѣлѣ , копорымъ дали имена семи планетъ ; и порядокъ , сохраненный ими въ расположеніи оныхъ , заслуживаетъ дальнѣйшаго замѣчанія . Достойно примѣчанія въ немъ то , что когда мы назначимъ первый часъ дня той планетѣ , копорой имя дано сему дню ; по второй часъ того дня будетъ принадлежать слѣдующей планетѣ , и такъ далѣе ; такимъ образомъ продолжая сіе чрезъ 24 часа въ такомъ порядкѣ , чтобъ за солнцемъ слѣдовала Венера , за ней Меркурій , потомъ Луна , Сатурнъ , Юпитеръ и Марсъ , въ первый часъ слѣдующаго дня придется самая ша планета , копорой имя носитъ сей день и . ш . д .

То

(5.) *Ante Augustum Caesarem incerto modo annum computabant (Romani,) qui apud Arcados tribus mensibus terminabatur, apud Acarnanos sex.* Solin. cap. I. V: Macrob. Saturnal. lib. I. cap. 12.

(6) *Herodot. Lib. 2.*

То есть.

на пр.	Суб. ♀	Во. ☉	Пон. ☾	Вш. ♂	Ср. ♀	Чет. ♀	Пян. ♀
часъ	Саш.	Солн.	Луна	Марс	Мерк	Юпиш.	Венер.
2	Юпи	Вен.	♄	☉	☾	♂	♀
3	Мар.	Мерк	♃	♀	♄	☉	☾
4	Солн.	Луна	♂	♀	♃	♀	♄
5	Вен.	Саш.	☉	☾	♂	♀	♃
6	Мерк	Юпи.	♀	♄	☉	☾	♂
7	Луна	Мар	♀	♃	♀	♄	☉
8	Саш.	Солн.	☾	♂	♀	♃	♀
9	Юпи.	Вен.	♄	☉	☾	♂	♀
10	Мар.	Мер.	♃	♀	♄	☉	☾
11	Солн.	Лун.	♂	♀	♃	♀	♄
12	Вен.	Саш.	☉	☾	♂	♀	♃
13	Мер.	Юпи.	♀	♄	☉	☾	♂
14	Лун.	Мар.	♀	♃	♀	♄	☉
15	Саш.	Солн.	☾	♂	♀	♃	♀
16	Юпи.	Вен.	♄	☉	☾	♂	♀
17	Мар.	Мер.	♃	♀	♄	☉	☾
18	Солн.	Луна.	♂	♀	♃	♀	♄
19	Вен.	Саш.	☉	☾	♂	♀	♃
20	Мер.	Юпи.	♀	♄	☉	☾	♂
21	Лун.	Мар.	♀	♃	♀	♄	☉
22	Саш.	Солн.	☾	♂	♀	♃	♀
23	Юпи.	Вен.	♄	☉	☾	♂	♀
24	Мар.	Мер.	♃	♀	♄	☉	☾

Халдеи не хопѣли уступити Египтянамъ въ познаніи Астрономіи. Баснословная ихъ древность приписываемая ими своимъ наблюденіямъ, доказываетъ, что они почитали себя древнѣйшими въ свѣпѣ звѣздоблюсшителями. Они увѣряли, что когда Александръ приходилъ въ Азію; то въ то время было, по обѣявленію Цицерона (7), 470000, а по обѣявленію Діодора (8), 403000 лѣтъ, отъ того времени, какъ они начали свои наблюденія. Симплицій пишетъ, что Каллисѣенъ философъ, спутникъ сего Монарха, прислалъ къ Аристотелю справедливыя и вѣрныя наблюденія, которыя восходили до 1903 лѣтъ; что подходитъ близко къ попоу и далѣе Эпохи Вавилонскаго Сполпа. Однако одинъ великій писатель приписываетъ Халдеямъ столь грубое заблужденіе, что едва ли можно сему повѣрити въ разсужденіи столько прилѣжавшаго къ Астрономіи народа чрезъ шолкое

(7.) *Contemnamus etiam Babylonios et eos, qui ex Caucaso coeli signa servantes numeris et motibus Stellarum cursus persequuntur: condemnemus, inquam, hos, aut stultitiae, aut vanitatis, aut imprudentiae, qui 470000 annorum, ut ipsi dicunt, monumentis comprehensa continent. Cic. de Divin. l. 1,*

(8.) *Numerum annorum, quibus se huiusmodi astrorum doctrinae vacasse affirmant, haud facile quis crediderit. Nam 403000 annumerant usque ad Alexandri ascensum, ex quo astrorum observationes a se coeptas dicunt. Diodor. Lib. 3.*

ликое послѣдствіе вѣковъ. Они думаютъ, говоритъ онъ (9), что луна свѣтитъ отъ самой себя и не заимствуетъ свѣта отъ солнца. Мимоходомъ можно сказать и о Евреяхъ, что они по малое свѣдѣніе, которое имѣли въ знаніи небесныхъ свѣтилъ, заняли отъ Халдеевъ. Изъ сего явствуетъ, что заблужденіе, ложность котораго столь очевидна, просвѣщеннѣйшими людьми между Халдеями конечно было отвергнуто, и что оно принимаемо было отъ шѣхъ только, кои приспращны были къ предразсудкамъ своихъ предковъ. Какъ бы то въ прочемъ ни было: но Греки, получившіе познанія въ Астрономіи, по свидѣтельству Иродотову, отъ сихъ народовъ, чрезвычайно похваляли успѣхи ихъ въ сей наукѣ; и искуснѣйшіе изъ нихъ ѣздили обыкновенно или въ Вавилонъ, или въ Египетъ для доспигенія совершенства въ оной.

Приспращность Халдеевъ къ Астрономіи завела ихъ наконецъ къ сланнымъ пред-

(9.) *Sine illa (Luna) proprio seu perpetuo candore luceat, ut Chaldaei arbitrantur, ... Apul. de Deo Socrat.*

— Лукрецій, столь прекрасно писавшій о естественнѣхъ вещей, также не опровергаетъ сего мнѣнія, какъ — по видно изъ 5 его книги:

*Lunaque, siue nobis fertur loca lumine lustrans,
Sine suam proprio tactas de corpore lucet.*

разсудкамъ. Опѣ наблюденія небесъ перешли они къ суевѣрному почитанію свѣтилъ. Сіи свѣпящіяся тѣла, споль опдаленныя опѣ нашего шара, приняли они за дѣйствующую причину всего, случающагося съ нами. Они взирали на небо, какъ на книгу судебъ, въ кошорой написаны были всѣ грядущія приключенія и всѣ произшествія: словомъ, они выдумали гадательную Аспрологію, науку, по кошорой угадывали, что съ кѣмъ случится, и кто рожденъ съ какою судьбою? Не мое дѣло (входишь въ подробное разысканіе сихъ Халдейскихъ догадокъ; но я не могу миновать безъ замѣчанія, что число *седмь*, споль славное въ древности; сіе число, кошорое освященно въ исторіи міробышя и законѣ Израильскомъ, есть единственна причинаю шолкаго къ нему всѣхъ уваженія и сего суевѣрія Халдеевъ; и какъ сіе число часто встрѣчалось имъ въ небесахъ, какъ-шо въ Пліадахъ, Тріонахъ, а особливо въ планетахъ: шо сіе и заставило ихъ почитать оныя, почитая сіе число таинственнымъ и содержащимъ нѣчто божественное.

Кажется, что сосѣдственные съ Египтянами народы, какъ-шо Финикіяне и Ливійцы, узнали Аспрономію въ самомъ непродолжительномъ времени. Финикіяне подвергнувшіе себя первые опасности мореходства, (10) въ пла-

ваніи

(10.) *Ipsa gens Phoenicum in magna gloria litteratum inventionis et siderum naualiumque ac bellicarum artium.*
Plin. lib. 4. cap. 12.

ваніи своемъ не имѣли другаго пушеводительства, кромѣ той помощи, которую получали они отъ знанія свѣтилъ, коихъ положеніе служило компасомъ ихъ кормчимъ. Аплантъ, Царь Ливіи, почишаемъ былъ за великаго Астронома поному, что онъ изобрѣлъ сферу; (11) и сіе-то подало поводъ къ выдумкѣ, будто бы онъ держалъ на плечахъ небо. Гостепріимствуя Геркулеса, открылъ онъ ему употребленіе сей выдуманной имъ сферы, научилъ его сдѣлать подобную, и изъ сего вышло прибавленіе къ той басни, что будто онъ раздѣлилъ съ симъ Героемъ время, которымъ до того времени опягченъ былъ одинъ. Геркулесъ, по возвращеніи своемъ, сообщилъ Грекамъ полученныя имъ отъ Апланта познанія: и такъ отъ него-то сіи народы получили первыя понятія объ Астрономіи и можетъ быть за долго прежде обращенія ихъ съ Халдеями.

Иродотъ, Діодоръ и другіе повѣствователи, писавшіе пространнѣе объ искусствѣ Египтянъ и Халдеевъ въ Астрономіи, кромѣ

II 5

сего

(11) Плиній изобрѣщеніе сферы приписываетъ Анаксимандру; Апланта же называетъ изобрѣшателемъ Астрономіи. *Astrologiam Atlas, sphaeram in ea Milesius Anaximander Lib. 7. Cap.*) 57. Но сіе не должно быть удивительно; ибо часто приписывается изобрѣщеніе чего либо тому, кто только оное исправилъ, или объяснилъ.

сего не приписываютъ имъ никакого подробнѣйшаго понятія о сей наукѣ; и поному вѣроятно, что сіи первые наблюдатели печенія свѣшилъ имѣли о мѣрѣ одно почти всеобщее познаніе. И такъ можно думать, что они составили себѣ о вселенной первое и естественное понятіе, представляющее первое разуму, когда мы начинаемъ рассуждать о спровеніи ея одними глазами, не призывая разсудка въ помощь чувствамъ. Мѣръ представляется тогда пространнымъ шаромъ, за которымъ находишься пустоша, или безпредѣльное пространство. Земля, стоя неподвижно, занимаетъ центръ вселенныя; Планеты, въ числѣ которыхъ и Солнце, обращающіяся вокругъ ея, каждая въ особливомъ своемъ небѣ; твердь кажется какъ бы блюдо, съ возкнутымъ въ нее множествомъ какъ бы гвоздей неподвижныхъ звѣздъ, покрывающее всю громаду, такъ что она вертится сама въ своемъ кругѣ съ непонятною скоростью. Такое же кажется, было мнѣніе Египтянъ и Халдеевъ. Сія догадка шѣмъ вѣроятнѣе, что славный Эвдоксъ, жившій долгое время въ Египтѣ, и Птоломей Александрійскій о мѣрѣ другаго кромѣ сего ничего не утверждають. Послѣдній къ всеобщей Системѣ прибавилъ только мнимое перводвижимое (*mobile primum*) и кристалльное небо, которыхъ, думалъ онъ, производяшъ кажуціяся противныя ихъ движенія: одно отъ востока на западъ, а дру-

гое отъ запада къ востоку. Также когда Греческіе философы начали разсуждать о сей матеріи различно, по мнѣнія ихъ почтены были за новости. Но мы изслѣдуемъ оныя нѣсколько пространнѣе.

Египтяне и другіе вдавшіеся въ Астрономію народы, когда Греки не были еще научены сей наукѣ, наблюдали звѣзды механическимъ только образомъ; я разумѣю здѣсь то, что они старались только познать ихъ положеніе и обращеніе въ небѣ, не разсуждая о сихъ свѣтлыхъ тѣлахъ, а еще меньше о естествѣ міра вообще. Греки, будучи болѣе философами, нежели Астрономами, присоединяя къ наблюденіямъ разсужденіе, и по видимымъ судя о вещахъ сокрытыхъ отъ пронцашельности ихъ зрѣнія, первые отважились мыслишь новымъ и отвлеченнымъ образомъ о нашурѣ свѣшилъ и спроеніи міра. Правда, что они не согласовались въ своихъ Системахъ; всякъ, давая силу своему воображенію, думалъ имѣть право основывашь что нибудь отличное отъ другихъ; однако они почти всѣ согласно отвергали тѣ несходственныя и маловѣроящія мнѣнія, копорыя прежде ихъ имѣли о мірѣ.

Такое преимущество имѣешъ философическій умъ! Есльи онъ не всегда приводитъ насъ къ истиннѣ, то по крайней мѣрѣ выводитъ насъ изъ древнихъ заблужденій.

Я не сомнѣваюсь, чшобы великое число изъ древнихъ не были долгое время въ ложномъ мнѣнїи, которое Апулей приписываетъ Халдеямъ, ш. е. чшо луна и прочія планеты свѣтятъ отъ самихъ себя. Греки употребили въ пользу свою сіе ихъ заблужденіе, какъ только начали имѣть философовъ. Платонъ думалъ, чшо луна есть тѣло каменное; (12) а Пифагоръ съ своими послѣдователями утверждалъ, чшо она земнаго свойства (13); и сіи-то мнѣнія древнѣйшихъ философовъ, какихъ имѣла Греція. Всякому извѣстенъ поступокъ Перикла, который приговорясь вышши въ море и видя кормчаго своего пришедшаго въ страхъ по причинѣ солнечнаго затмѣнїя, накрылъ его своею епанчею, сказавъ: „солнечное затмѣнїе отъ сдѣланнаго мною въ твоихъ глазахъ затмѣнїя различествуетъ только въ томъ, чшо тѣло, скрывающее отъ тебя солнце, больше моей епанчи.“ Безполезно будешь приводить сюда сто другихъ такихъ примѣровъ, чинаемыхъ у историковъ: довольно сказать, чшо между Греками не было уже никого, кромѣ простаго народа, который бы былъ въ томъ заблужденїи, который бы, говорю, думалъ, чшо луна свѣтитъ отъ себя.

Глав-

(12.) Plut, de placitis Philosophorum. Lib. 2. cap. 25.

(13.) Ibidem lib. 2. cap. 30.

Главнѣйшее, что проотивно кажется разуму въ древней Системѣ, которую можно по справедливости называть чувственною Системою, есть то, что они полагали землю центромъ вселенныя, и такъ сказать, заставляли вертѣться вокругъ сего малаго шѣла не только всѣ планеты, изъ коихъ нѣкоторыя гораздо больше ея, но и самое солнце со всѣми неподвижными звѣздами, коихъ ужасная величина не можетъ никакъ войти въ сравненіе съ величиною земли. Фалесъ легко узналъ, что луна не отъ себя свѣтлою кажется (14): Анаксимандръ ученикъ его распространилъ сіе еще далѣе; онъ заключилъ, что земля, занимая свѣтъ отъ солнца, такъ какъ и прочія планеты, обращается вокругъ сего центра нашей сферы. (15.)

Что думалъ Пифагоръ о движеніи (16.) земли, подлинно не извѣстно: но по крайней мѣрѣ

(14.) См. Плут. тамже гл. 28.

(15.) Фіонъ Смирнскій приписываетъ честь изобрѣшенія сего Анаксимандру: но Діогенъ Лаэртій присвоиваетъ оное Филолаю, ученику Пифагорову.

(16.) Еслили вѣришь тому, что говоритъ Діогенъ Лаэртій въ жизни Пифагорою, то онъ полагалъ землю средоточіемъ міра.

мѣрѣ можно вѣрить, что Пифагорейцы вращали Солнцу должное ему мѣсто, равно какъ и прочимъ планетамъ, между которыми Земля также невозможно занимать перваго мѣста въ порядкѣ теченія ихъ вокругъ сего великаго свѣтила. Наконецъ нѣкоторые философы сполько воспали на несправедливое уваженіе къ Землѣ, что изъ сей крайности впали въ другую, сполько же предосудительную, какъ и первая. Сиракузянинъ (17.) возмечталъ ужè, что не только солнце споймѣ неподвижно, но и всѣ планеты, и что въ системѣ міра ничто не коловращно, кромѣ одной земли.

Справедливо, что прилѣжныя размышленія производятъ новыя открытія. Признавши Землю такою же планетою, какъ и прочія, и присвоивъ ей такое же кругообращеніе около Солнца, изъ сего начѣла вывели они послѣдствіе, что планеты, которыя видимъ мы ни въ чемъ не различующими отъ земли и въ которыхъ усматриваются также горы, долины, и моря, могутъ быть также, какъ и она, населены жишелями. Ксенофанъ, не довольствуясь одною возможностью, полагалъ

(17.) *Nicetas Syracusius coelum, solem, lunam, stellas, supera denique omnia stare censet, neque praeter terram rem ullam in mundo moveri. Cic. Acad. quaest. lib. 4.*

галъ утвердительно, что луна имѣетъ, равно какъ и земля, жилищей (18.). Анаксагоръ, утверждалъ тоже (19.). Лукіанъ приписываетъ мнѣніе сіе многимъ Философамъ (20.) и изъ жизни Платоновою видно, что въ его время было оно довольно общимъ; и если стихи, которые Героклъ выдаетъ за Орфеевы, дѣйствительно суть изреченія сего великаго стихотворца; то по сему заключаешь должно, что мнѣніе сіе весьма древнее; ибо въ нихъ мы читаемъ, что Луна имѣетъ горы, города и моря.

Но не только древніе философы сообщили намъ мысли свои о натурѣ Планетъ; они въ память намъ оставили еще понятія свои о Солнцѣ и Звѣздахъ. — Пифагорейцы почитали Солнце огнемъ возжениымъ въ срединѣ міра. Анаксагоръ имѣлъ о немъ такое же мнѣніе. Сей самый Анаксагоръ, такъ какъ и Анаксименъ, мыслилъ, что всѣ звѣзды суть частицы воспаленной атмосферы, имѣющія видъ колесъ, то есть, такой машины, которая обращается вокругъ своего средоточія

(18.) *Habitari ait Xenophanes in Luna, eamque esse terram multarum orbium et montium. Cic. Ac. Qu. lib. 4.*

(19.) *Dixebat (Anaxagoras) lunam habitacula in se habere, et colles et valles. Diog. Laert. in Anaxag.*

(20.) *Lucian. Verae Histor.*

чія; изъ чего можно заключить, что не одинъ Анаксагоръ воображалъ вихри, попушныя печенію плаещъ, что учинило имя его славнымъ въ древности. Онъ придавалъ шакой вихрь землѣ, и не только ввелъ сіе мнѣніе въ разсужденіи сего нашего шара, но равно и въ разсужденіи всѣхъ свѣшилъ. Вотъ что говоритъ Климентъ Александрійскій о системѣ сего философа: „ онъ пріемлетъ разные чудныя вихри, опровергая содѣйствіе провидѣнія сотворшаго міръ. (21.) Изъ сего думашъ можно, что Анаксагоръ, предположивъ однажды свои вихри, признавалъ міръ самостоятельнымъ, или пребывающимъ по себѣ, безъ пособія провидѣнія создашаго его.

Теперь остается намъ только показашъ, что думали древніе философы о мірѣ вообще. Одни полагали одинъ только міръ, сложенный изъ всего того, что мы видимъ; другіе же думали, что можно допустить и многіе міры. Фалесъ, Пифагоръ, Анаксагоръ, Ираклитъ, Платонъ, Аристотель, Зенонъ суть знаменитѣйшіе изъ числа пріемлющихъ единство міра. По сей-то причинѣ ученики ихъ утверждали, что міръ одушевленъ одною душею, которую называли они всеобщею душею, или душею міра (*anima mundi*), коей части-

(21.) Clemens Alexandr. *Strom. lib: 2. cap. 4.* о вихряхъ смотри систему міра дворяника Философа.

частицы были частныя дѹши, находящіяся въ живошныхъ, въ Землѣ, въ Планетахъ и Звѣздахъ (22). Для означенія сообразности и согласія всѣхъ частей вселенныя, отъ чего происходяшъ видимыя нами стройность, порядокъ и чинъ, Пифагорейцы имѣли обыкновеніе говорить инообразно; и въ семъ случаѣ они говорили, что Солнце, Планеты и все, обращающееся въ пространствѣ небесъ, издаеши Гармоническій (23) звукъ, и что называлось у нихъ великое согласіе (*magna consonantia*.) Изъ сего-то нѣкоторые богословы заключали, что девять музъ были ничто иное, какъ звукъ восьми сферъ міра и Гармонія, производящая отъ ихъ согласованія (24.)

Часть II.

Р

Чтожъ

- (22.) Цицеронъ приписываетъ сіе мнѣніе и Пифагору. *Nam Pythagoras, qui censuit animum esse per naturam rerum omnem intentum et commutantem, ex quo nostri animi caperentur De Nat. Deor. lib. 1.*
- (23.) *Nisi vero loqui solem cum luna putamus, cum propius accesserit, aut ad harmoniam canere mundum, ut Pythagoras existimat. Cic. de nat. Deort. lib. 3.*
- (24.) *Theologi quoque novem Musas octo Sphaerarum musicos cantus et unam maximam consonantiam, quae constat ex omnibus, esse voluere Musas esse mundi cantum etiam rustici sciunt, qui eas Cantoenas, quasi Canenas, a canendo dixerunt. Macrobi. in somn. Scip. lib. 1.*

Чтожь касается до шѣхъ, кои допускали множество міровъ, Діогенъ Лаерцій объявляетъ намъ, что Зенонъ Элеатскій былъ сегоже мнѣнія (25). Ираклишъ и нѣкоторые другіе утверждали, что всякая звѣзда есть особый міръ, содержащій землю и воздухъ, ш. е. населенный (26). Плутархъ, сказывая намъ о семъ, приписываетъ сіе мнѣніе Пифагорейцамъ и также увѣряетъ, что оно находилось и въ Орфеевыхъ стихахъ. Но Анаксимандръ, Анаксименъ, Левкиппъ, Ксенофанъ, Діогенъ, Архелай, Демокришъ и Эпикуръ мнѣніе сіе распространили гораздо еще далѣе. Не довольствуясь прежнимъ положеніемъ, что звѣзды могутъ быть цѣлыми мірами, они разширили предѣлы вселенныя за предписываемыя ей слабымъ нашимъ зрѣніемъ границы. Они распространили оныя до такой степени, до которой и самое наше воображеніе никогда не достигнетъ; словомъ они заключили, что міръ безпредѣленъ. Сии Философы разсуждая возвышеннымъ и самымъ отвлеченнѣйшимъ (transcendentali) образомъ (27) дѣлали умозаключені-

(25.) *Placent illi haec: mundos esse plures, et cet.* Diog. Laev. in Zen. Eleat.

(26.) *Plut. de placitis Philosophorum. Lib. 2. cap. 13.*

(27.) Сии огромныя шѣшла Атомисты приписываютъ безразсудной своей системѣ. Чтобы сіе яснѣе видѣть, нужно только прочесть

ченіе, что міровѣ есть безчисленное и безконечное множество и что въ семѣ безчисленномъ ихъ множествѣ безпрестанно нѣкоторыя рождаются, другіе исчезаютъ: то есть, что всѣ они подвержены безпрестанной превращенности и что ежедневно форма однихъ разрушается и изъ нея также непрерывно выходятъ новые міры.

Изъ всего сказаннаго нами можно судить о удивительныхъ успѣхахъ, приобретенныхъ Греками въ міропознаніи, и сколько они были удалены отъ мнѣній всѣхъ своихъ предшественниковъ. Однакожъ не надлежитъ думать, чтобъ сіи мыслящіе опмѣнно отъ прослаудимовъ Философы извели великое число своихъ современниковъ изъ ложныхъ предвзятыхъ ими понятій, или чтобы они привлекли ихъ къ своимъ мнѣніямъ. Народъ водимый одними чувствами и грубо опмещущій все то, чего малопроницательный его разумъ постигнуть не можетъ, пребылъ закоснѣлымъ въ древнихъ предразсудкахъ. Анаксагоровы вихри были въ посмѣяніи, также какъ и Картезіевы (29): шѣ, кои приписывали землѣ кругообращеніе, почишаемы были за сумашед-

Р 2

шед-

честъ *Anti-Lucretium* Кардинала де Полиньякѣ и зрѣлища природы (*spectacle de la nature*) том. IV. часть 2. разсужденіе VIII.

(29.) Чему причиною было и то, что его система вихрей была доказана ложною и оставлена большею частію нынѣшнихъ Философовъ

шеднихъ, и полагавшіе жишелей въ Плана-
шахъ считались за вралей на яву грезящихъ;
равно сей участи подвержены были и всѣ
прочіе принимавшіе каждую звѣзду за осо-
бливый міръ, и множество міровъ, коихъ
глаза наши не могли видѣть (29). Не лучше
сего уважаются и въ нынѣшнія времена Фи-
лософы, ушверждающіе ихъ миѣнія
Но я не могу дать справедливѣйшаго понятія
о невѣжествѣ, въ кошоромъ находился народъ
тогда и во всякое время, во всемъ касающемся
до знанія природы, какъ развѣ заключивъ
сіе словами знаменитаго писателя древности
(*): „давно уже люди научились опредѣлять
„дни и минушы, въ кои должны случиться
„запмѣнія солнца и луны: однакожъ боль-
„шая часть въ народѣ осмѣется въ смѣш-
„номъ предубѣжденіи, что будто сіи произ-
„шествія приключаются отъ чародѣйства. „

XXIX.

Л Ъ Т О.

*Triptolemo, terraeque rudi dare semina iussit
Quernaque glans vieta est vilioris cibo.*

— Ovid. 4.]

Сынъ солнца, сіяющее лѣто являеиша и
позлащаетъ наши поля; оно выступаетъ
съ

(30.) Абдерскіе жишелі такъ увѣрены были о Де-
мокристовомъ сумашествіи, что они отпра-
вили къ нему для леченія Иппократа,

(*). Плиній историкъ.

съ гордостію юности и даетъ себя чув-
ствовать внушенностямъ природы. Оно
идетъ сопровождаемо палящими часами и
прохлаждающими вѣтрами. Спѣдливая весна
уклоняется его горящихъ взоровъ, земля и
небеса предаются знойному правленію ея пре-
емника.

Убѣжимъ во глубину лѣса, гдѣ лучъ солн-
ца едва проникаетъ темношу.

Смертный, невольникъ роскоши! Воспри-
ми и востани съ сего одра разслабленія; при-
ди насладишься тихими, прохладными и вра-
чующими минушами, шoliko споспѣшествую-
щими размышленію и священнымъ пѣснямъ!
Какія прелести во снѣ въ чувствахъ мудра-
го? Можешъ ли онъ терять въ смертномъ
забвеніи половину шѣхъ крылашихъ мгнове-
ній, которыя составляютъ мѣру съ лишкомъ
крапкаго его пребыванія?

Приходитъ жестокой полдень: солнце
устремляетъ прямо на его главу свои силь-
нѣйшіе лучи. Горящее наводненіе покрыва-
етъ небо и землю шоль далеко, сколько мо-
жетъ простираться зрѣніе, и отъ одного
конца земли до другаго все горитъ въ огнѣ.
Тщешно пошупленный взоръ проситъ кажеш-
ся помощи отъ земли, кипящіе пары, ея
испускаемые, отвращаютъ надежду и возму-
щаютъ размышленіе. Жегомы даже до корня

растѣній, раскрытыя поля и сухія равнины показываютъ изсохшій свой видъ, при которомъ исчезаетъ воображеніе и самая душа помится. Эхо не повсоряетъ больше пріяшнаго звона изощренной косы; изнемогшій косякъ покрываетъ оную влажнымъ сѣномъ, имѣющимъ запахъ цвѣтовъ: едва слышна пѣсня кузнечика на умершемъ лугу. Угнѣшенная природа спраждаетъ: самый ручей уснаетъ, и сквозь деревья видна нетерпѣливость его струй прошекаетъ подъ тѣнію кустарника.

Зной, которому ничто не можетъ пропивиться, удержи свою свирѣпость, и не кидай съ пологою горделивостію своихъ сильныхъ лучей на мою раскаленную голову! Огни твои лѣются источниками непрестанно обновляющимися, и сіи горящія вѣлны кажутся соединяющимися вокругъ меня. Тщешно я спеню, въздыхаю; тщешно я беспокоюсь и призываю ночь на помощь мою; она еще далеко и гораздо жарчайшіе часы наступить готовящаяся. Блаженъ, спократно блаженъ защищенный густою тѣнію отъ пожигающаго солнца, и лежащій при скатѣ горы увѣнчанной рощею, или въ прохладной пещерѣ, украшенной вѣющими по стѣнѣ зелеными лозами и орошаемой ручьемъ, который воды непрестанно къ верху возвышающа, выскакивая изъ близкаго ключа, спокойно

койно сидяцій, между шѣмъ какъ всѣ прочіе, копорыхъ шѣнь не приѣмешъ вѣ свои прохлаждающія обѣяпія, измождениые огнями полдия, распопляющся. . . .

Зри тучную сію мрачность приуготовляющуюся и распущую надъ рощами; се приходишъ она и просшираешся по всей шверди обремененной вреднымъ прахомъ, привлеченнымъ отъ неизвѣстныхъ одровъ, гдѣ лежатъ минеральныя горы. Ошшуда сѣра, сѣлифра и напыщающаяся пѣна тучныя смолы возлѣтающъ къ небесамъ, ссѣдающся, и приносяшъ прошиженіе премѣняющихся цвѣтовъ и скрытыхъ огней зашмѣвающихъ сіяніе дня. Вѣ семъ угрюмомъ облакѣ самый мракъ крашеетъ и дѣлаешся источникомъ опустошеній. Раздраженная шреніемъ эфира, ударами облаковъ и бореніемъ сердитыхъ вихрей, лешшъ наконецъ сія туча сѣ яросшію, между шѣмъ, какъ внизу все еще спокойно. Роковое молчаніе царшвуешъ надъ симъ пасмурнымъ пространшвомъ; лишь слышенъ дикій шумъ изъ чрева горъ изходящій и возлѣщающій бурю; онъ кашшся сѣ роптаніемъ во преисподнюю, смущаешъ рѣки и приводишъ вѣ шрепетъ лшшвіе рощей безъ всякаго дыханія вѣшра. Жшшели воздуха шшремашся къ низкимъ долинамъ, и ворошъ ушлаждающійся бурями, едва опшваживаешся лешашъ вѣ сіи неизвѣстныя сумраки. Звѣри ошпанавливающся отъ ужаса и во гнѣвѣ мещутъ слезящіе свои

взоры къ небесамъ; человекъ оставляетъ ихъ и бѣжитъ въ хижину наполненную уже пастухами, или ищетъ убѣжища во глубинѣ пещеры.

Все въ испуленіи, въ ужасѣ и все молчитъ, какъ вдругъ на полднѣ показывается молнія содрогнувшемуся оку. — Громъ, медлительно за нею слѣдующій, внушаетъ страшный ревъ свой несущійся по облакамъ въ неизмѣрной отдаленности. Непогода ропщетъ и раздаётся въ небесахъ. Но когда буря приблизилась, когда она капитъ ужасное свое бремя на крилахъ вихрей: тогда огненная сверкающая полоса становится обширнѣе, и спукъ небесныхъ молотовъ удваивается. Едва синее пламя блеснуло надъ главою: опверзлось облако и зашверилось; укрѣпилось и паки опверзаётся, расширяется и объемлется огненнымъ моремъ: мгновенно за симъ ударяетъ громъ, умножается, распоргаетъ свои узы и ниспадаетъ; природа въ смятеніи, повторяемый трескъ раздавляетъ и раздираетъ свѣтъ.

Наводненіе шумящаго града и дождя ниспадаетъ; разверстыя облаки лютъ цѣля рѣки. Однако пламенникъ неукротимыя молніи еще не погасъ. Онъ дѣлаетъ новыя усилія. Громъ обходя кругомъ раздѣляется наконецъ съ горделивостію и освѣщаетъ горы съ сугубою яростію. . . .

Устрашенные преступники внимають ; кичливые ихъ помыслы разсѣвающа. Но не всегда шаковый ударъ падеть на главу злодѣя. . . .

Между шѣмъ разбросанные по лицу небесъ облаки, бродящъ въ безпорядкѣ. Твердь неимущая предѣловъ возвышается и простираетъ на мѣръ лазурь чистѣйшую прежней. Послѣ Хаоса являешся паки природа ; сіяніе и мѣръ изливающа на блистающій воздухъ въ одно мгновеніе ; свѣшлый поясъ радости, украшенный желтымъ лучемъ, знаменіемъ минувшей опасности, окружаешъ поля омывающіяся еще послѣ бури слезами. . . .

Сіе прохлажденіе зноя естъ одно изъ благошворѣйшихъ упражненій лѣсна. Когда холодная зима проникаетъ къ кристалльнымъ водамъ, я бы и тогда спыдился пребывать въ слабости и дрожаніи на берегу и медлишь въ оныя погрузишься. Чрезъ сіе укрѣпляетъ и удваеетъ жизнь. Симъ образомъ смѣлый плаващель спасаетъ себя отъ неизбежныхъ встрѣчей бѣдшвенныхъ болѣзней; чрезъ сіе шо члены получають живость, и рука римлянина, воздвигавшая трофеи на преклоненной предъ нимъ землѣ, симъ шо образомъ училась въ юности побѣждать волны. Сверхъ того отъ чистоты шѣла заимствуетъ духъ шайную и симпатическую помощь.

Проспершись подЪ шѣнію орѣшника , въ
 мѣстахъ , гдѣ долина приводитъ къ пріятному
 уединенію , юный Дамонъ , пронзенный нѣж-
 ными мученіями любви , жалуется на Музи-
 дору ручью ниспадающему по крупому уще-
 су , и зефирамъ рѣзнящимся между согбенны-
 ми ивами ; но она раздѣляла его пламень ,
 и во глубинѣ сердца своего скрывала впечат-
 лѣшія черты , ее поразившія , удерживаема
 боязливымъ спыдомъ , или гордосцію своего
 пола : только тайные и почти пошупленные
 взгляды и нѣсколько удерживаемыхъ уязвлен-
 ною ея душою вздоховъ , ей иногда измѣняли.
 Вдохновенный мѣспомъ , восхищенный соб-
 ственными своими желаніями Дамонъ сочи-
 етъ нѣжную элегію , дабы опкрыть шайну
 красавицѣ не взирая на ея сраженія , и ис-
 торгнувъ признаніе сей раждающейся спра-
 сти. Трикраты блаженный паспухъ ! благо-
 пріинспвующая встрѣча , рѣшащая часто судь-
 бу сильнѣйшихъ Монарховъ , содѣлала тогда
 твое счастье. Предводимая играющими аму-
 рами Музидора , искала сего прохладнаго убѣ-
 жища ; горячіе часы освѣщали красоту ея ,
 убранная съ нерадѣніемъ , она шла омытъ
 себя въ хладномъ источникѣ. Что учинитъ
 теперь Дамонъ ? Погруженный въ сладкое смя-
 шеніе и колеблемый тысящію движеній , онъ
 сомнѣвается минушу ; чистѣйшее и безпри-
 створное почтеніе души , только рѣдкая и по-
 разительная красота приводили сердце его
 въ

въ безпорядочное движеніе и повелѣвали уда-
 литься, но любовь его защищала. Вы, Дра-
 коны добродѣтели! Вы спростіе обличители,
 Скажите, что бы вы сами тогда учинили?
 Въ то самое время сія Нимфа прекраснѣйшая
 всѣхъ шѣхъ, копорыхъ видѣли въ себѣ воды
 ручья Аркадскаго, окинувъ робкимъ окомъ мѣ-
 сто своего уединенія, обнажается дабы насла-
 диться прохладностію рѣки. Паридъ на верши-
 нѣ горы Иды былъ меньше восхищенъ, когда
 богини соперницы, опѣявъ божественные покро-
 вы, представили его взорамъ всѣ свои пре-
 лести, нежели ты Дамонъ; когда Музидора
 обнажила свои алебастру подобныя ноги, ко-
 гда разрѣшила дѣвственный поясъ, и когда
 сквозь раскрытую одежду груди ея, поперемен-
 но воздымающіяся съ живостию юности оп-
 крылись совершенно своимъ жаднымъ очамъ.
 Постой влюбленный молодой человекъ! Какъ
 ты опваживаешься вдаваться въ опасность
 взирая на красоту, сотворенную для приве-
 денія въ заблужденіе твоей души въ ту са-
 мую минушу, когда тонкій лень, волну-
 щійся въ згибахъ, оставляетъ ея члены
 ослѣпляющей бѣлизны, и уравненные хип-
 рымъ перстомъ природы? Открывая совер-
 шенно его взорамъ, она идеетъ краснѣя отъ
 страха быть захваченною любопытнымъ сви-
 дѣтелемъ! но испуганная малѣйшимъ шоро-
 хомъ и прыгая какъ боязливая серна бросаеш-
 ся въ рѣку. Воды отверзаются, приѣмлютъ и
 обни-

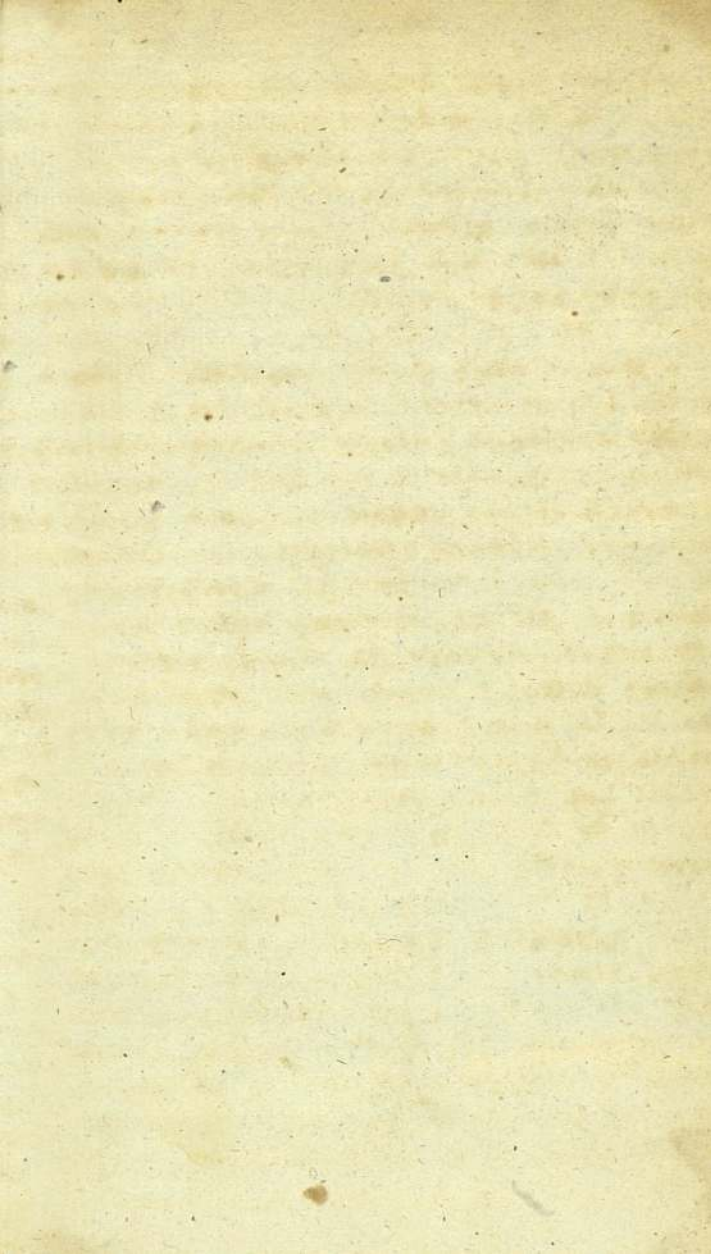
обнимающъ своими волнами любви достойную Нимфу, коюрой каждая красота углубляе- ся и каждая прелестъ блискаетъ въ новомъ сіяніи. — Дерзкій Дамонъ! — ахъ про- спише ему его движеніе, — или я не скажу ничего болѣе. — Онъ только захотѣлъ также купаться.

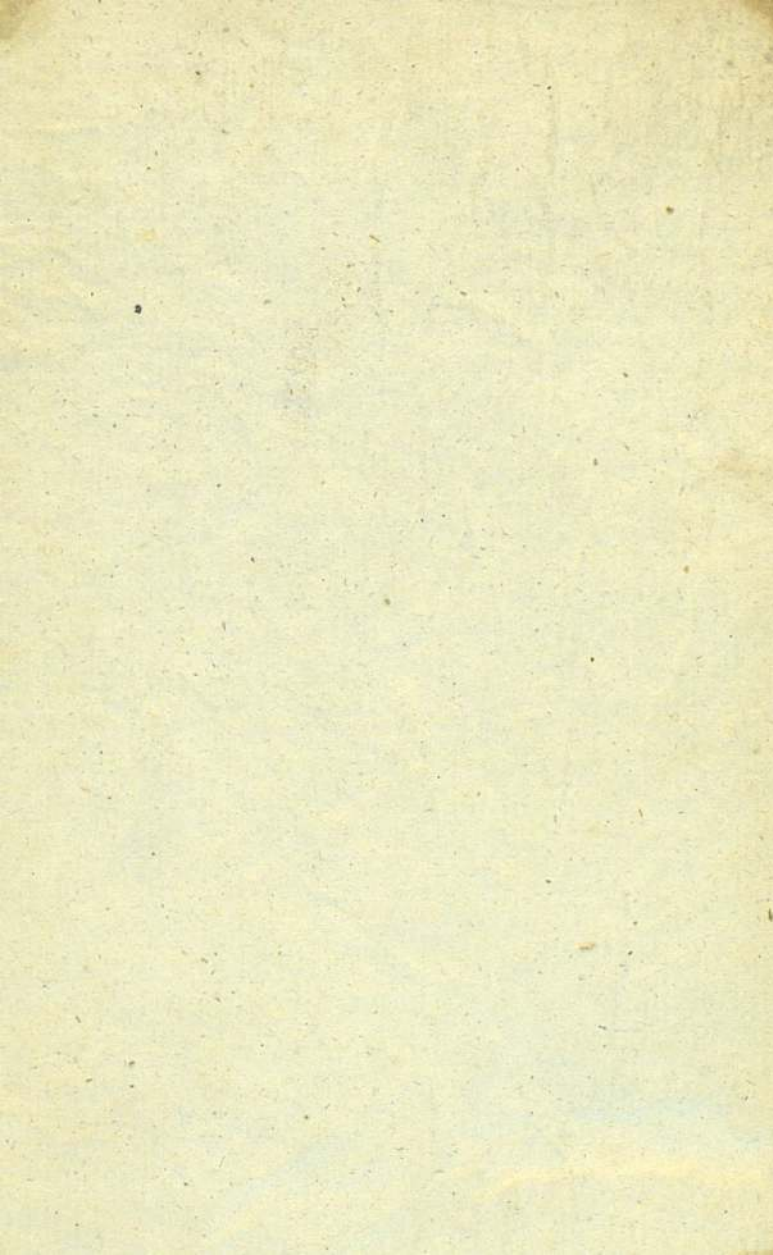
Между тѣмъ солнце продолжаетъ свое печеніе, спускается и кажется увеличиваю- щимся при каждой спупени нисходящаго дня: облаки въ движеніи съ веселіемъ собираются, угошворяющъ ему пышное провожаніе и вели- чественно окружающъ престолъ возлетающа- го, въ то время когда земля и океанъ оска- бляются. Въ сіи минушы, естъ и вѣришь пѣвцамъ Греціи, дая ошдохновенія усшальмъ своимъ конямъ, ищещъ Фебъ роцей Амфи- тришы и Нимфъ ее провожающихъ; омы- ваетъ свои лучи, погружаясь иногда до поло- вины, иногда показывая золошой полукругъ, и кивуши послѣдній огненный взглядъ, скры- вается совершенно.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Ис. № 9342

7
54

1784
4. 2

M/cp